Прощай, Россия!
Кьеза Джульетто
Москва, 1998 г.

Вместо предисловия 1
Глава 1. Американская победа 2
Глава 2. Спасти Ельцина 7
Глава 3. Четыре мушкетёра 10
Глава 4. Уж такие мы ушлые 16
Глава 5. Челябинск-70 20
Глава 6. Столько труда впустую 28
Глава 7. Российские либералы 33
Глава 8. Чечня 36
Глава 9. Матрёшка 43
Глава 10. Конец Советского Союза 49
Глава 11. Икона 59
Глава 12. Трубадуры - доморощенные и зарубежные 64
Глава 13. Шок, но, пожалуйста, без терапии 74
Глава 14. Горе побеждённым 84
Глава 15. Всенародно избранный 93
Глава 16. Великолепная восьмёрка 104
Глава 17. Борис Годунов 116
Глава 18. Великий подстрекатель 121
Глава 19. Распутиниана 127
Заключение 138
Библиография 142

Вместо предисловия

Это интервью было напечатано в «Литературной газете» № 6 от 12 февраля 1997 года в связи с публикацией на её страницах фрагментов настоящей книги.

1. Ваша книга, несомненно, содержит острую критику сегодняшней российской власти и проводимого президентом Ельциным курса. В таком случае каким вам видится курс, которым Россия могла бы пойти к своему возрождению?

- Наиболее благоприятным я считаю экономический курс,

предложенный России многими учёными с мировым именем. В том числе лауреатами Нобелевской премии по экономике Кеннетом Эрроу (Стэндфордский университет), Лоуренсом Клейном (Пенсильванский университет), Василием Леонтьевым (Нью-йоркский университет), Дугласом Нортом (Вашингтонский университет), а также известными российскими экономистами Леонидом Абалкиным, Олегом Богомоловым, Николаем Шмелёвым и другими. Эта модель совершенно отличается от «гарвардской», разработанной главным образом Джеффри Саксом и Андерсом Ослундом.

Что же до политики, то, по-моему, ясно, что для миллионов российских граждан слово «демократ» сегодня носит ругательный характер.

2. Вас не смущает, что ваша позиция кое в чём совпадает с пафосом ультралевых, национал-патриотических изданий России? Западный журналист - и вдруг единомышленник Зюганова и Проханова?

- Совершенно не смущает; во-первых, потому, что наши мотивации не совпадают; во-вторых, потому, что не моя вина, если российская оппозиция частично высказывает справедливую критику в адрес правительства; в-третьих, я считаю, что аргумент, которым хотят закрыть рот критикам только потому, что их точка зрения иногда совпадает с точкой зрения оппозиции, носит маккартистский характер. Мне хотелось бы, чтобы полемику со мной вели в стиле «аргументы против аргументов». Иначе может получиться, что все четыре западных лауреата Нобелевской премии по экономике могут оказаться коммунистами.

3. Недавно вы назвали одну из влиятельных российских газет либерального направления наиболее интересной, но тенденциозной. Не кажется ли вам, что то же самое можно сказать и о вашей книге?

- Могу ответить ссылкой на высказывание видного итальянского мыслителя Пьеро Гобетти: соломоново решение, безусловно, тенденциозно, если вся правда на одной стороне.

4. Ваше пожелание России, которой вы говорите «прощай»?

- Я писал эту книгу, намереваясь в основном раскритиковать позиции Запада. Значит, у меня ещё есть надежда, что что-то можно скорректировать. Ибо я убеждён, как это написал недавно Уильям Пфаф, что неудачные советы Запада могут превратить Россию в бомбу. Я вижу, что проводившийся в России до сих пор курс губителен для всех ценностей, существовавших и существующих в этой стране, для культуры, духовности, науки и её мировой роли как государства. Мне как другу России жалко, что она может потерять всё эти присущие ей достоинства; а как представителя Запада меня волнуют последующие нарушения равновесия и огромный вакуум в мире - следствие разрушения и распада России.

5. Чем объясняется ваше неприятие позиций Запада в отношении России? Может, вы вообще антизападник?

- Я считаю, что главные ценности Запада - либеральная демократия, плюрализм, рынок, свобода личности - это достижения мировой цивилизации. Дело в том, что западные советники предлагают России не эти ценности, а определённую неолиберальную их интерпретацию, которую, слава Богу, на Западе поддерживают далеко не все.

Глава 1. Американская победа

«Исход дела вовсе не был предрешён. Рейтинг Ельцина предыдущей зимой держался на уровне однозначной цифры. Было много причин, объясняющих перемену фортуны, но одна из них, решающая, осталась тайной». Это выдержанное в несколько высокопарном слоге откровение, не скрывающее энтузиазма автора, было опубликовано в еженедельнике «Тайм» 15 июля 1996 года. Заголовок («Спасение Ельцина») и подзаголовок («История, раскрывающая секрет, как четыре американских советника, использовав данные опросов общественного мнения, работу аналитических групп, ошибки рекламы и некоторые технические приёмы американской избирательной системы, помогли победить Борису Ельцину») должны были показать, что победили американцы.

В определённом и поистине знаменательном смысле «Тайм» был прав. Никогда ещё победа на выборах в чужой стране не была такой «американской», как эта. Действительно, победу одержал кандидат, которого очень хотела привести к власти Америка задолго до начала избирательной кампании. Победил человек, которого ещё в 1991 году Америка выбрала как самого подходящего союзника. О большем и о лучшем Вашингтон и мечтать не мог. Так президент-демократ Билл Клинтон с помощью своего верного советника по вопросам бывшего Советского Союза и его сферы влияния Строба Тэлбота сделал ставку на Ельцина как своего фаворита в борьбе за переход России к демократии и рынку.

После падения Берлинской стены прошло около семи лет. За это время чего только не было: конец советской империи и советского коммунизма, окончание холодной войны, крах централизованной и плановой экономики и расстрел Верховного Совета России из пушек. Ну можно ли было смотреть на это из-за океана, не испытывая законной гордости победителей?

Россия, невольная наследница Советского Союза, остававшаяся почти на протяжении трёх веков великой мировой державой, была наконец опять втиснута в рамки территории, которую она занимала в середине XVII века. Никогда ещё с допетровских времён Россия не была такой ничтожной, такой маргинальной, такой неоспоримой. Основную боль в этом откате, поправший её трагического величия, был Борис Ельцин. В

отличие от Горбачёва, который первый начал отступление, но совершил в глазах Запада непростительную ошибку, стараясь сохранить СССР, Борис Ельцин осуществил всё с прагматизмом человека, который хочет поскорее от всего отделаться, чтобы «прикрыть лавочку».

Теперь в мировых властных структурах Бориса Ельцина считают поборником свободы и рынка. Правда, довольно неудобным, любителем выпить, нередко лгуном с вульгарными манерами, окружившим себя сомнительными людьми, мало симпатичным широким кругам на Западе, которые всегда предпочитали и будут предпочитать ему Горбачёва, - склонным решать внутренние вопросы, стуча кулаком по столу, а когда этого мало - стреляя из пушек, безжалостно уничтожая своих же граждан в Чечне, и достаточно осторожным, чтобы не брать на себя ответственность и всю её переложить на плечи кого-нибудь из приближения. Но он безупречно блюдёт интересы Запада, а этого более чем достаточно, чтобы там закрыли глаза на все его недостатки.

Остаётся доказать две главные теоремы: действительно ли то, что интересы, которые Борис Ельцин, как ему кажется, защищает, отвечают интересам Запада (чьим конкретно и как долго это будет продолжаться?), и совпадают ли интересы Америки и Запада в целом с интересами России и русских? Да, теоремы ещё следует доказать, поскольку никто ещё не позаботился сделать это. Если только не считать доказательством простое и очевидное утверждение, что конкретная модель экономической, культурной и военной самоликвидации, осуществлённой в России за период с 1992 по 1996 годы, - это окончательное решение её вековых проблем. В чём многие русские, к сожалению (как считают многие западные лидеры), сомневаются.

Даже Александр Солженицын - а уж он-то Россию знает - говорил, что она избрала в эти годы «худший из всех возможных путей выхода из коммунизма». Впрочем, есть основания полагать, как мы увидим далее, что Борис Ельцин скорее всего преследовал собственные амбициозные интересы, побуждаемый жаждой власти, реванша (в отношении Горбачёва и своего же прошлого), нежели интересы своей страны. И что он без колебаний принял поддержку Соединённых Штатов (и той части Запада, которая преследовала те же цели), когда убедился, что это единственный способ претворить в жизнь свои личные устремления.

Нельзя также исключить, что в Вашингтоне действительно думали, будто таково единственно «правильное», «нравственное» решение проблемы советского коммунизма. Проблемы, которая слишком долго тревожила и страшила людей, чтобы не возникло желания при первой же возможности покончить с ней одним ударом. Но это значит не управлять, а мстить. Не искать «справедливых» или «нравственных» решений - единственно, впрочем, способных продлиться во времени, - а навязывать другим народам собственные правила и образ жизни.

И нельзя исключить, что невысокая политическая культура бывшего

партийного функционера Бориса Ельцина и его советников - Геннадия Бурбулиса, Сергея Шахрая, Михаила Полторанина и Владимира Шумейко - породила их уверенность, будто нужно разрушить всё - и коммунизм и государство, - чтобы безоговорочно победила идея «Империи добра». Возможно, так оно и было. Только не следует принимать невысокую политическую культуру за проницательность государственных мужей. К несчастью, многие из них совершенно не разбирались в капиталистической экономике и свободном рынке, и уж тем более не были в курсе последних дискуссий на эту тему, проходивших на Западе: на основании своих ограниченных знаний они не были в состоянии в них разобраться.

Да и что они могли знать о кризисе «общества благосостояния и о победе в те (но только в те) годы жрецов тотальной deregulation, тех самых, которые подсказывали Рональду Рейгану и госпоже Тетчер, какую политику нужно вести? Что, спрашивается, они могли знать о проблемах, волновавших самые просвещённые умы Запада? Можно ли было ждать от политического персонала, воспитанного Коммунистической партией Советского Союза, - то есть плохо разбирающегося в новейших течениях мысли, - что он выберет только самое мудрое, самое современное и подходящее к конкретным условиям России? Можно ли было ожидать от политических кадров, воспитанных в духе самого тупого цинизма, не признающих никаких нравственных ценностей и не обладающих необходимыми для политиков качествами, что они подойдут к проблемам освобождения и возрождения страны, больше всего заботясь о благополучии своих сограждан? Можно ли было ждать от людей, привыкших к насилию и не имеющих никакого представления о законах демократии, что стоит пару раз пригласить их в Гарвард, как они осознают всю важность выборов?

Эти люди и стали пропагандистами, а после прихода к власти и реализаторами политики, предполагавшей немедленно стереть в порошок советскую систему посредством тотальной приватизации и немедленного же введения свободного рынка любой ценой. Эта политика, осуществлённая некомпетентными людьми, которые находились в плену энергичнейших и настоятельнейших рекомендаций западных экономистов, финансовых экспертов и советников (в первую голову - американских и нерегулируемая экономика английских), а также столь авторитетного, сколь и лихого журнала «Экономист». А мнение этих господ, - как верно подметил Эрик Хобсбаум 1 (все ссылки приведены в конце текста, в разделе «Библиография»), - в свою очередь зиждилось на полном незнании подлинной советской экономической действительности. Удивительно ли, что два слепца, даже взявшись за руки, не могут перейти через дорогу?

В общем, это была в полном смысле слова американская победа, что стало очевидно, когда в декабре 1991 года были произнесены слова, положившие конец существованию СССР. Слова эти произнесли русские,

собравшиеся на поистине эпохальную вечеринку в одном из белорусских лесов под Брестом, и прозвучали они как акт безусловной капитуляции: геополитического пространства, ранее именовавшегося Советским Союзом, более не существует. Правда, американцы ещё довольно долго сомневались в этом. Страх перед коммунизмом был столь велик, что в его кончину они поверили лишь пять лет спустя. Хоть перед ними был труп, они всё ещё не могли освоиться с этой мыслью. СССР. покончил жизнь самоубийством, а они, призванные опознать покойника в морге истории, всё не решались зафиксировать его клиническую смерть: вдруг он ещё воскреснет!

Одних, в том числе и в Италии, даже разочаровало то, что холодная война завершилась, не перейдя в стадию горячей. Других, особенно многочисленных и в Италии тоже, раздосадовало, что такая смерть без кровопролития и, на первый взгляд, без трагедий (если не считать в Румынии Чаушеску: её пример как бы подтвердил правило, которое до начала 1989 года никто не счёл бы возможным) исключала судебный процесс над обвиняемыми. И дело не в сроке давности, положение о котором не касается преступлений против человечества, а в том, что было бы просто нелепо выносить приговор усопшему. То есть коммунизму.

К тому же непонятно кто и кого должен судить. Вернее, кто мог судить, было известно: естественно, победители. Но победители в этой аномальной войне тоже были аномальными. Удары ниже пояса наносились в ней с обеих сторон, но только виртуально. В этой войне советские лидеры сражались с собственными согражданами скорее даже больше, чем с врагом. Хотя, если судить по материалам западных секретных архивов, в холодной войне и американские граждане выполняли роль подопытных кроликов при атомных испытаниях и никто не ставил их об этом в известность. А десятки тысяч американцев отправляли на бессмысленную бойню во Вьетнам, где было уничтожено несколько миллионов вьетнамцев - и всё из-за просчётов и совершенно циничных решений, тщательно скрывавшихся от американского общественного мнения и раскрытых лишь позже одним из последних свидетелей и главных руководителей этой бойни - Робертом Макнамарой.

В общем, судьи прекрасно знали, что они не вполне подходят для проведения такого процесса. Так что никто из победителей не задавался вопросом, насколько он уместен. Впрочем, даже для Нюрнбергского процесса пришлось обновить международное право, хотя тогда - пусть Гитлера уже не было - в живых оставались многие самые крупные нацистские главари. К тому же процесс над советским коммунизмом вынудил бы Запад посадить на скамью подсудимых последнего Генерального секретаря КПСС Михаила Горбачёва, то есть именно того человека, которого общественное мнение всего мира считало главным героем освобождения советских людей от жестокостей коммунизма и имело все основания благодарить за освобождение от кошмара ядерного противостояния, от равновесия страха.

Уже одного этого вроде бы достаточно, чтобы отказаться от ностальгических молитв по «процессам над коммунизмом», идея которых столь близка сердцу отряда французских «новых философов» и некоторых прочих ветеранов холодной войны. На деле самым щекотливым был вопрос «кого» судить, даже если оставить в покое бедного Горбачёва. Ибо после того, как рассеялись надежды на то, что советский коммунизм чужд россиянам и импортирован (откуда? Да конечно же из Европы) вопреки их воле, сразу же стало ясно, что на скамью подсудимых пришлось бы посадить слишком много народа. Для начала как минимум почти всех, кто стал вдруг воспевать ценности западной демократии, и безусловно всех, кто стал у власти с 1992 года, то есть, вне всякого сомнения - всенародно избранного российского президента Бориса Ельцина. Наконец, в свете результатов выборов 1993, 1995 и 1996 годов стало бы задним числом ясно, что спустя пять лет после падения коммунизма, спустя пять лет после начала движения к рынку не менее 40 процентов российских граждан всё ещё голосовали за коммунистов. А это, учитывая, что коммунизм как политический режим уже не нужен никому, означало только одно: что этот режим, перекрывавший какое бы то ни было движение в сторону демократии, всё-таки что-то дал россиянам. И это что-то, каким бы чудовищным и невыносимым оно ни выглядело в глазах западного мира, россияне хотели сохранить.

Итак, 3 июля 1996 года американцы облегчённо вздохнули после второго тура первых президентских выборов в России. Я пока воздержусь от эпитетов «свободные» и «демократические», которыми эти выборы ещё до их проведения награждала значительная часть западной печати. Надо ещё посмотреть, насколько они были свободными и демократическими: пусть читатель сам разберётся в этом вопросе, исходя из данных, которые мы представим ниже. А пока в заключение этой главы позвольте мне напомнить об одном небольшом эпизоде, происшедшем в Москве через несколько дней после 3 июля, и не где-нибудь, а в московском отделении Фонда Карнеги. В состоявшемся там разговоре приняли участие известный экономист Андерс Ослунд и не менее известный эксперт по русскому вопросу Майкл Мэкфоул. Вспомним, как первый из них торжественно заявил: «Отныне Россия - страна с рыночной экономикой». Обратите внимание, Ослунд не сказал: отныне Россия - свободная или демократическая страна. Он сказал: «…страна с рыночной экономикой». В результате выборов произошло чудо: политика, которой было от роду один день или месяц, стала над экономикой и её сложными законами. Получалось, что экономика - не наука, а всего лишь колдовские махинации или просто фокус. Во всяком случае, жрецам тут оставалось лишь опуститься на колени.

Второй молодой и многообещающий деятель, пользующийся, как говорят в Вашингтоне, отличной репутацией, изъясняющийся на английском конечно же лучше, чем на химерическом русском, сообщил своей аудитории о «необратимой победе западных ценностей». Победе, одержанной благодаря прозорливости таких «друзей»-реформаторов, как

Анатолий Чубайс, Георгий Сатаров, Александр Лившиц. Когда кто-то из присутствующих попросил рассказать о том, какой вклад в эту победу внёс Александр Лебедь, Мэкфоул ответил: «Да его просто наняли, чтобы выиграть выборы!» - и сопроводил свои слова хитрой улыбкой, в которой можно было (и следовало) прочесть восторг и одобрение в адрес Чубайса и его прозорливых «друзей», сумевших «использовать» генерала Лебедя «просто для того, чтобы одержать победу на выборах», и презрение к глупому генералу, позволившему себя использовать. А также, разумеется, к тем «глупым» русским, которые дали себя обвести вокруг пальца. Победители явились праздновать свою победу не куда-нибудь, а прямо в дом побеждённых.

Глава 2. Спасти Ельцина

В течение четырёх месяцев группа американских политических консультантов тайно принимала участие в проведении избирательной кампании Ельцина». Курсив мой, слова же эти были написаны Майклом Крэмером в уже цитированном репортаже журнала «Тайм». Давайте прислушаемся к его рассказу, ограничиваясь пока что замечаниями только по наиболее интересным его аспектам. Прежде всего, почему тайно! Ответ прост - потому что если бы россияне об этом узнали, то Ельцин лишился бы нескольких миллионов голосов, а вместе с ними и победы на выборах. Не знаю, что подумали бы американские избиратели, если бы узнали, что Билл Клинтон сделал главой своего избирательного штаба (которому обычно доверяют самые важные тайны) русского или, того хуже, иранца. Честно говоря, хотя итальянцы и страдают манией величия в гораздо более лёгкой форме, чем американцы и русские, подозреваю, что даже им не слишком бы понравилось, если бы кандидат в премьер-министры, неважно от какой партии, вверил себя иностранному консультанту. Это не оценка, а просто констатация факта.

Ниже мы в подробностях поведаем, как избирательный штаб Бориса Ельцина, настоящий, официальный штаб, не просто пользовался американскими «советами», но практически находился в руках гражданина Израиля, точнее, Израиля и России одновременно. Но это тоже выяснилось только после победы на выборах. Так или иначе, для России эти господа, запершиеся в номере «Президент-отеля», были слишком неудобными фигурами и обращаться с ними следовало с максимальной осторожностью. Ни для кого не секрет, что восторг от Америки и её рецептов постепенно сошёл на нет после 1992 года.

И вот начинается бесконечная череда трюков, обманов и подтасовок, ставших отличительной чертой всей предвыборной кампании Ельцина. Правда, следует заметить, что ничего нового здесь не было, - все эти приёмы уже были широко опробованы на референдуме в апреле 1993 года и на парламентских выборах 1993 и 1995 годов. И уж само собой, их авторство нельзя приписывать одним только американцам. Русские - и «новые» здесь ничуть не лучше «старых советских», никому не уступят в

двуличии. Но нам ещё представится возможность вернуться к предыдущим избирательным победам Бориса Ельцина. А пока что продолжим «тайную историю о том, как эти советники помогли Ельцину добыть победу, спасшую российские реформы».

Из любви к истине следует упомянуть, что утверждения коллеги Крэмера в России были многократно с гневом опровергнуты. После публикации его «тайной истории» последовали опровержения от Анатолия Чубайса, от дочери Бориса Николаевича Татьяны Дьяченко и от Сергея Филатова, формально возглавлявшего на первом этапе комитет в поддержку кандидата-президента. Но насколько известно, Олег Сосковец - на момент описываемых событий первый вице-премьер в правительстве Черномырдина - ничего не отрицал. А это обстоятельство, как мы вскоре увидим, немаловажно. Так или иначе, никто не опроверг того, что четверо секретных американских мушкетёров российской реформы в самом деле скрывались в номере «Президент-отеля» (невольная ирония названий). Выступавшие лишь отрицали, что их помощь сыграла «решающую» роль. Сделано это было в том тоне, в каком даже самые ярые российские «западники» всегда отзываются о подобных вещах: да что могут понимать в России эти американские юнцы? Обычно этот тон сопровождается ироническим поднятием бровей. Явная уловка, предназначенная завоевать сердца всех россиян, которые придерживаются как раз такого же мнения.

Я опускаю возражение, которое наверняка вертится на языке даже у самого невнимательного читателя: да если они ничего не смыслили в России, зачем же звать их в Москву, держать под замком четыре месяца в гостиничном номере, да ещё щедро оплачивать их услуги? Что касается этого, то Крэмер - ещё один наивный американский юноша - рассказывает, что президент (иными словами, российские налогоплательщики) выплатил им вознаграждение в размере 250 000 долларов. На первый взгляд немного. Если разделить эту сумму на четыре (месяца), то получится чуть больше 60 тысяч. Если разделить ещё на четыре (человека), выходит около 15 тысяч долларов в месяц на нос. Жалкие гроши. Но дело в том, что Крэмер и сам незнаком с советской системой.

Он бы считал совсем по-другому, если бы когда-нибудь слышал о так называемом «неограниченном бюджете», то есть о системе финансирования определённых проектов, возводившихся советским государством в ранг приоритетных, необходимых настолько, что за ценой стоять не приходилось. Действовала она так: хочешь добиться некой цели? Тогда назначь ответственного за проект, надели его всеми полномочиями и дай ему возможность неограниченных трат. С единственным условием: достичь цели. Если ему это не удавалось, то он становился трупом (во времена Сталина физическим, позднее политическим). Когда же цель реализована, никто не окажется настолько глупым, чтобы начать считать, во что она обошлась. Именно таким

образом в своё время Иосиф Сталин в рекордные сроки получил от своих учёных - и от своих спецслужб - атомную бомбу. Он просто поставил во главе ядерной программы Лаврентия Берию.

Так вот, для финансирования избирательной кампании Бориса Ельцина была применена как раз система «неограниченного бюджета». Президент никогда не придирался к средствам, лишь бы они способствовали достижению его целей. Советская система? Будь она проклята! Но это не мешает воспользоваться некоторыми её методами, если они могут пригодиться. Между строк текста коллеги Крэмера (о чём он, наверное, и не догадывается) можно выловить настоящую изюминку: четверо советников получили 250 000 долларов, плюс им были оплачены «все расходы», и, кроме того, они получили «неограниченный бюджет для проведения социологических опросов, организации фокус-групп и других исследований». Итак, никто не знает с точностью, сколько денег потратили четыре мушкетёра-подпольщика. Так же как никто не знает и никогда не узнает во всём её величии сумму, потраченную штабом Ельцина. Впрочем, я преувеличиваю. В общем и целом мы узнали её и поговорим об этом в одной из последующих глав. Но речь идёт о приблизительных - хотя и очень правдоподобных - подсчётах. Точные цифры мы не узнаем никогда. И никогда не выяснится, сколько государственных денег использовал Борис Николаевич для выполнения своих предвыборных обещаний и сколько он потратил реально за два-три месяца кампании, чтобы доказать свою искренность. По той простой причине, что «неограниченный бюджет» действовал по всем направлениям одновременно. Прежде всего, обещания на несколько миллиардов долларов. Прекрасно понимая, разумеется, что они никогда не будут выполнены. «Через несколько месяцев, - писал журнал «Экономист» 6 июля 1996 года, то есть сразу после победы на выборах, - ему (то есть Ельцину. - Дж. К.) придётся резко сократить государственные расходы, независимо от розданных обещаний, которых, по разным оценкам, набралось на скромную сумму в 10 миллиардов долларов».

А сколько понадобилось, чтобы поставить под контроль всю машину СМИ? Вы думаете, это делается бесплатно? Правда, внушительное количество журналистов-поклонников согласилось помочь за скромное вознаграждение. Некоторые даже работали даром. Но остальным было заплачено, и щедро. Пишущий эти строки лично собрал немало прямых свидетельств о рынке статей и о покупке «оптом» журналистов для освещения избирательной кампании президента. По 30 000 долларов за упаковку. С напутствием вроде:

«С завтрашнего дня ты пишешь для нас и всё!» Для тех, кто захочет об этом вспоминать, атмосфера была такова, что даже далеко не беспристрастный «Экономист» в том же послевыборном номере описывал её так (речь шла о том, как российские СМИ освещали болезнь президента): «Если читатели, похоже, не были слишком обеспокоены болезнью мистера Ельцина, то в силу того, что большинство из них знало

о ней мало или же вообще ничего. Этот вопрос был проигнорирован или смягчён российским телевидением и большинством газет, которые провели предвыборную кампанию настолько пристрастно, что это потребовало немалой толстокожести от журналистов». Вот-вот - или толстокожесть, или внушительная помощь спонсоров. А когда их средств не хватало, то открывались сейфы министерств и в дело шли деньги налогоплательщиков.

Не стоит забывать и всю президентскую машину, около 2000 человек, несколько месяцев работавших только ради одного - победы главы государства. Кто-нибудь хочет попробовать посчитать? Цель того стоила. Весь мир желал, чтобы она была достигнута. Весь мир, включая Международный Валютный Фонд, временно перешёл на советскую систему «неограниченного бюджета». И участвовал в ней с щедрым подарком (громко разрекламированным, чтобы все знали, что Ельцину надо помочь выиграть) - заём российскому правительству в 10,3 миллиарда долларов, как раз накануне начала предвыборной кампании. С секретным условием (впервые за всю историю МВФ), о содержании которого никто не должен был знать. Но многочисленные московские злые языки приоткрыли завесу тайны - речь шла о предоставлении нескольких сотен миллионов долларов наличными, готовыми к употреблению, на расходы для избирательной кампании, казавшейся поначалу безнадёжной. Не из этих ли долларов Ельцин создал свой знаменитый «президентский фонд», происхождение которого так и осталось для всех загадкой? Я не в состоянии утверждать это с абсолютной достоверностью, но не скрываю, что это предположение кажется мне весьма вероятным.

К этой сумме следует добавить три миллиарда немецких марок, которые - согласно другим слухам, пущенным в оборот оппозиционной печатью и так и не подтверждённым и не опровергнутым, - канцлер Гельмут Коль передал конфиденциальными путями, чтобы у Бориса Ельцина были необходимые наличные для победы над коммунизмом. Я вовсе не хочу сказать, что все эти деньги в действительности дошли до получателя и были потрачены на вышеупомянутые цели. В операциях такой степени секретности всегда следует иметь в виду, что многие участники цепочки будут безнаказанно воровать. Но главное здесь - политическое значение. А оно весомо. Послушайте, как защищался президент Клинтон в самый разгар скандала вокруг подозрительного финансирования своей собственной кампании со стороны людей, связанных с пекинским правительством. «Разумеется, для США было бы весьма серьёзно, - цитировал «Интернэшнл геральд трибюн» 14 февраля 1997 года американского президента, - если бы какая-то страна попыталась вмешаться в финансирование любой из наших политических партий, независимо от причины». Итак, в США так поступать нельзя (а если всё-таки что-то подобное происходит, то считается нарушением закона), а будучи дома у россиян можно делать всё то, что считаешь нужным.

Впрочем, для такого поведения были серьёзные основания. Дело-то обстояло отчаянным образом. В середине февраля Ричард Дрезнер, один из четырёх американских мушкетёров российской реформы, узнал из опросов общественного мнения, что: а) пять кандидатов опережали Ельцина во всех рейтингах; б) нынешний президент мог рассчитывать только на 6 процентов сторонников; в) ещё меньшее количество россиян соглашалось признать Ельцина «компетентным руководителем». Подведя эти неутешительные итоги, Дрезнер сухо заключил: «Если бы мы были в США, то типу с такими показателями посоветовали сменить работу».

Глава 3. Четыре мушкетёра

Итак, настало время познакомиться с четырьмя мушкетёрами реформы, рыцарями без страха и упрёка, тайно обосновавшимися в номере 1120 на одиннадцатом этаже московского «Президент-отеля». Имя одного нам уже известно - Ричард Дрезнер. У этого нью-йоркского адвоката в послужном списке есть интересный пункт: в конце 70-х - начале 80-х годов он «способствовал избранию Билла Клинтона на пост губернатора Арканзаса вместе с Диком Моррисом».

Кто это такой, Дик Моррис? Автор репортажа, Майкл Крэмер, называет его «политическим гуру Клинтона на сегодняшний день». Увы, спустя едва полтора месяца после рождения этого краткого, но точного определения, Дик Моррис пал жертвой урагана судьбы. В самый разгар съезда Демократической партии США в Чикаго, в то время как Билл Клинтон получал от своих сторонников мандат на борьбу и готовился стать первым после Ф.Д. Рузвельта президентом-демократом, переизбранным на второй срок, Дик был пойман, так сказать, с поличным в объятиях проститутки, которую он больше года посвящал во все тайны Белого Дома. Разумеется, разразился скандал, за которым последовала неизбежная немедленная отставка. Личность Дика Морриса, до того скромно державшегося в тени, оказалась в фокусе всех объективов. Он тоже по-своему символичный персонаж, олицетворяющий определённый стиль и видение политики, совпадающие с теми, которые побеждают сейчас в Америке и - по понятным причинам - в России. Дик Моррис - человек, добившийся успеха, несмотря на позорное падение. Потомки скажут, что он отвечал духу своего времени.

Политические убеждения? Республиканские. Он может похвастаться многочисленными успехами в перевыборах сенаторов и губернаторов-республиканцев. Но какое значение имеют сегодня в Америке политические идеи? Да никакого. Может быть, и мы к этому придём, ведь Америка становится предтечей любых тенденций. Пока что мы ещё не пали так низко, и в Италии никому не показалось бы нормальным, если бы, скажем, Демократическая партия левых сил наняла для организации предвыборной кампании Джанни Пило из правого блока «Вперёд, Италия!». Дик Моррис же был нанят (как мы знаем, не в первый раз) для улучшения перспектив политического зомби, в которого превратился

демократ Клинтон после сокрушительного поражения 1994 года, когда его партия утратила большинство в Палате Представителей и в Сенате.

«Настоящий политический гений», - похвалит его Билл Клинтон, который многим обязан Дику, прежде всего своим переизбранием. «Тайм» же ещё до того, как Морриса поймали с путаной, описывал его такими словами: «Мастер технологии подсознательных манипуляций, составляющих основу пикантных политических мыльных опер». Кто пользуется пикантностью, от неё же может и погибнуть. Но разве это его вина (или заслуга), что Клинтон станет республиканцем по сути и по программе? И что Клинтон окончательно свёл на нет и без того слабую прогрессивную и либеральную ориентацию своей партии, присвоив, с одной стороны, некоторые из наиболее кровожадных тенденций американских консерваторов, а с другой - превратив политику своей партии в сентиментальный невразумительный компот? Может быть, но дело не в этом. О Дике Моррисе можно сказать всё, что угодно, кроме того, что он стал работать с Клинтоном с целью сместить его вправо. Если бы ветер дул влево, то Дик переложил бы руль в другую сторону. Если бы для победы на выборах понадобилось опуститься, то он отправился бы и в ад. И шлюхи тут ни при чём. Просто для Морриса (и для Клинтона) важны не идеи, не программы, не моральные и политические цели. Главное - выиграть. Любой ценой. Бог создал их друг для друга.

Впрочем, это тоже их право. Но встаёт вопрос: если такова философия американского президента и если его действия следуют этим критериям, кто может гарантировать, что его решения как-то связаны с общими интересами? Никто и ничто. В том числе и с интересами самих американцев. Но если бы мне пришлось представить себя одним из тех государственных деятелей, которые кроят и сшивают интересы регионов, государств, областей, народов, провинций, районов и дворов, то как европеец я хотел бы иметь право знать, соответствуют ли решения Билла Клинтона хотя бы общим интересам Европы. Оставим на секунду в стороне весь остальной мир с его более запутанными и противоречивыми интересами. Рождается подозрение, что люди, стремящиеся выиграть любой ценой, немедленно и исключительно в интересах личной карьеры и успеха, вряд ли могут представлять интересы общества. Даже некоторые американские обозреватели усомнились в том, что можно сочетать «алчность, бесстыдство и великие цели» 2.

Если и то, и другое, и третье совпадают, то это случайное и временное явление. В остальное же время они расходятся и надеяться можно только на чудо. В том числе и потому, что мозг этих типов работает в четырёхлетнем режиме (если выборы каждые пять лет, то цикл соответственно удлиняется). За пределами этой даты лежит терра инкогнита. Что им за дело (речь не только о Клинтоне, но почти о всех сегодняшних лидерах) до того, что произойдёт послезавтра, когда их судьба уже будет бесповоротно решена? В этом-то и загвоздка. Они решают за себя, но последствия их решений - зачастую они и не отдают

себе в этом отчёта - отдаются далеко за пределами мандатов, которые им удалось вырвать у избирателей. Поэтому всё зависит от той мерки, какой их мерить. С точки зрения личного и немедленного успеха они заслуживают высшего балла. Но с точки зрения общих интересов почти никто не дотягивает даже до удовлетворительной оценки.

Всё сказанное относится и к решениям, принятым Клинтоном и Западом в целом в отношении России. С какими критериями западные руководители подошли к российскому кризису? Были ли они дальновидны? Чего мы можем ожидать от типа вроде Дика Морриса, чьи власть и неограниченное влияние не соответствуют даже самым скромным требованиям моральных приличий? Я хочу раз и навсегда объяснить, что не имею в виду его в общем-то невинные эротические забавы. Я думаю, например, что и российская избирательная кампания была проведена такими же комбинаторами с такими же принципами. Что касается американцев, то это их дело. Они натренированы, лишены иллюзий, у них накопился опыт. Это их демократия, она работала и будет продолжать работать - всё хуже и хуже, правда - ещё долгое время. Но это - не демократия россиян, они не готовы к ней, они её не знают. Следовательно, так или иначе, она не может работать. В любом случае некорректно подвергать их передозировке, даже не предупредив о последствиях.

Закончив это отступление, вернёмся наконец к Дику Моррису, который, как пишет «Тайм», стал посредником в тех ситуациях, когда американским советникам «требовалась помощь администрации для переизбрания Ельцина». Значит, утверждают Крэмер и «Тайм», американская администрация в нескольких случаях напрямую вмешивалась в дела российской предвыборной кампании. Как? Когда? Мы попробуем разобраться в этом позже. Это будет не очень сложно. «Тайм» не вдаётся в подробности, ограничиваясь сообщением о том, что «хотя Клинтон не участвовал в рекрутировании американских консультантов, его администрация знала об их существовании, и, несмотря на то, что Дрезнер отрицает связь с Моррисом, три различных источника сообщили «Тайм» о по крайней мере двух ситуациях, когда контакт с Моррисом оказался «полезным»«.

Оставшиеся три мушкетёра не так интересны и не так важны, но тем не менее заслуживают упоминания. Это Стивен Мур, ответственный за связи с общественностью, Джордж Гортон, могущий похвастаться участием в выборах губернатора Калифорнии Пита Уилсона, и Джо Шумэйт, эксперт по опросам общественного мнения. Стоит заметить, что и Гортон, и Шумэйт, и Дрезнер известны как эксперты, сотрудничающие с республиканскими кругами. Когда после публикации в «Тайм» из Москвы посыпались возмущённые опровержения, то они все сводились к одному доводу: как можно думать, что демократическая американская администрация прибегла к специалистам-республиканцам, чтобы помочь Ельцину в переизбрании? Ответ: как можно думать, что Клинтон

настолько наивен, чтобы послать своих собственных экспертов (если, конечно, он ими располагал)? Лучше послать людей противника и запутать следы. А потом держаться в стороне, чтобы не попадаться на глаза. Дело было провёрнуто неплохо: по крайней мере в этом случае Билл Клинтон доказал, что понимает - Москва не Арканзас и бизнес с экс-коммунистическим колоссом требует по крайней мере столько же внимания (и, если проведённый хорошо, меньшей степени риска для себя лично), сколько и давнишние дела с Уайтуотером.

К четвёрке надо добавить пятый персонаж, чьё даже поверхностное описание обогащает новыми подробностями операцию по спасению Бориса Ельцина. Это Феликс Брайнин, российский бизнесмен, эмигрировавший в США и осевший в Сан-Франциско в далёком 1979 году. Можно предположить, что ныне Брайнин наслаждается американским гражданством. Но тогда, в 1979-м, спокойно выехать в США было не так-то просто. Тем более, как уточняет «Тайм», «с 200 долларами в кармане», не будучи евреем или агентом КГБ, или и тем, и другим вместе. Ещё был жив Леонид Брежнев и холодная война была в полном разгаре. До прихода Михаила Горбачёва оставалось ещё шесть лет. Тем не менее Феликс Брайнин, «массивный бывший хоккеист и футболист», эмигрирует и, начав с работы маляром, вскоре превращается, согласно самому затёртому из американских клише, в «богатого консультанта, дающего советы потенциальным инвесторам в России».

Подробность о спортивном прошлом Феликса не следует терять из вида. Быть может, именно оно объясняет, каким образом 17 декабря 1995 года он очутился в весьма плохом настроении в гостиной одной правительственной дачи в Подмосковье. Для этого он должен был стать желанным гостем какого-нибудь крупного деятеля из правительства или из президентского окружения. Может, то был Шамиль Тарпищев, получивший пост министра по спорту за выдающиеся достижения в теннисе (как спарринг-партнёр президента), в свою очередь приятель начальника «гвардии преторианцев» Александра Коржакова, ключевого человека в деле назначения председателя Госкомитета по спорту и, следовательно, использования огромных налоговых льгот, подаренных этой организации лично Ельциным, человека, от которого зависело и назначение руководителей банка «Национальный кредит», созданного специально для прокручивания полученных прибылей. Ниже мы вновь встретимся со всеми этими людьми, к которым присоединится и Борис Березовский. Но за это время альянс будет расторгнут и создан вновь, игровой стол неоднократно опрокинут, а посередине окажутся несколько человек, убитых в московских подъездах, и несколько сотен миллиардов долларов, перешедших из рук в руки.

Учитывая, что и Коржаков, и Тарпищев, и Брайнин, возможно, принадлежат к одной и той же организации; что Тарпищев и Брайнин наверняка имели контакты и по спортивной линии; что Брайнин занимал неплохое положение в американском бизнесе, - нетрудно предположить,

что господин Феликс Брайнин может быть посредником в США каких-нибудь влиятельных лиц из российских президентских структур. Вот почему Феликс Брайнин стал гостем правительственной дачи, а не поселился, как обычно приходится делать бизнесменам, в каком-нибудь московском отеле. И вот почему в тот вечер 17 декабря 1995 году он был в плохом настроении.

Из этого треклятого телевизора сыпались кошмарные новости. Страшные для его бумажника и для состояний его друзей и заказчиков. Телевидение сообщало результаты выборов в Думу. «Наш дом - Россия», партия Черномырдина, потерпел сокрушительное поражение. Коммунисты Геннадия Зюганова утвердились как партия относительного большинства. Государственные телеканалы, первый и второй, организовали ночной эфир. Атмосфера была скверная, некоторые опросы, проведённые на выходе с избирательных участков, были неутешительны, хотя прогнозы социологов - увы, бессмысленно потраченные деньги - всё ещё давали:

«Наш дом - Россия» впереди. Иногда иметь слишком много денег вредно: получаешь бесполезные и даже опасные подарки. С каждой минутой становилось всё яснее, что произошла катастрофа. Правительственная партия отчаянно боролась за второе место с Жириновским, отставая на десять корпусов от коммунистов. На четвёртом месте «Яблоко» Явлинского. Гайдар и остальные «демократы» уже выбыли из борьбы. Партия Анпилова, коммунистов крайне левого толка, подбиралась совсем близко к пятипроцентному барьеру. Кошмар 1993 года повторялся, только в ещё худшем варианте. Тогда виновницей разочарования стала партия Гайдара, «Выбор России», которой вся российская и большая часть западной печати сулила верную победу (некоторые пророчили фантастический результат в 40%). В действительности же она оказалась второй в голосовании по партийным спискам, далеко позади Владимира Жириновского. Тогда ночь предвкушаемого избирательного триумфа тоже закончилась конфузом и на экране мелькали растерянные лица президентских советников, изумлённо таращившихся на электронное табло, которое, впрочем, Центральная избирательная комиссия вскоре отключила. В ту ночь показал себя во всей красе Юрий Карякин, бросивший в микрофон обвинение, которое с тех пор стало привычным для российских «демократов» по отношению к когда-то любимому ими народу: «Россия, ты одурела!»

В какой-то момент «реформаторы» вроде Александра Яковлева, бывшего идеолога перестройки, получившего от Ельцина в подарок первый канал телевидения, решили, что будет лучше выключить телевизор и дать ЦИКу время «внимательнее изучить» результаты. В это время новая ельцинская Конституция, скроенная «демократами» по мерке президента-царя для народа, который, по их мнению, «одурел» и не способен был сам управлять страной, таинственным образом оказывалась

Именно они, утверждает Крэмер, «поручили Брайнину «найти какого-нибудь американца», но действовать при этом с максимальной осторожностью». Настало время объяснить неискушённому в кремлёвской кухне читателю любопытную подробность, которую «Тайм» - какая жалость! - пропускает, быть может, вовсе не замечает. На тот момент шайка «Коржаков и Компания» старалась представить себя защитницей российских интересов в борьбе с засильем иностранного капитала. При этом она использует «тонкие» и «ненавязчивые» намёки, например, посылает вооружённых людей запугать Владимира Гусинского, владельца «Мост-Банка» и частной телекомпании НТВ, а также друга московского мэра Юрия Лужкова. Последний всё ещё не раздумал выставлять свою кандидатуру на президентских выборах и его надо вовремя поставить на место. Гусинский с ним не разлей вода, вплоть до того, что московская мэрия доверила его банку все свои деньги. Этот еврей стал слишком уж богатым, это «космополит», троянский конь международного капитала в цитадели власти. К тому же его НТВ показывает россиянам слишком много репортажей из Чечни. Весомые причины, чтобы «предупредить» обоих, чтобы сидели тихо и не высовывались. Классическая мафиозная процедура. Единственное отличие - вместо наёмных киллеров Коржаков использует агентов Главного управления охраны.

Следует предупредить читателя, что описываемая география банд внутри и вокруг Кремля восходит к 1995 году. С тех пор имели место неоднократные и существенные эволюции, вариации и смены состава. Мы будем сообщать о них по ходу повествования. Во всяком случае, на том этапе АО «Коржаков и Компания» неустанно трудилось несколько месяцев. Например, в печать просочились документы, свидетельствующие о том, что Черномырдин предал интересы российских нефтяных компаний в пользу американцев. На этой кухне готовилось новое издание Бориса Ельцина, которое вскоре должно было предстать перед страной: побольше национализма, побольше патриотизма, чтобы перехватить часть голосов коммунистов и проглотить целиком люмпен-электорат Жириновского. Неглупая мысль, с их точки зрения. Разумеется, в глаза общественному мнению было пущено много дыма, который закоптил и немало авторитетных западных обозревателей, начавших описывать банду Коржакова как опасность номер один, новое воплощение националистического, государственнического, антизападного и антисемитского реваншизма.

Само собой, в этих определениях, всё ещё имеющих хождение в российской печати, немало истины. Обличая группировку, пытавшуюся следовать превалирующим у населения настроениям, СМИ тем не менее отчасти подыгрывали им. Коржаков и компания были глупы со стратегической точки зрения, но в тактическом аспекте хитрости им было не занимать. Это типично для новой российской элиты. Они знали, что общество уже возненавидело демократическую печать. Для человека с улицы нападки «Известий» приравнивались к заслуге.

На самом деле какие же они антизападники! В это же самое время Коржаков сотоварищи - как теперь подтверждает «Тайм» - негласно сотрудничали с американцами. Наверняка они подозревали, что и другие россияне, внутри и вне Кремля, тайно сотрудничали с американцами, исходя из иной стратегии, но, главное, из иных банковских счетов и интересов.

Мы ещё неоднократно вернёмся к этому немаловажному обстоятельству. Пока что достаточно запомнить несколько правил, чтобы избежать типичной «наивности», свойственной зарубежным и российским обозревателям, успокаивавшим российскую и мировую общественность.

а) Борьба между различными группировками в окружении Ельцина не имела и не имеет никакого идейного содержания. Например: демократия и рынок против авторитаризма и государственничества. Если вы натолкнётесь на кого-то, кто попытается вам продать эту комедию, можете быть уверены на сто процентов, что перед вами лжец.

б) Ещё одна популярная сказочка представляет Ельцина совершенно чуждым заговорам, интригам и сценариям его окружения, кстати, неоднократно менявшегося за годы у власти. Это выдумка и не более того. Ельцин был главным действующим лицом всех этих интриг, благодаря которым он раз за разом избавлялся от группировки, на тот момент представлявшейся ему менее полезной и удобной, а в перспективе более опасной для его собственной власти. Да, состояние его здоровья часто вынуждало президента находиться вдалеке от места, где непосредственно протекали эти интриги, не имея возможности управлять ими. Но его власть всегда была настолько велика, что стоило ему вновь стать хоть чуть-чуть мобильным, и он сразу расставлял все фигуры по местам.

У этой ситуации есть свои естественные ограничители: здоровье Ельцина и его психологическая слабость, заключающаяся в том, что он мнит себя вечным. По этим двум причинам однажды остальным придётся избавиться от него, силой или обманом, если конечно он сам внезапно не рухнет. Но это дело будущего. В настоящем, ещё не выяснив, кто же самый сильный, все пытаются сохранить его в живых и на его месте, любой ценой, отбирая у него по кусочкам власть и используя её в своих интересах. Настоящая драка пираний вокруг полутрупа. Но что касается прошлого, то мы увидим, что Ельцин всегда был главным героем. Не все его исчезновения со сцены были «спланированы» (только некоторые, очень хитро задуманные) с целью впоследствии свалить на других грехи, за которые президент был ответственен лично. Но и вынужденные отлучки по болезни из Кремля часто использовались как ловушки, в которые попадали друзья и противники. Вокруг них всегда были шпионы и доносчики, которым не терпелось заслужить похвалу президента. Вокруг них всегда были провокаторы, устраивавшие им западни, чтобы потом показать головы жертв великому царю, когда он выздоровеет. Очевидно, что преимущество всегда было на стороне тех, кто знал

реальное состояние здоровья президента. Именно оно было самой главной государственной тайной в России ельцинских времён. Остальные можно было спокойно продавать за границей, тому, кто больше даст. И их продавали.

Мы ещё неоднократно вернёмся к списку «наивностей», коих в этой истории не счесть. Их так много потому, что Россия - сложная страна. Но не только. Ставка в игре была настолько велика, что уровень гласности свёлся до минимума. Фальсификации, факты, мотивы и интересы сплелись в гигантский клубок, по размерам не уступавший самой награде. Список авторитетных перьев, породивших и питавших этот обман, бесконечен, как в Италии, так и за её пределами. Среди них были доверчивые глупцы (их было большинство) и недоверчивые проходимцы (меньшинство, но весьма весомое), которые чуяли, куда дует ветер, и двигались в ту же сторону. Бесчисленная армия пропагандистов времён холодной войны продолжала функционировать, хотя сама война давно закончилась. А поскольку главным врагом в той войне был коммунизм, то достаточно было налепить коммунистический ярлык одному из кандидатов, как тысячи комментаторов, набычившись, бросались топтать его. Теперь - а прошло совсем немного лет - уже легко разобраться, что некоторые ярлыки, навешенные на того или иного российского деятеля, оказались ложными. И что армия киллеров с перьями в руках убила немало вариантов разрешения российского кризиса, которые могли бы стать выгодными для всех.

Имеет смысл вернуться к этим событиям. В том числе и потому, что, поскольку убийца всегда возвращается на место преступления, нам, быть может, удастся поймать его. Но давайте вновь бросимся в гущу событий, в номер 1120 московского «Президент-отеля», в тот холодный и тревожный февраль 1996 года, когда вырабатывалась стратегия переизбрания Ельцина. Главное, чтобы никто за пределами Кремля ничего не узнал. «Секретность, - признался Брайнин «Тайм», - была решающим фактором. Всем было ясно, что если бы коммунисты узнали обо всём до выборов, то они атаковали бы Ельцина, объявив его послушным орудием в американских руках. Нам позарез нужна была эта команда, но мы знали, что, заполучив её, мы пойдём на огромный риск». Бедняга. Столько труда пропало даром. Пока ребята из Америки заперлись в номере 1120, подлинная стратегия избирательной кампании решалась совсем в другом месте. Не то чтобы в конце концов она слишком отличалась. Просто молодые люди из США никогда не смогли бы вообразить, какими приёмами надо было поднимать рейтинг Ельцина. Ведь они не знали Византии.

Глава 4. Уж такие мы ушлые

В конце февраля 1996 года во главе Общероссийского штаба по выборам президента продолжал оставаться первый заместитель премьера Олег Сосковец. Слишком долго и наверное неинтересно

рассказывать здесь даже о малой части интриг, связанных с его назначением, и о составе штаба. Остановимся на главном. Дрезнер встретился с Сосковцом в 3 часа пополудни 27 февраля и познакомил его со своим планом действий. Это были пять машинописных страниц, объяснявших, что следовало и чего ни в коем случае не следовало делать. Советы, естественно, основывались на опыте американских выборов.

«Вы приняты. Я скажу президенту, что нам помогают американцы». Считалось, что Сосковец - человек деловой и немногословный. На его столе лежал календарь с жирно отчёркнутыми красным карандашом днями, остававшимися до первого избирательного тура, то есть до 16 июня. Но разговор на этом не закончился. У Сосковца было ещё важное замечание: «Одна из ваших задач - за месяц до выборов предупредить нас и сказать, следует ли их отменить. На тот случай, если вы сочтёте, что мы их проигрываем».

Вот оно, главное подтверждение. На протяжении всей избирательной кампании ходили упорные слухи о том, что Борис Ельцин вынашивает идею отмены выборов. Эти слухи конечно опровергались, в том числе и им самим. Но они продолжали циркулировать, порой слегка затухая, когда рейтинги президента начали подниматься из той провальной глубины, в которой они были вначале. Накануне второго тура, во время выяснения отношений между двумя акционерными обществами: «Коржаков и К»« и «Чубайс и К»«, победители, то есть эти последние, заявили во всеуслышание, что выборы хотели отменить те, кто потерпел поражение.

При этом иногда подразумевалось, а иногда заявлялось открыто, будто сам Борис Ельцин вряд ли знал об этом. Если кто-то и в самом деле думал, что президент не знал, что творится вокруг него, и что он не контролировал своё окружение, то это очень и очень печально. Следовательно, можно предположить, что подобный вариант стоял в повестке дня - и Ельцин прекрасно об этом знал, - до последнего момента, до самого начала первого тура выборов.

Итак, перед нами один из вариантов. Эстетически безобразный и весьма неприглядный во многих других отношениях. Но эти люди были готовы на всё, лишь бы не проиграть. Тем более что в сегодняшней России потерпеть поражение - значит поставить под угрозу не только своё положение, но даже личную свободу и, конечно, счёт в банке. И не потому, что «коммунисты идут», а потому, что преступления, воровство и насилие, совершённые руками этих людей, были такими, что кто бы ни пришёл к власти после них, какой бы порядок ни установился после нынешнего криминального хаоса, - если, конечно, он не окажется ещё хуже прежнего и воцарится при хотя бы минимальной поддержке народа, - их призовут к ответу за то, что они сотворили со своей страной.

Одна из существенных особенностей, нередко ускользающих от внимания сторонних наблюдателей, заключается в том, что ельцинская Россия имеет мало общего с парламентской демократией и правовым

государством. Здесь подобных правил ещё не существует. Их нет в законах, да и будь они там, вряд ли что-нибудь изменилось, потому что их нет прежде всего в головах людей. И не существует чётких испытанных механизмов передачи власти. Следовательно, мирно уйти со сцены главе государства чрезвычайно трудно. Признать вердикт, вынесенный избирателями, нежелательно. Либеральная демократия выработала принцип, приносящий ей победу над всеми прочими моделями в период становления массовых обществ, - принцип суверенитета народа. Считалось, что, исходя из данного принципа, «для решения, кому командовать, надо не рубить головы, а уметь считать их». Группировки, дерущиеся за власть в России, начиная с их главаря Бориса Ельцина, утверждают, будто они безоговорочно придерживаются идей либеральной демократии, но из соображений высшей целесообразности намерены применять этот принцип с маленькой оговоркой (из разряда тех, которые обычно и не замечаешь, читая и подписывая, например, какой-нибудь страховой договор): головы надо не просто подсчитывать, а как правило подсчитывать. То есть, если подсчёты вас не устраивают, результаты их можно зачеркнуть или внести в них поправку: на деле - чтобы спасти свою шкуру, а на словах - для того якобы, чтобы не позволить снова рубить головы. Мир поймёт.

И действительно, в данном случае мир был готов понять и подписаться под такой формулировкой. Без особого энтузиазма, разумеется, ибо трудно объяснить американским, германским, итальянским, французским избирателям, что выборы были отменены во имя (будущей) демократии. Трудно передать на пристойном итальянском языке, например, идею бывшего демократа, одного из советников президента Андроника Миграняна относительно «авторитарной демократии». Хотя, если придерживаться исторической правды, надо признать: кое-кто в Италии счёл это определение подходящим, полагая, что если народ туповат и властитель сознаёт это, ему можно позволить в случае необходимости закрутить гайки; то есть что демократия остаётся демократией до тех пор, пока люди ведут себя так, как угодно властям. Когда же по каким-либо причинам этого не происходит, власть приобретает авторитарный характер и зачёркивает демократию полностью или частично - с добрыми намерениями, естественно. Оригинально, не так ли?

Но как бы то ни было, именно сию модель Запад одобрил и признал для России. Давайте рассмотрим эту схемку повнимательней. На Западе и сейчас, по окончании холодной войны, рассматривают Россию как варварскую, отсталую страну, население которой не может обойтись без автократа и которой всегда управляли лидеры, страдающие атавистическим чувством неуверенности, лидеры, относящиеся к Западу с завистью и любопытством, но бессознательно страдающие от своего комплекса неполноценности и, следовательно, способные - в случае необходимости - лишь уничтожить врага, поскольку любые переговоры с ним могут привести к тому, что он либо поглотит, либо покорит их, либо

сделает и то, и другое. Именно из такой посылки исходил Джордж Кеннан в 1946 году, формулируя свою доктрину «сдерживания» Советского Союза. С тех пор посылки эти так и не изменились в сознании самых крупных администраций мира. Коммунизм, в общем, только и делал, что сплачивал и укреплял посредством беспощаднейшей из утопических идеологий самую жестокую, неприступную и непредсказуемую из великих держав. Кончился коммунизм, кончился Советский Союз, осталась Россия: варварская, жестокая, отсталая страна с заложенным в хромосомах коллективизмом. Подобные дикари не имеют права позволить себе такую роскошь, как передовая демократия. Можно позволить им попробовать, что это такое, но поскольку им нельзя доверять, надо держать их под контролем. А чтобы не заявила о себе вновь ностальгия по коммунизму, а главное, если учесть, что переход к капитализму будет трудным, само собой напрашивается «демократически-авторитарное» решение: едва возникнет опасность, отнять морковку и взять в руку палку. Не надолго. Надо только успокоить страсти, которые, впрочем, будут временными. Русские - народ терпеливый. Хотя, лучше, конечно, избежать кровопролития, беспорядков, неэлегантных и плохо поддающихся объяснению действий.

Вот почему Ельцин был вынужден делать опровержения всякий раз, когда заходила речь о возможной отсрочке или отмене выборов. Из Вашингтона и некоторых европейских столиц поступали довольно ясные - по крайней мере в этом отношении - сигналы: Борис Николаевич, не ставьте нас в неловкое положение, постарайтесь сохранять приличный курс. Мы окажем вам всяческую помощь, пустив в ход все имеющиеся в нашем распоряжении разумные средства. Но вы, Борис Николаевич, обделывайте всё чисто. Идеально было бы действительно одержать победу на выборах, попробуйте сделать это с помощью нормального нарушения правил, которым иногда отличаются и наши избирательные кампании. Если понадобится монополизировать средства массовой информации, что ж, монополизируйте их, мы и слова не скажем. Если понадобится нарушить нормы объективности и финансирования избирательной кампании, будьте уверены: никаких проблем мы вам не создадим. Мы и сами так делаем. Как же иначе! Всегда можно сказать, что Россия всё ещё немного дикая страна, что нельзя требовать кристально честного поведения от страны, разлагавшейся на протяжении всех семидесяти лет коммунизма (тут мы одним выстрелом двух зайцев убиваем).

Короче, можно будет сказать, что в общих чертах выборы, в сущности, были законными. Всё остальное покроется пылью забвения. Если же эти элементарные нормы не сработают, тогда можно будет допустить и некоторую подтасовку цифр. Вы, Борис Николаевич, уже сделали это в 1993 году, и, как видите, мы ничего не сказали. Приедут иностранные наблюдатели - проследить за тем, чтобы не было никаких махинаций, но вам прекрасно известно, что иностранные наблюдатели мало знают Россию и увидят ещё меньше. Они уедут ещё до того, как

начнётся разборка, и в любом случае будут говорить то, что хотят от них услышать их правительства. Лишь бы, Борис Николаевич, всё было проделано не слишком грубо, не слишком вульгарно. Это было бы неприятно, хотя по завершении игры никому не захочется копаться в деталях. Ни западным газетам и телевидению, ни, тем более, вашим. Но отменять выборы! От этого, пожалуйста, увольте!

Пока что это были конфиденциальные послания, передававшиеся не через официальных, а через весьма даже неофициальных лиц, джентльменов вроде Дрезнера. Хотя... Если бы победа явно шла в руки коммунистов, тогда лучше было бы опрокинуть шахматную доску и обо всём забыть. Помню, как Георгий Сатаров, которому уже надоели мои вопросы о возможности отсрочки президентских выборов, сказал, что несколькими днями раньше в его кремлёвском кабинете в том же кресле, в котором сидел я, утопал «один авторитетный посланец Госдепартамента», который заметил, что «все предпочтительнее победы коммунистов». «Все? В том числе и отмена выборов?» - спросил я. Сатаров посмотрел на меня, как на несмышлёного младенца, и сказал: «Конечно!» Это было всё равно, что сказать: вы там, на Западе, столько болтаете о демократии, но когда доходит до дела, когда на карту ставятся реальные интересы, готовы идти на что угодно. Иногда вы смотрите на нас, как на варваров, и стремитесь учить нас правилам игры. Разве что не советуете нарушать их, когда это в ваших интересах. Мы такие, какими вы нас считаете, - не лучше и не хуже. Такие же ушлые, как и вы. Правда, он сразу же добавил: «Во всяком случае, я не получал от президента никакого указания, кроме одного: с утра до ночи работать ради победы на выборах. Только ради этого. А о том, работает ли кто-нибудь над другими гипотезами, мне неизвестно».

Прекрасно. Сатаров получил одни указания. Коржаков и Сосковец - другие. Возможно даже, - в чём я сомневаюсь, - что одни не знали, над чем работают другие, третьи, четвёртые, пятые в махине, каким был штаб по переизбранию Бориса Ельцина. Но не это главное. Главное - что одновременно шла работа над разными гипотезами. Материал, опубликованный в «Тайм», частично помогает нам восстановить картину этих махинаций. К данному вопросу следует подходить формально (сугубо формально!), уважая всяческие правила и процедуры. Пока не станет ясно, чем дело кончится. Между тем надо одновременно рассматривать все варианты. Когда мы окажемся на распутье, решим, что делать дальше,

Неужели Борис Ельцин так ничего и не знал? Только тот, кто не наблюдал за его поведением на протяжении последних лет, может допустить столь глупую мысль. Мы располагаем кое-чем более серьёзным, нежели просто косвенные улики. В конце мая обитатели номера 1120, а также соседних номеров в «Президент-отеле» стали отдавать себе отчёт в том, что Ельцину грозит серьёзная опасность в результате первого тура выборов оказаться на втором месте. Это было бы ещё не так плохо с точки

зрения перебаллотировки, но ужасно для его имиджа. Главное, что такой результат мог бы сделать весьма маловероятным его выход на первое место во втором туре. У кого-то там, на одиннадцатом этаже отеля, по спине побежали мурашки при мысли, что в результате первого тура Ельцин может и вовсе оказаться третьим. Тогда он вылетел бы из предвыборной гонки и прощай все блага, нажитые окружением за эти годы, кроме, пожалуй, счетов в зарубежных банках. Предчувствуя такую возможность, Ельцин через посредство Чубайса и других лиц из своего окружения, принадлежащих к разным группам, неоднократно искал встречи с Григорием Явлинским, Александром Лебедем и хирургом-офтальмологом Святославом Фёдоровым - тремя кандидатами-центристами, «встрявшими» между Ельциным и Зюгановым.

О Лебеде разговор особый. Посмотрим, как обстояло дело с Явлинским. Во время одной из бесед с глазу на глаз в Кремле Ельцин сказал своему сопернику, что ему решительно нужны голоса его избирателей. «В противном случае, - заявил он, - если победят коммунисты, то на вас ляжет огромная ответственность». «Борис Николаевич, - ответил Явлинский, - даже если я откажусь от участия в предвыборной гонке в вашу пользу, я вовсе не уверен, что мои избиратели со мной согласятся. Вас в России не любят, хотя и не говорят вам об этом. К тому же я опасаюсь, что если во втором туре вы останетесь один на один с Зюгановым, многие мои избиратели, как и избиратели других демократических кандидатов, предпочтут вообще воздержаться от голосования или станут голосовать против всех, только бы не поддерживать вас...» На что Борис Ельцин, посмотрев ему прямо в глаза, гневно заявил: «Никакого второго тура не будет!»

Означало ли это, что Ельцин нацеливался на победу уже в первом туре? Неужели его так плохо информировали? Может быть, он просто блефовал и хотел, чтобы Явлинский ему поверил? Или же у российского президента были другие замыслы? Ведь он заявлял о своей уверенности в победе уже в первом туре публично, вызвав немалое удивление даже среди своих сторонников.

В окружении Ельцина всячески пытались «придать видимость правдоподобия» его победе в первом туре, всё ещё представлявшейся весьма труднодостижимой. Пойди ему навстречу Григорий Явлинский, Святослав Фёдоров и Александр Лебедь или хотя бы один из них, Ельцин мог бы заполучить ещё два, три, а то и пять миллионов голосов. Теоретически разумеется. Ну, а если эти голоса ему в действительности бы не достались, тогда в дело могла вступить Центральная избирательная комиссия и сделать всё, чтобы свести концы с концами. В любом случае превентивный уход других кандидатов сделал бы подобный результат «более правдоподобным». А если бы дела пошли и вовсе плохо, тогда никакого второго тура! Нашли бы любой предлог (война в Чечне, нарушения общественного порядка, серьёзный террористический акт, да что угодно ещё), чтобы сорвать волеизъявление народа. Таков был план.

Он даже не был таким уж тайным: все газеты, и оппозиционные и проправительственные, говорили об этом. И никто, абсолютно никто не находил его невероятным.

Тот факт, что президент заявил об этом прямо в лицо лидеру одной из четырёх главнейших в Думе фракций, кандидату, как и он сам, на президентский пост, говорит лишь об одном - о том, что произвол для Ельцина в порядке вещей. Если за последние годы вокруг него сложилась атмосфера полной безответственности в обществе, войн между бандами, интриг и самого настоящего насилия; если власть, олицетворением которой он является, находится в состоянии войны с реальной страной; если коррупция распространяется всё больше, то происходит это потому, что президент навязал свои методы всей правящей олигархии. Обладая безграничной властью, он приучил своих бояр пользоваться ею, исходя из его же критериев. В силу того, что президент по состоянию здоровья подолгу отсутствует на политической арене, они используют эту власть наихудшим образом, так, как подсказывают им их жестокость и бескультурье. Надеяться на то, что они образумятся, ожидать от этих политических деятелей и деловых людей возрождения, значит готовить России окончательную катастрофу, которая произойдёт, увы, ещё до того, как истощатся богатства страны, до того, как они прекратят и метафорическую и фактическую резню друг с другом за раздел этих богатств.

Глава 5. Челябинск-70

Кто такой Владимир Нечай? Немногие вспомнят его. Он не соответствовал яркой картинке, нарисованной корреспондентами крупнейших СМИ, Си-Эн-Эн, «Вашингтон пост» или «Нью-Йорк таймс». Его имени не находилось места в шифрованных телеграммах послов западных стран, которые, хорошо зная, чего от них ждут главы их правительств и министры иностранных дел, посылали тайнописью то же самое, что влиятельные журналисты писали открытым текстом на страницах своих влиятельных газет и произносили с важным видом с экранов своих влиятельных телекомпаний. Короче говоря, Владимир Нечай был как тот жёлтый человечек в зелёном анекдоте. Был, потому что он покончил с собой пулей в висок в своём кабинете в Челябинске-70 в одно серое ноябрьское утро шестого года эры Ельцина.

Нечай был директором ядерного центра в Челябинске-70, бывшем секретном городе бывшего Советского Союза, где и сегодня - как бы это не казалось абсурдным - действует полный цикл производств термоядерного оружия. Он был одним из тех миллионов россиян, проведших свою жизнь в «городах зеро», городах-призраках, не существовавших на карте. Американцы смогли увидеть их только после того, как изобрели самолёт U-2.

Он был не из последних, а из первых, из тех, кто знал, сколько стоит

этот миллион мозгов, сколько миллиардов рублей было в них вложено, когда рубль ещё чего-то стоил. Случайно я отыскал интервью, данное Владимиром Нечаем в 1994 году. Он говорил: «Нам нужна помощь государства на три или четыре года. Потом вы вернём всё. Открывать двери иностранным инвесторам, да и российским частникам без гарантий безопасности рискованно». На дворе был сентябрь 1994 года. Нечай был обеспокоен, но ещё надеялся, что ему удастся спасти науку своей страны от окончательного коллапса.

Он служил своей стране. Он был из тех, кто верит, кто не ворует, кто не думает только о своём кармане. Он ждал, что Москва выплатит его подчинённым долг по зарплате за несколько месяцев и другие долги, от которых зависело выживание целого города, 30 тысяч его жителей и тончайших и ужасающе опасных аппаратов, над которыми они работали. Он ждал поступления 58 миллионов долларов. Но взамен получил собственную зарплату за май: 250 000 рублей - неполные 50 долларов.

Владимир Нечай застрелился, и мы не знаем, был ли этот последний жест продиктован отчаянием или стыдом, или, наоборот, гордостью или печалью. Он был учёным, на чьём потёртом пиджаке, висящем теперь в единственном шкафу, какой есть в его доме, едва умещались самые почётные награды его страны. Если бы он немного подсуетился, то сумел бы эмигрировать и был бы принят с распростёртыми объятиями - и с отличной зарплатой - в любом из сотни зарубежных исследовательских институтов.

Таких, как он, остаётся ещё около миллиона. Эти люди вызывают зависть у всего мира, но они всё ещё заперты в своих городах-призраках. Не по их воле, хотя формально никто больше их не заставляет. Дело в том, что по закону они не могут эмигрировать. А эти интеллектуальные и научные сливки общества не умеют ничего, кроме тех сложнейших вещей, которым их научили. Это - община неповторимых личностей. Если кто-то и заслуживал титула «новых» людей, то это были они.

Теперь же для власти, допустившей распродажу государства, они оказались не просто бесполезными, но и неудобными. Что с ними делать? Задействовать в других сферах? Да ладно, проще оставить их умирать. Тем более, что наверняка в них живёт, как презрительно бы сказал Александр Зиновьев, ужасный, презренный «хомо советикус». Разница только в том, что в отличие от подробного и в основном точного портрета «хомо советикуса», нарисованного в «Зияющих высотах», эти были и остаются носителями «ценностей». Что всегда лучше тех прагматиков, которые предпочитают вносить ценности без кавычек на свой банковский счёт, и пусть за их благополучие расплачивается общество. Жители Челябинска-70 считали, что у них есть будущее. Они могли бы сами себе его построить, если бы кто-нибудь позаботился о конверсии этого города-призрака и использовании его выдающегося интеллектуального капитала. Но это означало бы строить Россию со своим собственным будущим, собственным достоинством производителя, собственным

самостоятельным местом среди других наций.

В октябре 1996 года, за несколько недель до того, как российская межпланетная программа «Марс-96» позорно провалилась из-за поломки ракеты-носителя «Протон», «Нью-Йорк таймс» писала: «Русские победили в - космосе». Как же так? У американцев есть космический челнок «Шатл», который можно перезаряжать как батарейку видеокамеры, само совершенство. Остаётся только рот открыть от удивления. Именно поэтому «Интернэшнл геральд трибюн» поместила эту новость в центр первой полосы. Итак, даже после пяти лет разрушительного ельцинского урагана, после всего того, что было сделано, сознательно и нечаянно, для развала всего и вся, русские ещё не растеряли свой огромный (в основном военный) потенциал, которым они располагали до распада СССР. Эксперт по космосу американской газеты сделал «открытие»: русские всё ещё могли бы производить «в десять раз больше видов двигателей на жидком топливе, чем американцы», к тому же «на высшем уровне мощности и надёжности».

Могли бы. Потому что теперь следует говорить только о потенциальных возможностях, которые, как показывает печальный опыт «Марса-96», быстро сокращаются. Каждый месяц без инвестиций, без мероприятий по безопасности, без технической поддержки равен отставанию на год от конкурентов. Этот потенциал мог бы превратить современную Россию в опаснейшего соперника на мирном рынке, созданном после окончания холодной войны. Сам собой напрашивается вопрос: почему Запад, вместо того чтобы помочь России (как он обещал на словах) стать конкурентоспособной, на деле старался превратить её - а российские руководители покорно подчиняются - в потребителя наших товаров. Не военных, разумеется. Нечай думал о мирном будущем, например, о уникальной технологии производства сверхчистого кварца, незаменимого для выпуска ни с чем не сравнимого по проводимости оптоволокна. Эту технологию не надо создавать, она уже существует и даже не запатентована. Представьте, что за соблазнительная награда для первого, кто доберётся до Челябинска-70 с чемоданом, полным зелёной наличности, и разрешением на сделку, подписанным кем-нибудь в Кремле, в кармане.

Где проходит грань между безответственностью и самым настоящим предательством национальных интересов? 28 сентября с орбиты сошёл - от старости - «Космос-2320», последний российский спутник, способный проводить космическую съёмку. Даже американские обозреватели не нашлись что сказать. Холодная война закончилась, это верно, но разве России нечего больше защищать? В какой ещё стране в мире из тех, что сохранили хоть каплю собственного достоинства, один из высших постов в государстве может быть отдан человеку с двойным гражданством, как это случилось с Борисом Березовским? К тому же разведывательные спутники служат не только для перехвата радиосообщений бывшего врага. Они необходимы для того, чтобы знать, что происходит на

собственных границах. На которых, кстати, становится всё жарче, как, например, на таджико-афганской, где действуют и российские войска. Или на российско-чеченской. А ещё есть граница с Китаем, за которой надо приглядывать. Плюс контроль за перевозкой наркотиков и браконьерством японских, китайских и даже польских рыбаков в Охотском море. Список можно продолжить. Это - перечень законных интересов, необязательно связанных с обороной. Иными словами, мы узнали, что Россия более не в состоянии контролировать даже свои собственные рубежи. «Как низко пали русские!» - восклицает генерал Джеймс Клэппер, шеф военной разведки США с 1991 по 1996 год. А пожелавший остаться неизвестным высокопоставленный чиновник американских спецслужб описывает ситуацию такими беспощадными словами: «Всё это показывает невероятную глубину падения советской военной мощи. Им надо распрощаться с любыми мечтами о сильных вооружённых силах. Они испытывают трудности даже в поддержании ныне существующей оборонной системы» 3.

Бедный, наивный Нечай ждал денег от государства, так как верил, что технологии Челябинска-70 пригодились бы, например, для «мирного атома», в котором Россия испытывает огромную потребность и от которого большинство стран мира совсем не собирается отказываться. Но Нечай к тому же боялся, что страшные секреты его города-призрака могут попасть в руки авантюристов. Излишнее беспокойство человека, уже находившегося в перевозбуждённом состоянии, приведшем его затем к самоубийству? Или опасения, имевшие реальные основания? Вопрос немаловажный. Ведь кто-нибудь может сказать: а что нам за дело до душевного кризиса профессора Нечая? А другой добавит: что нам за дело до России вообще и до низкого морального и интеллектуального уровня её руководителей? Разве нам не хватает своих собственных? Верно. Но если тревоги Нечая имели под собой серьёзные основания, то дело касается нас близко, слишком близко. И тогда проблемы России вдруг покажутся очень важными даже человеку с улицы, с западной улицы, привыкшему думать только о своих делах. Тогда это будут как раз его дела.

Когда у генерала Лебедя во время его первого визита в Америку спросили, каков уровень безопасности ядерных материалов в России, он лаконично ответил: «Неудовлетворительный». Затем, в более узком кругу, он добавил, что сильно обеспокоен непредвиденными опасностями, встающими на горизонте, невиданными ужасами, которые могут вдруг возникнуть перед взором наших детей. Да и мы сами можем успеть это увидеть.

В это же время в нескольких сотнях километрах к северу, в Гарварде, профессор Грэхем Коллинс заканчивал книгу под названием «Избежать ядерной анархии», в которой рассказывал о некоторых важнейших и совершенно неизвестных широкой западной публике проблемах. Рассмотрим некоторые из них. Первая, самая общая, может быть

сформулирована примерно так:

вероятность ядерного терроризма - не «если», а «когда»? Остальные наступают одна за другой: «потерянные» ядерное оружие и материалы являются опасностью номер один для жизненных интересов Америки. Средства и человеческие ресурсы, выделенные Россией и США для увеличения ядерной безопасности, никак не соотносятся с реальными масштабами проблемы. В России уже зафиксированы «атомные» кражи. По крайней мере шесть случаев произошло за рубежом. Для производства атомной бомбы достаточно банки из-под кока-колы, набитой плутонием или обогащённым ураном. В России около 200 точек, в которых располагаются ядерные боеголовки, разнообразные предприятия (вроде Челябинска-70), склады и лаборатории, имеющие дело с атомом. И наконец, имеет место убийственное сочетание различных факторов, взаимодействующих между собой: сумасшедшая экономика, нищенские условия существования работников атомной промышленности, удручающее состояние общественной и личной морали, устаревшие и легко преодолеваемые системы безопасности. В этих условиях и криминально-мафиозные организации, и террористы могут, имея достаточное количество денег, приобрести с относительной лёгкостью ядерные материалы. Не знаю, был ли профессор Коллинс знаком с профессором Нечаем. Но они пришли к одним и тем же выводам.

Владимир Нечай покончил с собой, когда понял, что у протектората, в который превратилась Россия, больше не было будущего. Более того, она сама становилась угрозой для будущего всех остальных, в том числе и тех хитрецов, которые считают, что навсегда обезвредили и унизили страну, пугавшую их на протяжении пятидесяти лет. У гроба Владимира Нечая мысленно собрались все лучшие представители российской интеллигенции. Которые имеют мало общего с так называемыми «творческими» интеллигентами - в основном с московской пропиской. Те продались не моргнув глазом тому, кто больше дал, довольствуясь подбиранием крох, падающих со стола новых русских богачей. Кое-кто даже разбогател, остальные ограничились подачками. И все подтвердили горький диагноз Варлама Шаламова, согласно которому «когда писатели и интеллигенты попадают в кандалы, то готовы ползать перед любым полуграмотным идиотом». Остаётся только напомнить, что российские интеллигенты только-только освободились от цепей. На первый взгляд, они были свободны в своём выборе. Они должны были помнить прошлое. И всё же они немедленно решили заковать себя обратно, собственными руками.

У всех на совести - даже у тех, кто не подписал, но промолчал - письмо к Ельцину, опубликованное в «Известиях» 5 октября 1993 года, спустя два дня после бойни в Останкино и в Белом доме. Это письмо, как писал Зиновьев 4, «не имело прецедентов по подлости, жестокости и цинизму», к тому же «не было продиктовано насильно, оно являлось выражением доброй воли его авторов, то есть их подлинной природы.

Подписавшие письмо называют восставших убийцами (хотя именно они и были убиты!), фашистами (хотя настоящими фашистами были как раз их убийцы!) и так далее. Они благодарят Бога за то, что армия и органы правопорядка покарали повстанцев (и здесь я хочу добавить, что не столько армия, сколько группы наёмников в форме и в гражданском, нанятые в последний момент. - Дж. К.). Они призывали президента запретить все коммунистические и националистические партии, закрыть все оппозиционные газеты и признать нелегитимными Съезд народных депутатов и Верховный Совет...»

Трудно найти мужество и спустя три года - и какие! - заняться самокритикой. Тяжело объяснять самим себе, что самое страшное - хотя и раньше о его наступлении предупреждали многочисленные симптомы - началось именно тогда, с их одобрения. Нелегко признать, что Конституция, хитростью навязанная стране через три месяца после кровопролития, была написана под аплодисменты и с участием московской «творческой» интеллигенции. Невыносимо смотреть в лицо друг другу после того, как выяснилось, что народ, чьи чаяния, как им казалось, они выражали, придерживался противоположного мнения. Когда «Независимая газета» 5 спросила у группы подписантов, повторили бы они те же самые слова три года спустя, почти все хором ответили, что да, конечно, они подписали бы снова, хотя, может быть, тон воззвания, использованные выражения, да, да, кое-что они бы подредактировали. Некоторые дошли до того, что оправдывались тем, что даже не читали текст, который согласились подписать. «Вы понимаете, в такой момент... Ведь коммунистическая опасность была... Ведь опасность фашизма...» Единственный, кому стало стыдно - Юрий Давыдов, на вопрос газеты ответивший: «Каждый имеет право совершить глупость. Но в данном случае было бы лучше не воспользоваться им».

Разумеется, эта кучка нравственных пигмеев не пришла на похороны Владимира Нечая, как не пришёл ни один представитель правительства и президентской администрации. На похоронах пили, как принято в России в момент прощания: полстакана водки, пирог со смородиной, варёная картошка со сметаной, блины без икры. Речи произносили очень сдержанные. Вокруг гроба стояли лучшие представители российской науки, исследователи, которым остальной мир мог только позавидовать. Многие не смогли приехать. Слетать из Арзамаса-16, другого секретного города, в Челябинск стоит 2 миллиона рублей, 400 долларов. Сколько российских учёных могут себе позволить такую роскошь?

Прощальные речи были печальны, но обвинений не звучало. Как подчеркнул Григорий Явлинский, единственный московский политик, нашедший время добраться до Урала, чтобы выразить свою скорбь, это - люди, отлично знающие, с каким ужасным потенциалом они имеют дело всю жизнь, и умеющие сдерживать свои эмоции. Но один из присутствующих вполголоса проговорился после церемонии: «Другой на его месте выбрал бы другой способ...» В смысле, чтобы привлечь

внимание к ситуации. Все поняли, какой «другой способ» имелся в виду. Боже мой! Неужели в Москве не отдают себе отчёта, насколько опасно доводить до такого отчаяния людей, в чьих руках основная ответственность за ядерный арсенал страны? В России, однако, это возможно.

С этой точки зрения перед теми, кто на самом деле пытается понять, что же происходит в России, предстаёт неутешительное, поистине леденящее зрелище.

Я вспоминаю, как зимой 1992 года в Тольятти состоялось совещание, в котором участвовали так называемые «красные директора» и тогдашнее российское правительство в почти полном составе. Присутствовали и.о. премьера Егор Гайдар, министры Шохин, Нечаев, Авен и куча другого народа. С либерализации цен не прошло и года, и правительство искало поддержки среди вчерашних советских промышленников, опасно склонявшихся к «центристским» обещаниям «Гражданского Союза» Аркадия Вольского.

Там были все «красные директора», по крайней мере наиболее крупных всё ещё государственных предприятий. Я отправился туда послушать дискуссию, понимая, что она могла стать важным моментом для решения судеб страны. Так и было. Я помню эти «кадры», этих зубров номенклатуры среднего звена, олицетворявшие монополизм коммунистического государства. Они сменяли друг друга у микрофона, а в президиуме сидели молодые, почти юные люди, только что покинувшие стены американских университетов, пропитанные рейгановско-тэтчеровским кредо, убеждённые сторонники deregulation. И все зубры-директора говорили приблизительно одно и то же: мы поняли, что социализм умер. Мы знаем, что придётся пожертвовать доброй частью наших производственных мощностей на алтарь конкуренции, эффективности и рынка. Но мы просим, мы умоляем вас учитывать два ключевых вопроса. Первое: что за нами стоят миллионы семей, которые мы не можем бросить на произвол судьбы. Второе: многие из представленных здесь предприятий могут достаточно быстро стать конкурентоспособными на мировом рынке, лишь бы государство выработало инвестиционную политику, направленную на их возрождение. Мы готовы закрыть то, что надо закрыть, но скажите нам, пожалуйста, что нам сохранить, на что вы хотите нацелиться, чтобы способствовать росту производства в будущем.

Я помню, какая скука была написана на лицах молодых людей, сидевших в президиуме. Они и не задумывались о программе государственных инвестиций. Ещё меньше они заботились о семьях увольняемых. Не от жестокосердия. Просто им не пришло в голову, что реформа таких ужасающих размеров, беспрецедентная, сложнейшая, могла быть реализована только при условии поддержки если не большинства (что было бы практически невозможно), то хотя бы значительной части населения. Они ответили, что да, они что-нибудь

предпримут. Помнится, они даже взяли какие-то конкретные обязательства. Но я был поражён невразумительностью их ответов. Только что созданное Борисом Ельциным правительство не имело ни малейшего понятия о том, что такое промышленная конверсия страны. Оно её просто не предусматривало. Посткоммунистические же промышленники, напротив, выдвигали конкретные, не лишённые смысла предложения. Естественно, они пытались спасти прежде всего самих себя, то, что ещё можно было уберечь в их ветхих производствах, но несомненно они ставили конкретные, реальные проблемы.

Я вспомнил об этом через несколько месяцев, читая потоки ругани, обрушивавшиеся ежедневно свободной российской печатью на «красных директоров». Их обвиняли в «бойкотировании реформы», в том, что они были «гнездом консерваторов» и «поддерживали коммунистов». Лозунг дня, не терпевший возражений, был - «макроэкономическая стабилизация», которая непременно и неизбежно привела бы с собой всё сразу - экономический рост, иностранные инвестиции, демократию, правовое государство, плюрализм, эффективное чиновничество, переполненные магазины, стабильный рубль и так далее, от триумфа к триумфу. Уже наняты были в качестве советников российского правительства Андерс Ослунд и Джеффри Сакс, и горе тому, кто осмеливался возражать. Печать была уже почти вся свободна. Свободна клеить ярлыки «коммунистов» и «консерваторов» на всех, кто пытался предложить хотя бы небольшое отклонение от заданной линии.

А ведь даже кое-кто во Всемирном банке сообразил, что так не справиться с проблемой перехода к рынку монолитного молоха советской экономики. Исследование Всемирного банка, проведённое в начале 1992 года и похороненное в каком-то письменном столе, утверждало, что государство должно было играть центральную роль в по меньшей мере четырёх областях, имевших первостепенную важность для перехода к рынку и капиталистической экономике. Это:

а) соблюдение социального равенства, гарантирующего общественную стабильность, необходимую для продвижения реформы;

б) поддержка частного сектора через чёткие программы и антимонопольная деятельность;

в) сохранение отделённого от международного внутреннего рынка, с защитой его слабых структур от предсказуемого натиска слишком могущественных иностранных инвесторов;

г) контроль над ключевыми элементами финансовой политики и развитие административной ниши для разумной налоговой политики 6.

Другое исследование Всемирного банка, проведённое в августе 1990 года, то есть до начала потрясений ельцинской эпохи 7, предостерегало против «быстрого разрушения государства», называя его «неподходящим

даже для стратегий сверхсвободного рынка»... Ключевой предпосылкой для позитивного развития частного сектора является существование модернизированного и высокоэффективного государственного сектора... Настоящая проблема заключается не в размерах государственного присутствия, а в его качестве.

Я надеюсь, что эти два совета, исходящие из источника, стоящего вне всяких подозрений, помогут отмести раз и навсегда посылку, согласно которой критика «реформаторской» модели Ельцина означает в лучшем случае непонимание законов рынка, а, в худшем - скрытые коммунистические симпатии. Второй тезис - лучший пример маккартизма наших дней. Первый же является невольным доказательством марксовской концепции «идеологии» как «ложного сознания», самообмана, жертвой которого становятся апологеты определённого типа общества, будучи неспособными понять его подлинную природу. Проще говоря, идеология - это когда живёшь в богатом квартале и полагаешь, что весь мир состоит из богачей. То есть границы твоего района совпадают с границами мира. Птолемеева система в применении к общественному строю. Она перестанет быть идеологией только в одном случае: если страстно защищая ваш квартал (что, кстати, вполне законно), вы не будете при этом выдавать его за весь остальной мир.

Возвращаясь к главной теме, следует сказать, что мы все живём как раз в «идеологическом» силовом поле, где правила диктуются «англосаксонской экономикой» (используя определение Рональда Дора, который, в свою очередь, отсылает нас к Мишелю Альберту). Она не единственная: существует немецкая модель, японская, стремительно наступает китайская. И никто не сказал, что именно «англосаксонская экономика» победила все остальные. Может, её рецепты оказались самыми лучшими для высокотехнологичных отраслей, вроде электроники и биотехнологий, олицетворяемых Силиконовой Долиной и Биллом Гэйтсом? Или для «венчурных капиталистов», преодолевающих пропасти как акробаты, балансирующие на проволоке? Или же победил рецепт «Хитачи-Сименс», не такой авантюрный, тесно связанный с внутренними капиталами предприятия, по образцу крупных корпораций японского типа? И сколько продержится «англосаксонская» модель, являющаяся по сути «американской», после краха принципов солидарности, при всё более ожесточённой конкуренции, при всё более острых социальных противоречиях, в то время как целые куски гражданского общества теряют почву под ногами и их реакция становится неконтролируемой? Все эти вопросы пока что остаются открытыми.

Но все мы, хотим мы того или нет, мыслим в рамках «американской» модели. Это её идеи распространяются СМИ, формирующими общественное мнение. Вот она, идеология: эта модель стала «единственно возможной» для бесчисленных масс, чьё мнение диктуется узкими группами её поклонников, жрецов и дьяконов, которые держат в руках СМИ. Коммунизм умер? Отлично, надо заполнить опустевшую нишу

«американской» моделью. Просто потому, что она «единственная». И если трудно объяснить Саксу, что моделей всегда несколько, что история общественных формаций не так проста, как кажется, то представьте себе, насколько неблагодарной задачей было внушить то же самое россиянам, десятилетиями издалека поклонявшимся Америке, мечтавшими о ней как обыватели (которыми они ещё не были), предвкушавшими ослепительную красоту её товаров, которые им не терпелось потребить.

С этой точки зрения Егор Гайдар стал выразителем народных чаяний. Всего на несколько месяцев, потом многие - в том числе и в России - сообразили, что американский костюмчик сидит криво, где-то жмёт, где-то обвисает, а вокруг шеи собрался в складки, подозрительно напоминающие скользящий узел. Но всё заглушал мощно гремевший хор макроэкономистов-монетаристов под аккомпанемент органа российских неолиберальных теоретиков. Они пели бесконечную хвалу несравненным достоинствам бесконтрольного капитализма, чистой конкуренции, окончательного, необратимого, тотального и молниеносного разрушения государства. Даже такие страны, как Германия, Франция, Италия, которые могли бы подсказать менее радикальные подходы, присоединились к этому гимну. Вроде бы странно, потому что там государство играло и продолжает играть отнюдь не второстепенную роль в экономике и производстве. Но всех нас увлёк смерч разрушения и форсированной приватизации. Если мы могли убить государство и его «вэлфер», то как же России не последовать нашему примеру? Тем более что государство, умиравшее в России, было коммунистическим.

Почти четыре года богословы неолиберализма обещали неизбежное торжество своих идей, скорую стабилизацию и снижение инфляции (достигнутое путём невыплаты зарплаты и пенсий миллионам человек, рецепт, годный только для России). Андерс Ослунд даже опубликовал в «Форин эфэйрс» статью под названием «История российского успеха» 8. В это время, несмотря на пророчества богословов, промышленное производство продолжало падать (даже когда инфляция спустилась ниже планки 2% в месяц), дезинтеграция государства достигла ужасающих размеров, а вся система поддержания уровня жизни населения исчерпала свои возможности.

Тогда перед богословами возникла новая проблема: как «убедить» общественное мнение, что жить в России стало лучше, чем раньше. Для Ослунда, папы римского этой теологии, главная беда в том, что «люди не понимают». Даже «Экономист», обычно столь задиристый, неожиданно утрачивает чувство юмора и эйфорию и впадает в недоумение. В ноябре 1996 года, сразу после операции на сердце Ельцина, в передовой статье, озаглавленной «Послеоперационная Россия», журнал целых пять раз ругает «Ельцина и его друзей», используя один и тот же потрясающий аргумент: «Им не удалось доступно объяснить реформы народу». И ещё: «Они не предприняли никаких усилий, чтобы убедить людей», и «Им не

удалось убедить народ», и снова «Они не разъяснили, что подлинная реформа должна расширяться» 9. Короче говоря, вина российского руководства - в том, что оно не способно хорошенько «объяснить» народу, какие чудесные годы он только что пережил.

Странная манера ставить вопрос для обычно столь конкретно и реалистично мыслящих людей. Хочется спросить: они что, в самом деле думают, что если бы блин не вышел комом, то люди бы этого не заметили? Неужели «Экономист» обратился к методам коммунистического агитпропа, согласно которому достаточно провести хорошую пропаганду и всё будет в порядке? До чего только не доведёт идеология! А ведь «Экономист» пережил короткое озарение в 1995 году, когда потерял терпение (это случается даже с англичанами) и поместил на обложке, на чёрном фоне, физиономию Ельцина со взглядом убийцы и недвусмысленным заголовком: «The wrong man for Russia» - «Не тот человек, который нужен России» 10. Интересный вывод. Но это был лишь проблеск разума, скоротечное признание, немедленно потопленное в чернильном море идеологии.

Глава 6. Столько труда впустую

Чудо за чудом. А чудеса всегда невероятны. Ельцин переизбран президентом, несмотря на своё (как мы впоследствии узнали) серьёзное заболевание. Чудо номер один. Правда, допинг был выбран не совсем удачно. Ельцин чуть не умер в промежутке между первым и вторым туром. Тогда вместе с авторами гениальной идеи его повторного выдвижения он попал бы в книгу рекордов Гиннеса как пример «максимального усилия для нулевого результата». Как надуть шарик так, чтобы он лопнул. Или, как говорил Мао Цзэдун, как поднять камень и уронить его себе на ноги. Чудо номер два: пережив драматическую и сложнейшую операцию и полугодовую реабилитацию, Ельцин снова стал работать как раньше. Почти как раньше, но для олигархии главное - выиграть время.

Нам отвечают, что альтернативы не было. Лошадь выиграла забег. А главное - выиграли те, кто на неё ставил. Ну и что, если она надорвалась на финише? Циники усмехаются: он сам этого хотел. Он же знал о своём состоянии здоровья. Что он себе думал? Что пройти путь от 6 процентов поддержки до «исторической» победы - так, просто прогулка? И наконец, кого можно было поставить на его место? Виктора Черномырдина? Да бросьте, он же только что проиграл выборы 1995 года. Не говоря уже о том, что с такой физиономией партаппаратчика, ещё более невыразительной и неподвижной, чем у Ельцина (если это только возможно), его победа потребовала бы не десять миллиардов долларов, а все тридцать. Ещё немного, и российские выборы обошлись бы не меньше, чем весь мексиканский кризис. К тому же при виде Черномырдина начинают хохотать даже депутаты Думы. Когда после победы он явился в нижнюю палату российского парламента и поклялся, что у него

единственного нет банковского счёта за границей, всё высокое собрание было охвачено неудержимым весельем.

Ну ладно, россиянам - особенно депутатам - можно всучить всё, что угодно. А купить их - особенно депутатов - и того проще. Как всегда, это вопрос цены. Перефразируя Петра Чаадаева, можно сказать, что они были столько покорными потому, что в их прошлом ничто не толкало к сопротивлению. Или можно процитировать Александра Зиновьева, который приходит к безжалостному выводу, что «мы (русские) были способны на огромные жертвы во имя великих идеалов. Но мы обнаружили в себе и способность к непередаваемым низостям и беспрецедентной для истории человечества способности изменять самим себе» 11. К тому же бедные россияне ещё не отошли от травмы предыдущих 70 лет и, похоже, готовы на всё, чтобы избежать их повторения...

А вот здесь стоит задуматься. Несомненно, что россияне больше не хотят коммунизма. Его-то они испытали на собственной шкуре, это - единственное, что они знают. Единственный коммунизм, когда-либо существовавший в действительности (поэтому Брежнев и называл его «реальным»). Здесь объединяются все: молодые и старые, красавцы и уроды, мужчины и женщины, богатые и бедные. Это факт. И тем не менее, 3 июля 1996 года огромное число людей, 43%, проголосовали за Геннадия Зюганова и против Бориса Ельцина. А ведь им предстояло сделать исторический выбор. По крайней мере, в этом их убеждала пропаганда, пять месяцев долбившая по мозгам: смотрите, если победят коммунисты, вам больше не придётся голосовать! Вы вернётесь в очереди, будете ходить в государственные магазины! Не сможете свободно ездить за границу! Начнётся гражданская война, ваши дети погибнут! И так далее, кошмар за кошмаром.

В оправдание следует уточнить, что рынок не предлагал других вариантов, поскольку монополия власти на радио, телевидение и печать (за исключением нескольких оппозиционных газет) не позволяла общественному мнению познакомиться с ними. В любом случае таково было содержание подавляющего большинства выступлений СМИ. И что же? К урнам отправились (официально) 65% имеющих право голоса (общее число которых составляет около 106 миллионов человек). Не будем вдаваться в подробности, всё равно никто никогда не узнает подлинные данные. Пользуюсь случаем, чтобы заявить раз и навсегда, что считаю частично ложными все официальные данные по выборам 1993, 1995 и 1996 годов, но в отсутствие иных цифр буду с осторожностью пользоваться этими. Подтасовки так или иначе вылезают наружу, даже из официальных данных. Вернёмся к 106 миллионам избирателей, 65% которых отправились 16 июня на избирательные участки. Это около семи десятков миллионов взрослых людей. Что прежде всего означает, что более 30 миллионов россиян, не пошедших голосовать, не верили, что им предстоит сделать судьбоносный выбор, как утверждала официальная и

единственная пропаганда. Они вовсе не считали, что победа Зюганова стала бы трагедией.

Причин здесь несколько. Западные либералы поспешат сообщить нам, что избиратели, манкирующие голосованием, косвенно выражают своё доверие нынешним правителям. Как в Америке. Разумеется, это передёргивание фактов. Попробуйте сказать американскому среднему классу - единственному, который ходит на выборы, - что, если он не проголосует за Клинтона, наступит коммунизм. Повторяйте ему это месяц за месяцем. Добавьте, что если Клинтон не выиграет, то эти демократические и свободные выборы окажутся последними. Можете быть уверены на сто процентов, что американцы отправятся голосовать все до одного, несмотря на то, что они даже не знают, что такое коммунизм, так как никогда его не пробовали. Россияне же наслаждались советским коммунизмом, построенным их собственными руками, более 70 лет. Они знают в нём толк. Считалось, что они должны были быть настолько напуганы перспективой его возвращения, что побегут к урнам, чтобы остановить смертельную опасность.

На деле же - не странно ли? - тридцать шесть миллионов человек остались дома. А из оставшихся 70 миллионов 43 процента (добрых три десятка миллионов) во втором туре предпочли Зюганова. Память коротка? Или значительная, если не большая часть российского общества испытывает неисправимую тягу к авторитаризму? Да ничего подобного! Дело в другом: достаточно оказалось пяти лет правления Бориса Ельцина и его «демократических» хищников, чтобы возродить ностальгию по прошлому и создать безразличие к демократии, заставить забыть чудовищные преступления сталинизма, да и просто вызвать в людях тоску по утерянной уверенности в будущем, желание перевести дух, разобраться, добиться того благополучия и той справедливости, которые им были обещаны с поразительной лёгкостью и лицемерием, как будто до них было рукой подать. Знаете, что показал первый опрос, проведённый секретными американскими советниками из номера 1120 «Президент-отеля»? Что большинство россиян считало Ельцина «предавшим другом». Кто-то возразит, что это естественно. Ведь именно он, мужественный Ельцин, взвалил на себя тяжёлое и неблагодарное дело шоковой терапии. Никому другому не удалось бы сохранить популярность, принимая такие непопулярные решения. Дескать, нечестно обвинять во всём «московского царя», забывая его заслуги.

Но я помню, как он и Гайдар вместе с суфлёрами Джеффри Саксом и Андерсом Ослундом (нанятыми Геннадием Бурбулисом, в то время госсекретарём, чья звезда, казалось, не зайдёт никогда) решили отпустить цены, сведя к нулю за несколько дней сбережения миллионов семей, а потом тут же бросились на телевидение с заверениями, что ситуация нормализуется к осени (шёл январь 1992 г.) и падение рубля остановится на точке 80 рублей за доллар.

Ложь, циничная или просто некомпетентная, или и то, и другое

вместе. Бедные россияне, может, и немножко глуповаты, но память у них отличная. Это они помнят до сих пор, хотя сейчас за доллар надо уже отдать 5700 рублей и он продолжает падать в направлении Веймарской республики. Тогда я спрашивал себя: почему бы не сказать правду? Если они в самом деле начали колоссальную операцию по оздоровлению экономики, то почему не могут открыто объявить об этом общественному мнению? Для реформаторов это было бы неплохим началом. Я задавал эти вопросы - в том числе и на страницах «Ла Стампы», - потому что мне казалось очевидным, что обещания правительства невыполнимы, несмотря на то, что в то же время почти все московские коллеги (в данном случае я не делаю различия между итальянцами и остальными, все были единодушны) и целая армия обозревателей всех стран воспевали мужество, дальновидность и планы Ельцина, распространяя его учение от Альп до египетских пирамид, до Рейна и до берегов Потомака.

В самом деле, почему же они промолчали? Почему утаили истину, даже те её обрывки, которыми владели? Если они и вправду верили, что шоковая терапия необходима для вывода страны из кризиса, почему не сказать об этом открыто, предупредив население о неизбежных трудностях? Таким образом им бы удалось предотвратить ожидание чуда, вылившееся впоследствии в гигантского масштаба афёры основанных на пустоте финансовых пирамид.

Но это ещё мелочи. Перед командой Ельцина не стояла перспектива скорых выборов, не было ещё и воинственно настроенной оппозиции. Население относилось к ним благожелательно или хотя бы нейтрально. Западные правительства выражали восторженную поддержку. Что мешало честно и открыто обратиться к стране? К тому же подобная операция требовала широкой народной поддержки. Речь ведь не шла о корректировке, а о построении новой производственно-административной машины. Что, в свою очередь, диктовало изменение условий жизни и даже менталитета десятков миллионов трудящихся и граждан страны, вставшей на путь демократизации. Задача заключалась в одновременном проведении мер по экономическому оздоровлению и демократическому развитию. Как можно было начинать дело такого масштаба, рассказывая направо и налево вопиющую ложь?

Оставим в стороне глупость комментаторов-энтузиастов (дочь двух матерей и одного отца: некомпетентности, идеологии и конформизма). Я стараюсь сфокусировать анализ на главных действующих лицах и их поступках. Если бы они задумались об интересах собственной страны и собственного народа, то открыть правду не было бы невозможным, более того, она сама могла стать потрясающим инструментом мобилизации усилий. Собственно, именно так и поступил Франклин Делано Рузвельт с американцами после великой депрессии. Но Боже нас упаси от сравнений! Нельзя взвешивать микробы на весах, предназначенных для лошадей. По сути обруганный со всех сторон Горбачёв со своей гласностью пытался

сделать то же самое - мобилизовать людей. Он рассказал людям кусочек правды, потом ещё один, потом становился всё смелее, в то время как разошедшиеся «демократические» псы кусали его за пятки: скорее, скорее! А спустя всего несколько лет эти же люди стали петь хвалу Пиночету и оскорблять россиян, как господин Геннадий Лисичкин, обвинивший свой народ в неистребимой тяге к авторитаризму 12.

Но люди, добравшиеся до власти в России, думали совершенно об ином. И это иное как раз и объясняет их политическую глупость и - почему бы и не использовать это слово? - их предательство. Что я имею в виду? Власть. Такую, какой они её представляли, какой всосали с молоком автократической советской коммунистической бюрократии. Власть, при которой они сделали карьеру или (в случае многочисленных интеллигентов, попавших на командные посты на первом постперестроечном этапе) с которой шли на пристойные (или позорные) компромиссы. Власть, из которой народ - разумеется, воспеваемый на словах, - был исключён по определению. Власть, которой они не хотели делиться ни с кем.

Морализаторство? Сандро Виола говорит, что «нет смысла» возражать ностальгирующим по СССР и по «третьему пути» (к которым он, очевидно, причисляет и меня), потому что для них «Ельцин является могильщиком коммунистической державы» и по этой причине «они презирали его, даже если бы он сочетал в себе все достоинства Де Голля, Аденауэра и Манделы».

Смотрите, какой язык крестоносца холодной войны, капрала армии пропагандистов, всё ещё считающих себя на действительной военной службе. Он похож на ветерана, всё ещё не смирившегося с окончанием войны и по-прежнему тянущегося к «Калашникову». Что же до Де Голля, Аденауэра и Манделы, то не будем их беспокоить. Любое сравнение здесь абсолютно неуместно, даже по чисто эстетическим причинам. Француз Де Голль, южноафриканец Мандела и немец Аденауэр, каждый по-своему, защищали интересы собственных стран, в то время как - и об этом пишет тот же Сандро Виола - заслуга Ельцина состоит в том, что он «служит делу демократии, свободного рынка и западных интересов» 13.

Вот именно. Мы уже подробно описали, как Борис Ельцин служил делу демократии. Мне кажется, этого достаточно. Насколько он способствовал появлению свободного рынка, можно судить из уже цитировавшегося заявления пяти американских нобелевских лауреатов-экономистов, которым теперь остаётся только один шанс на исправление: поступить в обучение к Сандро Виола и Андерсу Ослунду. Что же до западных интересов, для Виола это, может быть, и заслуга, но сомневаюсь, что россияне разделяют это мнение. Как раз этого-то он и не понимает, иначе бы не написал столь откровенную фразу, из которой получается, что интересы России исчезли с горизонта западных руководителей. С небольшими нюансами в основном дипломатического характера. Такие, как Ослунд или уже цитировавшийся Мак Фоул, самые

нетерпеливые. Это так называемые аналитики, советники, эксперты. Политические лидеры, как правило, выражаются более мягко. Но суть «реальной политики» Запада лучше других обрисовал Джозеф Джеффе в «Тайм» от 15 июля 1996 года: «Мы хотим видеть Россию внутри нашего круга, а не вне его, где она 70 лет действовала отнюдь не как стабилизирующая сила. Мы хотим видеть её великой державой, преследующей свои интересы вместе с нами, а не против нас. Мы не хотим Лебедя и уж конечно не хотим Зюганова и Жириновского. Пока что мы имеем Ельцина, знакомое лицо, с которым мы уже делали дела. И за это мы должны быть ему благодарны. По различным причинам Ельцин хорош только «наполовину»? Россия в обозримом будущем сможет предоставить только «полухороших» партнёров? Что ж, заключает Джеффе, «мы должны способствовать тому, чтобы и в будущем побеждали «полухорошие», «semi-good guys».

Ну и ну! Вот это называется откровенный разговор. Пусть Россия преследует собственные интересы, но только «вместе с нами». Интересы, направленные против нас, не имеют права на существование. Точнее, они могут быть, но мы не дадим им права гражданства. Горе побеждённым! Пусть Россия считает себя великой державой, но «Запад должен дать ей почувствовать тяжесть ответственности» и дать понять, что «эликсир, предлагаемый Лебедем и компанией, не так-то легко будет продать в будущей борьбе за власть». Иными словами, мы будем бороться любыми средствами с теми, кто попытается изменить существующий расклад сил, сложившийся в нашу пользу. К счастью, в данном случае никто не претендует на этический подход. Никто не пытается выдать вышесказанное за идеалы, а просто перечисляет сугубо вещественные интересы. Так лучше. По крайней мере всё ясно. В таком виде, высказанное без экивоков, всё выглядит почти что нормально. Америка тоже имеет право защищать свои интересы так, как она считает нужным. Но не надо колебаться между этикой и макиавеллизмом. Не надо постоянно пичкать нас морализаторскими проповедями о защите вечных ценностей. Тем более, что всегда найдутся маляры, замазывающие пастельными красками неприкрытую грубость политических сценариев. И вот появляются «заслуги» Ельцина, разрешившего «свободные выборы, независимую печать и свободный, хотя и хаотичный рынок». Слово Сандро Виола.

Я хотел бы уточнить, что не имею ничего против этого господина. Если я постоянно его цитирую, то это чистая случайность. Просто Виола для Италии самый яркий пример для описания весьма распространённого типажа. Из этих же соображений я неоднократно нападаю на Ослунда. Не потому, что он хуже остальных, а потому что он наиболее типичен для англосаксонского мира, он лучше других олицетворяет бестиарий пост-советологии.

Глава 7. Российские либералы

«Колыбелью Москвы было кровавое болото монгольского рабства, а современная Россия есть лишь метаморфоза этой Москвы... В такой страшной и презренной школе она обрела силу в мастерстве рабства. И освободившись, Москва продолжала исполнять свою традиционную роль раба, ставшего рабовладельцем» 14. Боже мой! В Москве образца 1996 года нужно дойти до последней степени отчаяния, чтобы начать цитировать Карла Маркса. К тому же цитировать фразу, которая россиянам по понятным причинам никогда не нравилась, даже в коммунистические времена. Но этот тезис внезапно обрёл популярность в кругах радикальных либералов, тех, кого люди уже окрестили «демократами». Кавычки мои. Для большинства россиян после 1992-1996 годов слово «демократ» стало просто ругательством, без всяких кавычек.

Что же произошло? Попробуем разобраться, проследив за анализом Александра Янова в «Дружбе народов» 15. Почему мы выбрали именн,о его в качестве примера? Потому что он крупный историк, несомненный либерал, настроенный более чем прозападнически. Последние годы он живёт в Америке и, следовательно, имеет абсолютно незапятнанную репутацию: ему не надо оправдывать собственные слова и действия, которых стыдится большая часть радикал-либералов и «творческой» интеллигенции. Янов интересней главным образом тем, что описывает кризис либеральной российской интеллигенции «изнутри». В качестве модели я мог бы использовать и кого-нибудь другого. Но маккартистам конца века было бы легко отвергнуть его анализ, даже не прочитав, навесив на него заранее заготовленные ярлыки - «коммунист», «ностальгик СССР», «национал-патриот» и т.д. Поэтому не будем в этой главе упоминать Александра Зиновьева и Станислава Говорухина, Михаила Горбачёва и Григория Явлинского, Леонида Абалкина и Сергея Глазьева. Все они не без греха.

Янов же чист и честен. В один прекрасный день, прочитав эссе Геннадия Лисичкина 16, он обнаруживает, что московская либеральная интеллигенция вновь увлеклась историей. И что особенно важно, сделала это, приняв на веру только что процитированное утверждение Маркса, присвоив («без всякой критики», замечает Янов) тезис правых, согласно которому авторитаризм заложен в российской национальной традиции, враждебной западной демократии, враждебной Западу как таковому и неспособной к какой бы то ни было интеграции с этой частью света. Единственное различие между Марксом и славянофильскими правыми состоит в том, что первый осуждал эту характерную российскую черту (или черту характера?), в то время как вторые считают её отличительным достоинством, которым можно только гордиться.

Список появившихся в последнее время работ на эту тему настолько длинен, что заставляет предположить рождение новой проблемы. Кроме Лисичкина (напоминаю, что он был одним из подписантов письма к Ельцину в октябре 1993 г.), неожиданно ощутили непреодолимую потребность выступить с «критикой российского исторического опыта»

экономист Виталий Найшуль 17, другой известный экономист Егор Гайдар 18, а также генерал Александр Лебедь 19 и философ Леонид Куликов 20, чьё сочинение, «полное мрачного чаадаевского пафоса», особенно раздражает нашего Янова. Который - и это странно только на первый взгляд - не включает в свой список Александра Солженицына, неоднократно обращавшегося к исторической теме после своего возвращения на родину. Но очевидно, Янов не хочет принимать его в эту компанию. И здесь он снова ошибается.

И всё же: откуда такое нетерпеливое желание свести счёты с российской историей и почему именно сейчас? Потому что, отвечает Янов, совершенно справедливо задаваясь вопросом, на который и я пытаюсь ответить этой книгой, «Россия стремительно приблизилась к роковому перепутью, когда ей снова, как в начале века, предстоит ответить на жестокий вопрос о самом смысле её национального существования». Да, это в самом деле так. Было бы невредно, если бы Янов спросил себя, почему спустя пять лет ельцинского правления, когда коммунизм окончательно и бесповоротно скончался, Россия снова стоит на перепутье. Или скорее, у края пропасти, к которому Россия (точнее, её интеллигенция) подошла неподготовленной, как будто бы она не поняла, что произошло с ней в предыдущее десятилетие, не ощутила размеров собственной трагедии. Непростительное легкомыслие. До Янова это тоже дошло с опозданием. Только сейчас он начинает осознавать, что «страна расстаётся не только с наследием трёх поколений коммунистической «татарщины», но и со всеми четырьмя столетиями имперского существования, отбросившего её на обочину мировой истории».

Это - очень тонкий момент, поскольку интеллигенты и политики «демократической татарщины» продолжают считать, что пяти-шести веков, предшествовавших коммунистической эпохе, просто не было. Они сводили счёты своей личной вендетты только с последними 70 годами, полагая, что до этого стоял «золотой век», что - несмотря на Распутина и войну - Николай II был просвещённым и прогрессивным деятелем, павшим жертвой варварства, почти святым. Как можно забыть фильм Станислава Говорухина «Россия, которую мы потеряли»? Казалось, что до 1917 года Москва стояла в авангарде цивилизации и прогресса, экономического, интеллектуального, государственного. На основе этих предпосылок нетрудно сделать вывод, что «возвращение в цивилизованный мир» - вполне лёгкое дело. Достаточно обратиться к собственным корням, возродить нечто, уже существовавшее. К тому же интеллигентам казалось, что страна отдалилась от цивилизованного мира так ненадолго! Перерыв был кровавым, жестоким, но коротким. Настолько, что можно было его немедленно предать забвению. Янов возмущается: «Никто не подумал, что цена за «присоединение к человечеству» после такого немыслимо долгого перерыва неминуемо будет жестокой».

Он запоздало возмущается, что слишком велик был вес экспертов, единодушно полагавших, «что преобразование в принципе сводится к

корректировке экономических регуляторов». Разумеется, Янов имеет в виду Гайдара и его гарвардских советников. Именно с их подсказки Борис Ельцин предрекал в ноябре 1991 года, накануне либерализации цен: «Хуже будет всем примерно полгода, затем - снижение цен, наполнение потребительского рынка товарами, а к осени 1992 года - стабилизация экономики, постепенное улучшение жизни людей». Если он в самом деле в это верил, то это просто выходит за рамки приличий (что относится не только к Ельцину, но и к когорте российских и иностранных обозревателей, попавшихся на эту удочку). Если же он говорил так из любви к низкопробному популизму, то дело обстоит иначе. Впрочем, не лучше. Но Янову и радикальным демократам не пристало жаловаться, если впоследствии коммунисты, национал-патриоты, крайне правые и крайне левые начали кричать об «оккупационном режиме» и о «чужеземцах» у власти. Только чужие, только враги могли бы действовать подобным образом.

Это вопрос исторической перспективы. Одно дело похоронить воспоминания двух поколений, другое - залезть в хромосомы шестнадцати поколений, переживших крепостное право, самодержавие и империю. Можно возразить, что Янов ошибается, что кое-кто об этом задумывался. С 1985 по 1991 год многие, в том числе и в КПСС, постепенно (смутно, частично, не до конца, как вам больше нравится) осознали тяжесть бремени этих шестнадцати поколений. Но во главе этих людей стоял генеральный секретарь ЦК КПСС, которого надо было убрать уже за одно это. И его убрали. Руками - Янов это признаёт - альянса между сторонниками скорого, немедленно наступления светлого либерального будущего, боровшимися против имперского коммунизма, и пророками дореволюционного прошлого, бывшего - к несчастью для радикалов - имперски-самодержавным, то есть отнюдь не демократическим.

Янова следовало бы спросить, по какой причине Россия получила от этих шестнадцати поколений наследство, которого не было у остальных европейских народов. Я подчёркиваю это обстоятельство не для того, чтобы доказать, будто Россия шла навстречу своему року. Я просто призываю всех россиян, кто, как Янов, задумывается над этими вопросами, не прибегать вновь к упрощённым решениям. Например, не залезать в поисках «естественной склонности» русского народа к демократии в архивы XVI века. Бесполезно - да и смешно - отрицать то обстоятельство, что самые прочные корни российской исторической традиции питаются именно авторитаризмом. Что совершенно не означает, что нынешние поиски демократического развития необоснованны и нереалистичны. Просто нужно было отталкиваться от немыслимых трудностей, с которыми неизбежно столкнулась бы попытка реформирования страны. Только зная это, можно было их преодолеть. Однако «реформаторы» поступили наоборот, пренебрегая страной. А когда они обнаружили, что она не следовала за ними, то обманули и изнасиловали её. Столкнувшись же с реакцией населения (то была

реакция пассивного сопротивления, потому что россиянам неизвестны другие пути, разве когда они взрываются, приблизительно раз в два века), они только утвердились в своём мнении, что к этому народу применимы только авторитарные методы.

Вот они выходят на бой, один за другим. Янов применяет к ним авиационный термин - «перехватчики». Вроде Андраника Миграняна (но он фигурирует здесь просто в качестве парадигмы, он более заметен потому, что более болтлив и криклив), рассуждающего приблизительно так: поскольку самыми популярными в России всегда были идеи «державности, патриотизма, закона и порядка», то не остаётся ничего другого, кроме как присвоить их себе, «перехватить». По крайней мере, тогда «мы, демократы, мы, реформаторы», вырвем их из рук национал-патриотов. Вот почему Мигранян стал президентским советником и до сих пор им остаётся. Вот почему он подружился с Коржаковым и поддержал с «прагматической» точки зрения чеченскую войну. Вот так люди и оказываются по уши в крови и грязи. И разве он один такой? Другие прошли этот путь в молчании, Мигранян с криком. Разница не так уж велика.

Вот путь, пройденный российскими демократами первой волны, открывшими дорогу криминальному режиму. Их идеология состояла из нескольких простых аксиом, часто близких к тавтологии. Как, например, вот эта: «личная свобода неотделима от рынка». Или: «либеризм и либерализм - одно и то же». Они считали, что нашли Запад, и никто им не объяснил, что, к счастью, это только частичка Запада. Наоборот, им внушали, что Запад означает deregulation, глобализацию, рынок без границ и без правил, кончину государства социального, национального и просто государства как такового. Бедняги! Они не сообразили, что имеют дело с учениками антигосударственных фундаменталистов, поклонниками Фон Хайека и Фридмана. Они не поняли, что в Россию пришли партизаны ультралиберализации, монетаризма в планетарном масштабе, сторонники финансовой и антипроизводственной перекройки всей мировой экономики.

Это те самые люди, которые имеют наглость выступать от имени Запада и претендуют на звание высших выразителей новой философии. Никто, разумеется, не представлял себе, что она давно не имеет ничего общего с либерализмом и правовым государством, которые некоторые искренне стремились построить в посткоммунистической России. Что не так уж и плохо, поскольку авторитарные тенденции американского нео-либеризма, «модернизаторская» склонность к президентским режимам, к технологиям манипулирования народом, к упрощённому порядку принятия решений, исключающему контрольные инстанции, полностью совпадают с идеями российских радикально-демократических реформаторов. В самом деле, зачем заново проходить путь, позволивший Западу «изобрести велосипед» правового государства, когда все уже давно пересели в лимузины нео-президентских режимов? Россия снова

попыталась срезать путь, чтобы прийти к финишу первой. И снова оказалась - вполне заслуженно - на краю пропасти.

На самом деле, российские демократы увидели только маленький кусочек истории Запада и капитализма. Они узнали только течение, восторжествовавшее в те десять лет, что Россия стряхивала с себя коммунизм. Но никто не сказал, что оно будет продолжать доминировать и в будущем. Не этот Запад диктовал правила развития в первые послевоенные сорок лет. В каком-то смысле россиянам не повезло - они попали в самый разгар кризиса Запада и оказались не в состоянии осознать его, приняв как наивные неофиты за истину то, что в тот момент предлагал рынок.

Янов, следивший за дискуссией на Западе, пытается объяснить своим российским читателям, что «свобода рынка вполне возможна без свободы человека», что можно, не успев даже опомниться, оказаться в «автократическом рынке». И что либеральная западная идеология с самого своего зарождения прекрасно знает, что может оказаться в критической ситуации, когда приходится выбирать между рынком и личной свободой. Как выяснилось, российские демократы оказались неподготовлены к этой задаче и в большинстве своём - доказав тем самым, что в свою очередь являются продуктом российской традиции, - предпочли пожертвовать свободой личности. Разумеется, только в силу форс-мажорных обстоятельств. Это касается не только «перехватчиков». Отсюда (Найшуль, Лисичкин, Мигранян - только три примера, можно продолжить перечень Шумейко, Сатаровым, Шахраем и т.д.) оргия энтузиазма по отношению к Пиночету, справлявшаяся в основном в демократических кругах. Отсюда тезис Найшуля о том, что «в России невозможна представительная парламентская демократия». Отсюда, наконец, Конституция, породившая «президента-самодержца», вождя нации, фюрера, на которым лежит «вся тяжесть государственной ответственности и власти» 21, созданная руками демократов.

Это не было невольной ошибкой, как, похоже, считает Янов. Они сами этого хотели. Вольно цитируя декабриста Поджио, можно сказать: вы приняли в свои объятия скромного батальонного командира, вы подняли его на трон и, кланяясь, дали ему возможность укрепиться и так долго давить на ваши спины. Вы создали Бориса своими руками.

Глава 8. Чечня

Бог мой, какую наглость надо иметь, чтобы всерьёз рассуждать о свободных выборах в России! Чтобы назвать «свободной» эту симфонию подтасовок, эту карикатуру на народное волеизъявление, этот шедевр неравенства условий, которому могут позавидовать бонапарты всех времён и народов, изощрявшиеся в подобных выдумках, чтобы удержаться у власти. Самое замечательное, что остальной мир, который вроде бы должен быть уже знаком с некоторыми уловками, им самим

придуманными и применёнными на практике задолго до России, сделал вид, что ничего не заметил. Разумеется, его ведь устраивала победа Ельцина. А по схемке, приготовленной для дурачков, победа Ельцина становилась синонимом победы «реформаторов», то есть хорошего, хотя и не лучшего, в то время как его поражение означало бы победу «консерваторов», то есть коммунистов, то есть плохих, очень плохих.

Схема «реформаторы-консерваторы» сама по себе забавна. Придумали её англосаксы, любящие простые понятия, легко объясняемые несколькими звуками. Со страниц «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост», где она была чем-то вроде ежедневной молитвы, она затем расползлась повсюду. Попробуйте спросить - а что такое реформа и консерватизм? И вы сразу обнаружите, что никто ничего толком ответить не в состоянии. Если кому-то что-то и приходит на ум, то нечто вроде «реформа - это демократия плюс свободный рынок, консерватизм - это коммунизм и диктатура». Не пытайтесь расспрашивать дальше, всё равно ничего не добьётесь. А что, если выяснится, что Ельцин не демократ, а Зюганов - не коммунист?

По правде говоря, кое-какие сомнения относительно Ельцина уже возникали. Даже его обожатель Сандро Виола из итальянской газеты «Репубблика» признаёт, что это человек «вспыльчивый, авторитарный, неустойчивый в своих настроениях, к тому же алкоголик и его здоровье в отвратительном состоянии». Джеффе называет его «semi-good guy», полухороший парень. Худо-бедно, мы наблюдали его в самых разных ипостасях, и сказать о нём можно многое. Что он груб, циничен, склонен выжимать своих соратников до капли и затем жертвовать ими, сваливая на них всю ответственность, что он исчезает в самые деликатные моменты (болезнь была основной причиной только в нескольких случаях), чтобы спокойно отдать на растерзание кого-нибудь из своих верных людей, невежественен в экономике, неспособен критически воспринимать лесть и любит окружать себя царской роскошью (реконструкция Кремля достойна египетских фараонов), хотя начинал свою карьеру как обличитель привилегий номенклатуры.

Но главная его черта другая. Он - лжец. До такой степени, что отрицал факт бомбардировок в Чечне, демонстрировавшихся в то же самое время телевидениями всего мира. До такой степени, что в присутствии Билла Клинтона утверждал на пресс-конференции в Москве, что в Чечне не ведутся военные действия.

Я-то всегда полагал, что для американцев врущий политик - конченый человек. По крайней мере, именно эту легенду изо дня в день преподносила нам англосаксонская печать. После эпизода на пресс-конференции - при которой я имел счастье присутствовать - пришлось убедиться, что американцы готовы переварить и политика-лжеца, лишь бы он был им полезен.

Мне возразят (и уже возражали), что это детали. Этакие мелочи,

меркнущие перед его величием государственного деятеля и реформатора.

Что, и война в Чечне тоже? Нет, даже самые ярые сторонники Ельцина не считают её «мелочью». Сандро Виола называет её «провальной авантюрой» и «смертельным» грехом 22. Однако же - единственным. Да, это пятно, да, кровавое, но по сути маргинальное по сравнению с его неоспоримыми заслугами. Главное, что он предотвратил «возвращение России к коммунизму (или неокоммунизму)». Перед лицом этого чудесного завоевания остальное меркнет. А что, если выяснилось бы, что Россия в любом случае не стала бы опять коммунистической? И что страх Запада не имел под собой никаких оснований? И что все жертвы чеченской войны, оправданные этим страхом, погибли напрасно?

Кстати, это маленькое отступление с праведного пути (куда?) стоило, по разным оценкам, от 50 до 100 тысяч человеческих жизней, и подавляющее большинство жертв пришлось на мирное население. Но дело в том, что эта «ошибка» была задумана и хладнокровно разработана группой людей, выбранных самим Ельциным, а затем одобрена им на историческом заседании Совета Безопасности под его собственным председательством. Кремль начал готовиться к войне в Чечне с августа 1994 года. Были предусмотрены различные сценарии. Официально цель заключалась в «пресечении попытки отделения» и «восстановлении конституционного порядка». На самом деле один из вариантов должен был привести к отмене выборов в Думу. Как мы знаем, он не сработал, и на выборах победили коммунисты.

Но теперь мы знаем и то, что в Кремле была партия отмены парламентских (а не только президентских) выборов. Я-то знал это уже тогда и даже писал об этом, вызвав гнев Сандро Виола и Карло Мария Санторо, бывшего заместителя министра обороны в одном из итальянских правительств. С последним мы имели небольшую стычку в ходе передачи «Италия-радио». Я как раз рассказывал, что в окружении Ельцина существует группа «ястребов», стремящихся сорвать выборы. Господин Санторо, очевидно, в прошлом имел дело с коммунизмом (уж не знаю, по какую сторону баррикад) и хорошо владел языком Третьего Интернационала, потому что прервал меня саркастической репликой: «Ну конечно, ещё одна шайка врагов народа…» Он сам - типичный пример тех, кто балуется силлогизмами вроде «реформа хороша, Ельцин проводит реформу, следовательно, он хорош и, следовательно, все его друзья тоже хороши». Как я смел обвинить «преторианца» Коржакова в замысле устроить костёр из избирательных бюллетеней?

Может быть, сейчас господин Санторо придерживается иного мнения. Ведь теперь все закулисные интриги, о которых я рассказывал на «Италия-радио», получили подтверждение из уст Анатолия Чубайса. А он - верный друг Ельцина и, следовательно, может быть только хорошим, просто отличным. Он подтвердил всё дословно и даже добавил массу пикантных деталей. Остаётся только ждать, что прогонят самого Чубайса

и кто-нибудь другой расскажет нам то, что мы уже знаем: что Чубайс посылал своих сотрудников забрать полмиллиона долларов из сейфа одного министерства, чтобы заплатить наличными певцам, выступавшим в поддержку президента.

Дело в том, что обличительные речи Чубайса против Коржакова и компании прозвучали в тот момент, когда партия «ястребов» стала неудобной, опасной и бесполезной. От неё надо было избавиться, чтобы положить последний мазок на картину «легитимного» переизбрания Бориса Ельцина. Мы уже говорили о том, что эта партия располагала достаточным количеством информации, чтобы понять - в условиях нормального, ничем не ограниченного народного волеизъявления коммунисты победят. «Ястребы» пытались предотвратить эту победу самым простым и грубым способом: отменив выборы. Каким образом? Через введение чрезвычайного положения. Война в Чечне должна была послужить именно этой цели (но не только).

Целых три года в Кремле терпели, никак не реагируя, провозглашённую Дудаевым независимость. Опустим то обстоятельство, что Дудаева привели к власти Геннадий Бурбулис и Сергей Шахрай, в то время главные политические советники Ельцина, пользовавшиеся его наибольшим доверием. Не будем упоминать и о том, что Дудаева вооружили с более или менее молчаливого согласия Кремля, чтобы свергнуть в ходе дворцового переворота тогдашнего председателя Верховного Совета Чечено-Ингушетии, коммуниста Доку Завгаева. А знаете, кто ненадолго стал чеченским президентом в 1996 году с благословения Ельцина? Доку Завгаев.

Вот вам и «сумятица» в России и в Кремле. Пытаясь поведать о том, что произошло, я начинаю понимать, что читатель может подумать, что всё это слишком невероятно, просто какая-то дурная шутка, неприличная клоунада, не заслуживающая даже серьёзного анализа, неуместная даже в самом низкопробном комиксе. Тем не менее дело обстояло именно так, и даже российские газеты засвидетельствовали это. Но западные послы не читают неприятные статьи, выходящие в российской печати. А если читают, то не теряют, как правило, времени на упоминание их в докладах. Так же поступают и иностранные корреспонденты, прежде всего американские. Те, будучи подлинными патриотами, хорошо знают, на какие кнопки нажимать, а какие лучше вообще не трогать. Разумеется, не обходится и без исключений. Но журналисты менее влиятельных стран знают, что если возникают какие-то сомнения, достаточно взглянуть на тон и ориентацию ведущих американских газет и журнала «Экономист» и подстраиваться под них. Тогда уж вы точно не ошибётесь, потому что американские СМИ никому не уступают в патриотизме, как мы видели во время Олимпиады в Атланте.

Но иногда случаются «утечки информации». В виртуальных потоках, по которым двигается мировая информация, открывается брешь. И крохотному меньшинству удаётся добыть истину. Но это - долгий

разговор, требующий отдельного экскурса, чтобы заодно объяснить, почему итальянским газетам интереснее люд еды российской провинции, чем данные об экономическом кризисе, или о мафии у власти, или о фальсификации выборов. Но перелетим же в Чечню, оставив в стороне то обстоятельство, что три года подряд в аэропорту Грозного приземлялись один за другим загадочные самолёты. Некоторые из них принадлежали российским вооружённым силам, другие несли флаги различных зарубежных стран, а у иных вообще отсутствовали опознавательные знаки. Они взлетали в разных точках России и приземлялись на ничьей земле, которой стала Чечня с 1991 года, а потом исчезали в неизвестном направлении, поскольку с момента вылета из Грозного формально никто больше ничего не контролировал.

Не будем обсуждать и множество других секретов Полишинеля, существование которых ныне доказано. Но никуда не деться от того обстоятельства, что шайка, организовавшая вторжение в Чечню в декабре 1994 года, целиком состояла из доверенных людей Ельцина. Они считали, что быстрая победа поднимет падающую популярность Ельцина, покажет, что президент принимает близко к сердцу территориальную целостность России (повысив таким образом его рейтинг среди национал-патриотического электората), заодно приструнит сепаратистские настроения в других автономных республиках, прежде всего на Кавказе, и наконец, наведёт порядок в регионе, вызывавшем всё больший интерес крупных международных нефтяных компаний из-за колоссальных запасов нефти Каспийского моря.

Столько зайцев одним махом. Да ещё практически бесплатно. И вот министр обороны генерал Павел Грачёв, глава МВД Виктор Ерин, шеф ФСК Сергей Степашин получили поручение продумать секретную операцию против Дудаева. Таскать каштаны из огня должна была чеченская оппозиция при поддержке пары десятков российских танков и БТРов, чьи экипажи тайно рекрутировались ФСК 23 среди элитных танковых дивизий. Это было в конце ноября 1994 года. Задумка провалилась. Российский контингент был уничтожен на улицах Грозного. Генерал Грачёв с негодованием заявил журналистам, что если бы операцию доверили ему, то проблема была бы решена одним батальоном за несколько часов. И добавил, что план потерпел фиаско потому, что был задуман и реализован ни к чему не годными проходимцами. Наверное, ему не сообщили, что концепция операции (и почти все её жертвы) родилась в России.

И вот здесь проявилось всё величие, вся предусмотрительность, вся прозорливость президента Ельцина.

Он мог бы решить, что взять Грозный не так просто, как кажется, что надо действовать осторожно и что для поднятия своего рейтинга из головокружительной пропасти, в которой он оказался, лучше было бы подумать о какой-нибудь другой стратегии, по возможности менее кровавой. Но он решил продолжать в том же духе и смыть позор молниеносным ударом. Как мы знаем, у Ельцина отсутствует рычаг

заднего хода. К тому же под рукой был генерал Грачёв, «лучший министр обороны со времён Жукова» - слова Бориса Николаевича, - который гарантировал «победу за 24 часа». Это его собственные слова. Секретная операция провалилась? Ну что ж, отбросим приличия и будем действовать открыто. Разве американцы не послали войска завоевать Гренаду и Панаму? А мы пошлём в Чечню армию и внутренние войска. Некоторые чистые души воскликнули: но, господин президент, мы не можем этого сделать. По Конституции для применения армии внутри страны необходимо сначала ввести в зоне конфликта чрезвычайное положение. А оно, в свою очередь, должно быть утверждено Советом Федерации.

Ельцин, чёрт возьми, отлично знает, что такое правовое государство. По крайней мере, именно это он заявил депутатам Конгресса США. Поэтому он поручил Юрию Батурину, в то время его советнику по национальной безопасности, придумать, как обойти закон. С другой стороны, он всего лишь следовал примеру Никсона, Джонсона, Рейгана, Клинтона. Результатом стал один из самых крупных конфузов эпохи Ельцина. Армия отправилась в Чечню на основе секретных президентских указов (в нарушение Конституции), без объявления чрезвычайного положения (ещё одно нарушение), с мандатом наведения общественного порядка, в котором игра слов - «разоружение незаконных формирований и восстановление конституционного порядка» - призвана была ввести в заблуждение законодателей. А как быть с торжественной клятвой в верности Конституции? Однако когда Дума обратилась в Конституционный Суд, то этот свободный и независимый орган постановил, что никаких нарушений при процедуре ввода войск не было. Бог с ним. Ельцин в любом случае заранее принял свои меры предосторожности.

Когда российские войска вторглись в Чечню 11 декабря 1994 года, он находился в больнице по поводу операции на носовой перегородке, о которой никто никогда до этого даже не упоминал.

Я далёк от желания позлорадствовать. Пусть читатель сам выбирает из возможных вариантов. Вариант первый: Ельцин был здоров как бык (шутка) и просто перестраховался, поручив грязную работу Грачёву и компании. Вариант второй: неожиданно возникшая необходимость срочного хирургического вмешательства на носовой перегородке. Вариант третий: «асфальтовая болезнь». Вот в таких удручающих обстоятельствах начиналась война в Чечне, призванная принести Ельцину победу на выборах. Она продолжалась бы и по сей день, если бы в силу непредвиденного стечения обстоятельств в кремлёвских коридорах не промелькнул как метеор Александр Лебедь. Он-то хотел покончить с этой войной (кстати, исполняя обещание, данное своим избирателям), но столкнулся с противодействием как раз президента Ельцина и его верных соратников. Если Лебедю удалось подписать соглашение о мире, то только потому (как он сам впоследствии рассказывал), что военная ситуация была для российских войск настолько катастрофичной, что

выбирать уже приходилось попросту между поражением и разгромом, который обошёлся бы ещё в сотни погибших солдат.

Итак, Россия официально проиграла войну. Документально это было закреплено в Москве 26 ноября 1996 года. С одной стороны документ подписал Ельцин, к тому времени единственный виновник трагедии, сохранивший свою должность (вместе с новым министром внутренних дел Куликовым), с другой - командующий силами сопротивления Масхадов, один из тех, кого в начале войны Ельцин называл «бандитами». Дудаева убили, но это не помогло. Россия выкинула в форточку несколько миллиардов долларов, бросила погибать тысячи солдат, безжалостно разрушила одну из своих республик и убила десятки тысяч собственных мирных граждан. Это что касается цены. Взамен она не получила ничего. Чеченцы на поле битвы завоевали право самим решать свою судьбу. Россия обязалась потратить ещё несколько триллионов рублей на реконструкцию Чечни. Подразумевая, что через пять лет она сможет выдвигать новые претензии в адрес своей бывшей республики. Чеченцы же считают эти деньги военными репарациями.

По этой причине мир остаётся хрупким. Москва и Грозный видят будущее в совершенно противоположном свете. Разница только в том, что Кремль уже разыграл все свои карты. Территориальная целостность, которую он стремился защитить, в результате оказалась подорванной. Чечня - первая, но не последняя из республик, которые отделятся. Остальные, прежде всего Кавказ, вскоре осознают новые возможности, открывшиеся перед ними. Это только вопрос времени. Процесс будет сложнее и противоречивее, не все народы умеют воевать как чеченцы. Но это неизбежная тенденция. Предотвратить её можно было бы, только если центр обзавёлся бы наконец руководством, достойным называться таковым, способным изменить вектор развития, навести минимум порядка, дать минимум процветания. Все эти условия представляются сегодня мало выполнимыми.

Дело в том, что проигравшие в Чечне стали победителями в Москве. Они укрепились и пустили достаточно прочные корни, чтобы отразить нападение на их олигархическую цитадель. Они достаточно богаты, чтобы ещё долго ни в чём не нуждаться. Когда в организме зарождается рак, то он высасывает из него все соки, ослабляет его и заставляет страдать. Но сама опухоль чувствует себя прекрасно, она развивается и выращивает метастазы. Нынешнее российское руководство является для России раковой опухолью. Она не отдаёт себе отчёт, что погибнет вместе с огромным телом, к которому она присосалась. Даже не заметив, что именно она его и убила.

Но, возвращаясь к Чечне, разве можно считать всё произошедшее несчастным случаем? Чеченская война именно то, чем кажется: грубый трюк (к тому же несработавший) в политической игре в российских верхах, предназначенный обмануть общественное мнение. Это не проступок, а суть метода, применявшегося Ельциным все годы у власти.

Запад сделал его своим союзником. «Тайм» назвал его «Mister Wonderful» - «Господин Чудо». Пока он бомбил чеченцев, западные правительства принимали (с незначительными нюансами) официальный тезис о праве Кремля защищать территориальную целостность России. В иных случаях, в том числе в Европе в последние годы, территориальная целостность других стран (например Югославии) считалась святотатственным, нетерпимым нарушением прав человека. В чём же разница? В том, что Чечня меньше?

Борис Ельцин убеждал нас, что все чеченцы - бандиты. Ему вторил Михаил Барсуков, объяснивший по телевизору после позора Первомайского, что чеченцу практически невозможно быть никем иным. Строуб Тэлботт, бывший заместитель госсекретаря США (тот самый бывший московский корреспондент, которому клинтоновская администрация обязана львиной долей своей российской политики), будучи современным и прогрессивным деятелем, поправил российского президента:

«Не все чеченцы преступники». Российские СМИ кричали, настроившись на волну Грачёва-«Мерседеса», что Дудаев нелегитимен, что он никого не представляет и вообще диктатор. Можно было бы возразить, что в бывшей советской Средней Азии непросто отыскать руководителя, получившего мандат на власть демократическим путём. Достаточно заехать в Ашхабад, чтобы своими глазами увидеть, что туркменский лидер Сапармурад Ниязов провозгласил себя президентом пожизненно.

Но дело не в этом. Запад не совершал ошибок, для него это тоже был сознательный выбор. Всё начинается с той точки отсчёта, которую Строуб Тэлботт навязал всему остальному миру с самого начала. Нужно поддерживать Ельцина, несмотря не все его недостатки, которые мы можем даже признать. Почему? Да потому что ему на смену придут националисты. Разве весь 1993 год не был потрачен на всепланетную раскрутку клоунской фигуры Владимира Жириновского? Я бы хотел спросить: что, разве в Вашингтоне на самом деле поверили в опасность Жириновского? Здесь тоже можно выбирать из двух вариантов. Если поверили (как я думаю), то остаётся мало надежд, что в ближайшие годы международная политика заметно улучшится. Это означало бы, что американское руководство позволило водить себя за нос людям вроде Бурбулиса, Шахрая, Сатарова и компании. Все хоть что-то соображающие люди отлично знают, что а) Жириновский никогда бы не выиграл выборы (что доказывает, что россияне не такие дураки, какими их иногда выставляют) и что б) Жириновский - просто воздушный шарик, искусно надутый Кремлём. Точнее, кое-что он придумал сам, а остальное накачали снаружи, чтобы напугать российских и американских детей.

Доказательства? Они, как всегда, приходят задним числом (не для тех, правда, которые все поняли заранее и не только не были услышаны, но и осмеяны). Но это неважно. Без голосов Жириновского нынешняя

Конституция не прошла бы в декабре 1993 года. В какой-то момент Жириновский оказался единственным, кто рукоплескал вводу войск в Чечню. Без его помощи Ельцину по крайней мере два раза не удалось бы избежать импичмента. Благодаря жириновцам были приняты фальшивые бюджеты 1995 и 1996 годов. Как же можно считать оппозиционером такого верного помощника?

Если американцы не поверили сказке о Жириновском как «потенциальной альтернативе Ельцину», то остаётся только обвинить их в цинизме и соучастии в обмане. И в том, и в другом случае радоваться нечему. Говорить, что Ельцину «нет альтернативы» и что, как бы там ни было, надо ставить на него; признавать, что в силу обстоятельств необходимо довериться человеку, который, не задумываясь, отдаёт приказ о массовой бойне, отказывается брать на себя ответственность, лжёт на публике и даже в присутствии президента США - всё это значит, что мы стали жертвой чудовищного смешения понятий.

Ошибки, не имеющей оправдания, тем более что она давно уже была очевидной. Этот Ельцин ни для кого не был сюрпризом. Американцев по крайней мере, в отличие от россиян, он не должен был удивить. В любом случае неприемлемо, что одновременно Запад осуждал жестокость сербов в Боснии и молчал о крови, проливаемой Ельциным в Чечне на том основании, что он - хороший демократ и последовательный антикоммунист. Это называется лицемерием с точки зрения морали. И глупостью с точки зрения стратегии.

Остаётся только кое-что добавить для тех, кто прочтут эти строки через несколько лет. Сейчас - начало 1997 года. Ельцин по-прежнему президентствует. В августе 1996 года Сеульский суд приговорил к смертной казни бывшего президента Южной Кореи Чон Ду Хвана и к двадцати двум с половиной годам тюрьмы его преемника Ро Дэ У. Первого обвиняли в том, что он приказал расправиться с представителями оппозиции в городе Кванджу 17 лет назад, в 1980 году. По официальным данным, тогда погибло 193 человека. Второй обвиняемый тогда защищал первого и сменил его на посту президента. В то время Чон Ду Хван, хороший друг США, был объявлен национальным героем, а демонстрантов Кванджу в репортажах свободной американской печати называли не иначе, как «коммунистическими повстанцами». Сегодня жертвы стали мучениками демократии, и законный суд Кореи решил, что Чон Ду Хван заслуживает повешения.

У меня есть предчувствие, что понадобится намного меньше 17 лет, чтобы, несмотря ни на что, законный российский суд свободно определил, кто виноват в расстреле Белого дома в октябре 1993 года и страшном истреблении российских граждан в Чечне. Точнее, я надеюсь, что будет так. Это означало бы, что от России ещё что-то сохранилось. В противном случае не останется ничего иного, как в самом деле сказать «Прощай, Россия!» А у Запада тогда будет над чем поломать голову. Его проблемы будут столь же колоссальными, как и огромное пространство, лишённое

идей и планов и полное несметных богатств, оставленных на разграбление всех.

Глава 9. Матрёшка

Что всегда удивляло меня на протяжении почти семнадцати лет наблюдения за советской и российской политикой, так это наивность иностранных комментаторов. Пишу это, вполне сознавая, что на протяжении ряда лет я сам был невольной жертвой такой же наивности. Сразу оговорюсь, что речь идёт не просто о незнании. Порой наивность бывает следствием более или менее раздутого высокомерия, претенциозного желания подходить к реальной действительности с мерками и правилами, чуждыми этой действительности, или вовсе не собираясь их принимать. В этом смысле высокомерная наивность далеко не безобидна. Если же такую наивность-высокомерие проявляют журналисты, политические обозреватели, дипломаты, в общем те, кто в силу своей профессии должны информировать других, особенно когда этим другим приходится принимать решения, она становится прямо-таки общественно опасной.

Хотелось бы, чтобы эти заметки сыграли роль маленького пособия по защите от глупых журналистов. Не потому, что журналисты в общей массе такие уж дураки. Ими тоже управляет основной закон профессора Чиполлы, по которому средняя плотность дураков постоянна в любом достаточно многочисленном человеческом конгломерате. Но факт таков, что журналисты - категория особенно «опасная»: и потому, что сами они подвержены опасности, и потому, что являются источником опасности для других (ибо влияют одновременно на множество других индивидов). Пусть заслуживают благодарности те из них, кто компетентен и смел, но можно себе представить, какой вред приносят наивные, самонадеянные и глупые. Что бывает, когда люди берутся описывать (изучать, истолковывать российскую политику, применяя категории политики американской, итальянской, немецкой, французской и т.д.)? Возьмём, к примеру, политические события определённой фазы российской истории, фазы, последовавшей сразу же за президентскими выборами июня - июля 1996 года. Выбор здесь не важен, важен метод, важна структура политики.

Те, кто следил за событиями по западным газетам, помнят, конечно, что в них рассказывалось об окружавшей Ельцина группе «плохих» генералов - министре обороны Павле Грачёве, руководителе охраны Ельцина Александре Коржакове, шефе службы безопасности Михаиле Барсукове, Олеге Сосковцу (правда, Сосковец не генерал, а первый заместитель премьер-министра по вопросам военной промышленности). Это была «партия войны» (точное определение, потому что именно она вместе с Ельциным решала вопрос о вооружённом вмешательстве в Чечне). Историк Илья Левин называет её ещё «партией лакеев», как если бы главной проблемой было как подать чай Борису Ельцину. Мы знаем,

что «плохие» по указу Ельцина были отстранены от власти между первым и вторым туром президентских выборов и что вытеснивших их «хороших» возглавил Анатолий Чубайс, ставший затем главой администрации президента. Предполагалось - и не без основания, - что «партия войны» занималась преступной деятельностью, а также всячески способствовала разложению общества и отдельных личностей.

О роли Бориса Ельцина, окружившего себя такой бандой гангстеров, как правило, умалчивали или преуменьшали её. Может, он, бедненький, ничего не знал? Может, предполагает Левин, вина была не его. А может, вообще он, как верховный правитель, проявил поразительную хитрость: уж если нужно сделать какую-то грязную работу, пусть её выполняют гангстеры. Как бы то ни было, а схемка «плохие» - «хорошие» казалась железобетонно прочной. Да только «хорошие», чтобы разделаться с «плохими», организовали «телевизионный путч» - после того, как «плохие» застукали их, когда они взяли в кассах министерства финансов 538 тысяч долларов наличными. Какие мелочи! Эти деньги нужны были, кажется, для оплаты ничтожно малой части избирательной кампании Ельцина. Два телеканала - очень общественный (Березовский) и очень частный (Гусинский) - разбудили среди ночи российских граждан, обвинив «плохих» в том, что те замышляют заговор против президента. Чего «плохие» вовсе не делали. Скорее они хотели защитить президента (и самих себя, разумеется) от махинаций «хороших» и от поражения на выборах. В общем, стало ясно, что методы «хороших» ничуть не лучше методов «плохих».

Ещё сложнее было объяснить всем и каждому, что произошло с генералом Александром Лебедем. Пока не обнаружилась его решающая роль в деле избрания Ельцина, американские журналисты всячески клеймили этого бывшего генерала-десантника, бывшего афганского героя, называя его «ястребом», опасным «националистом» или «национал-патриотом». Потом подаренные им Ельцину 15 процентов голосов поддержали «реформаторов», а дарёному коню, как известно, в зубы не смотрят. Журналисты, которых на протяжении долгих месяцев пичкали сказками «хорошие», поначалу не знали, что писать, что говорить. Что генерал Лебедь тоже стал «хорошим»? Или что он простофиля, попавшийся на удочку Кремля? Или - простая душа - не выдержал первого же искушения и поддался коррупции? Между тем «хорошие» - из тех, кто что-то значит и принимает решения, ухмылялись, давая понять, что Лебедь на деле «плохой», «консерватор» и что скоро они от него избавятся.

В общем, схема оставалась прежней. Это было ясно. Но с самого начала всё обернулось по-иному. Ельцин принял Лебедя в Кремле, подписал перед телекамерами указ о его назначении секретарём Совета Безопасности и чуть ли не назвал его официальным своим наследником. Тут было две возможности: либо Ельцин откровенно лгал, либо он тоже восторженно уверовал в близкую законную (т.е. без путча) победу, на

которую вначале даже не рассчитывал. То, что не надо было доверять Ельцину, думали многие, начиная с самого Лебедя. Но никому не хотелось говорить об этом вслух. А на Западе никому не хотелось об этом даже думать. С другой стороны, было ясно, что Лебедь таскал для Ельцина каштаны из огня, позволяя ему победить на выборах и не идя против правил (и тем самым избавляя Вашингтон, Бонн и Париж от неблагодарного занятия - оправдывать очередные грубые ошибки президента-»реформатора»), хотя так и оставался «национал-патриотом». А что было бы с интересами Запада, если бы он и впрямь быстро включился в иерархию ельцинской власти?

В действительности, пока американские «мушкетёры» тайно работали в номере «Президент-отеля», полагая, будто это они решают исход выборов с помощью создания своих «контрольных групп», что уместно где-нибудь в Миннесоте или Висконсине, устраивались и другие, куда более важные и хитроумные подспудные махинации. О них мы ещё поговорим, потому что они показывают, какая атмосфера складывалась в Кремле и вокруг него. Это была атмосфера заговоров, угроз, шантажа, по сравнению с которыми бледнеют всякие там «Уотергейты», «Чистые руки» и коррупция во всех уголках мира.

Сценарий был впечатляющим: он показывал, что Борис Ельцин, когда его власть оказывается под угрозой, не останавливается ни перед какими спецэффектами. Вся мировая печать, естественно, удовольствовалась, когда на сцене кремлёвского театрика перед ней разыграли новый спектакль. А факт таков, что Александр Лебедь оставался в администрации президента всего 120 дней. За это время ему удалось заявить, что единственный способ для России выйти из кризиса - повторить чилийский опыт генерала Пиночета (ужас в демократических кругах Запада, в том числе и в американских, позабывших о том, кто именно помогал Пиночету). Генерал Лебедь уточнил также, что он не является демократом (ужас в западных и российских демократических кругах, бурные аплодисменты миллионов российских избирателей, которые слово «демократ» воспринимают как кровную обиду). И ещё генерал Лебедь заявил, что он против расширения НАТО на Восток (раздражение в западных кругах, пренебрёгших тем, что то же самое говорили Ельцин, Примаков, Черномырдин и другие), но заметил, что вопрос этот в сущности не так важен, поскольку холодная война окончилась и на повестке дня стоят другие проблемы (умеренное удовлетворение в западных кругах).

Всё это были слова и только слова, произнесённые басом и стоя навытяжку, как подобает военному. О борьбе против коррупции - коньке его избирательной кампании, Лебедь уже помалкивал. Да и что он мог сказать, оказавшись без своего аппарата и какой-либо поддержки в змеином гнезде, обитатели которого превратили коррупцию в метод повседневного правления страной? Но одно важное дело он сделал - договорился о перемирии и об отводе федеральных войск из Чечни

(удовлетворение на Западе, избавившемся, наконец, от страшной перспективы продолжения умалчивания по поводу массовых убийств; восторг нормальных россиян; положительная оценка со стороны умеренных типа Явлинского и «демократов» а-ля Гайдар, у последних не осталось больше оснований для пребывания в малоудобной оппозиции, яростная реакция Жириновского, коммунистов, а также «ястреба» из «ястребов» министра внутренних дел Куликова). Попробуйте теперь разобраться, кем же считать в конце концов генерала Лебедя - «ястребом» или «голубем»? Консерватором или реформатором? «Хорошим» или «плохим»? Тем более что Ельцина, - какая ирония судьбы и вполне советский дурной вкус, - опять показали на телеэкране, ставящим больной, дрожащей рукой свою подпись под очередным указом. Так кто же всё-таки сместил «неподкупного» генерала? Премьер Черномырдин, долгое время (после нападения на больницу в Будённовске) считавшийся «голубем» в чеченской войне; глава президентской администрации Анатолий Чубайс, который, будучи «хорошим» и врагом Коржакова, должен был бы выступать за перемирие в Чечне; министр внутренних дел Анатолий Куликов, самый ярый приверженец продолжения войны в Чечне? Коммунисты в Думе первыми встретили увольнение Лебедя аплодисментами, за ними тотчас последовал Жириновский. Единственным человеком, вставшим на защиту Лебедя, был Григорий Явлинский - реформатор и демократ без кавычек.

Конечно, судя по словам самого Александра Лебедя, перемирием в Чечне остался недоволен Борис Березовский, большой друг Анатолия Чубайса, сначала пытавшийся угрожать генералу, а потом бросивший ему в лицо фразу, которую в какой-нибудь другой стране сочли бы очень и очень неосторожной: «Вы срываете важное дело. В Чечне ещё понемногу убивают, но, в сущности, там же всегда убивали...» Теперь давайте посмотрим, что к чему. Когда развязали войну в Чечне, Борис Березовский был другом Александра Коржакова. В феврале 1996 года он стал другом Чубайса и помирился со своим заклятым врагом Владимиром Гусинским. Таким заклятым, что, по словам Коржакова, он не раз просил, чтобы президентская гвардия покончила с ним. Березовский частично финансировал избирательную кампанию Ельцина. И Березовский же вместе с Гусинским и Чубайсом организовал отстранение от дел Коржакова и его компании в группе поддержки президента в период между первым и вторым туром выборов. Это Березовский придумал завербовать Лебедя. И опять-таки он, - по свидетельству разных газет, - организовал среди банкиров сбор средств, раздобыв для избирательной кампании Ельцина несколько миллионов долларов. Именно Березовский (главный заправила на первом канале телевидения, именуемом ОРТ, т.е. Общественным Российским Телевидением), что свидетельствует о явной недооценке умственных способностей зрителей, обеспечил Лебедю практически неограниченное время для выступлений в последние 15 дней избирательной кампании.

Зачем Березовский, Гусинский, Чубайс делали это, понятно: Лебедь

не только не должен был выйти из игры ради победы Ельцина (на что усиленно, всеми способами толкали Явлинского), а, наоборот, набрать побольше голосов. Поскольку было ясно, что Лебедь сможет отнять голоса не у Ельцина, а скорее всего у Зюганова, тогда как Явлинский отнимает их только у Ельцина. Таким образом, Лебедь поможет Ельцину победить в первом туре, потом, чего только не наобещав, его убедят отдать Ельцину голоса своих избирателей во втором туре, а под конец самого его вышвырнут вон. Всем известно, что план этот удался на славу. На всех фазах. В том числе и на секретной.

Помню, как интервьюировал Березовского кандидат в лауреаты Пулитцеровской премии Евгений Киселёв в передаче «Герой дня». Отвергая обвинения в причастности к убийству Листьева, уже бывший российско-израильский банкир заявил, что он здесь вовсе ни при чём. Что в те же самые дни ему самому угрожали смертью. Единственное различие между ним и Листьевым состояло, судя по всему, в том, что Борис Абрамович не сидел, сложа руки, дожидаясь пули, а шёл на переговоры с таинственными заказчиками покушения. На переговоры, которые проходили - это надо же! - при посредничестве одного высокого деятеля милиции. И здесь Березовский превзошёл самого себя, - по крайней мере так явствовало из телебеседы, - ибо, выплачивая некий, как он, сказал, выкуп, он взялся также заснять на плёнку эмиссаров, явившихся забрать неизменный чемоданчик, набитый долларами.

Вопросов становилось всё больше. Были ли арестованы эти эмиссары? Кто тот высокий милицейский чин? Сообщил ли Березовский обо всей этой истории в милицию? И теперь, когда Березовский стал заместителем секретаря Совета Безопасности, не пришло ли время упрятать всю эту шайку за решётку? Ещё и потому, что, как следует из рассказа, она, по-видимому, замешана в убийстве Листьева? Конечно, вопросы эти не прозвучали из уст почти пулитцеровского лауреата Киселёва. Но когда я слушал Березовского, не знаю уж почему мне пришли в голову мысли о генерале Лебеде. И мне показалось, что всё это странное выступление по телевидению перед миллионами телезрителей адресовано генералу Лебедю. Чтобы дать ему понять, что его тоже снимали, - и возможно даже не одной телекамерой, - когда кто-то вручал ему чемоданчики, с помощью которых он собрал свои 15% голосов. Всё это похоже на детективный роман Форсайта и, возможно, так оно и есть.

Хотя цифры остаются под вопросом. Березовский ворочает миллионами долларов.

Эти фото и эти плёнки, если в самом деле имели место, понадобятся, если Лебедь решит обнародовать компромат на коррумпированных кремлёвских деятелей. Интересно проследить эволюцию Березовского, которому предстояло стать «хорошим» после того, как он перешёл на сторону Чубайса и покинул «плохого» Коржакова, превратился в «очень плохих», высказавшись против перемирия в Чечне. Наверное, там и впрямь делались выгодные дела? Интересно, какие же? Однако мы знаем,

что назначили Березовского заместителем секретаря Совета Безопасности Ельцин - Чубайс - Татьяна и поручили ему заниматься именно чеченским вопросом. Многие русские газеты писали также, что кампанию по выборам в Думу Ивана Рыбкина, назначенного Ельциным вместо смещённого Лебедя, оплачивал тот же Березовский. Фамилия Рыбкин подстегнула народную фантазию, породившую новую поговорку: «Ни мясо, ни рыбка». Из чего следует, что заместитель секретаря Совета Безопасности держит за горло и самого секретаря, и главу Администрации президента, и, возможно, самого президента Ельцина. Хотя не исключено, что и его в свою очередь кто-то держит за горло, опутывая сетью шантажа и угроз.

В общем, путаница между «хорошими» и «плохими» ужасная. Не может ли кому-нибудь из моих уважаемых коллег прийти в голову, что разделение на эти две категории лишено всякого смысла и что принять его всерьёз способны только глупцы? Тогда давайте попробуем перевести всё в антитезу «консерваторы» - «реформаторы», столь милую англоязычной прессе, что она и впрямь в неё поверила. Замечу мимоходом, что даже Уильям Пфаф, один из комментаторов знаменитой «Лос-Анджелес таймс» (которому в прежних статьях тоже был свойствен несколько упрощённый подход к этому вопросу), теперь, похоже, заметил, что что-то не так. Представляя Россию после выборов, он пишет, что она стала местом «хаотичной борьбы за власть между политико-финансовыми баронатами, частично связанными между собой преступными союзами. Процесс этот и впрямь очень мало похож на картину соперничества между демократами и старомодными автократами, между реформаторами и «отсталыми» русскими: эта картина Вашингтону нравится и он, пожалуй, даже верит в неё» 24.

И перед президентской избирательной кампанией, и в ходе её российских избирателей всячески запугивали: если победят коммунисты, всех нас опять посадят в концентрационные лагеря. Коммунистическую партию Геннадия Зюганова представляли как смертельного врага России, демократии, рыночной экономики. Даже люди знающие и серьёзные допускали вполголоса, что самым худшим может оказаться неспособность коммунистов вытащить страну из кризиса. В общем, «консерваторы» они.

А между тем Зюганов и «хороший» Черномырдин проводили регулярные встречи, во время которых обсуждались возможные будущие альянсы. Здесь следует вспомнить, что Черномырдин на Западе считался лояльным «реформатором», то есть «хорошим» («Тайм», которому нелегко угодить, считал его «неплохим парнем»). Но с этими ужасными коммунистами-»консерваторами» вели переговоры и «плохие» во главе с шефом преторианской гвардии Александром Коржаковым. Те самые «плохие», которые, будучи сторонниками Ельцина с 1992 по 1996 год, в силу обстоятельств должны были считаться «реформаторами». Итак, «реформатор» Коржаков тайно встречался с советником по идеологии «консерватора» Зюганова Алексеем Подберёзкиным, чтобы обсудить

возможность создания правительства национального единства при участии коммунистов, если Дума примет решение об отмене президентских выборов. Как видим - сплошной бардак. Может быть, Ельцин не знал обо всех этих махинациях? Очень неправдоподобно. Был здесь и сценарий безоговорочной отмены выборов. Я уже упоминал, что Анатолий Чубайс публично обвинил Коржакова и Ко в намерении отложить президентские выборы. Вся западная печать облегчённо вздохнула: значит, это Анатолию Чубайсу мы обязаны тем, что в России соблюдены демократические законы! Так мы получили подтверждение, что Анатолий Чубайс не только «реформатор», но и «хороший». И Ельцин тоже? Несмотря на то, что он был готов отменить выборы, и на всё остальное? Да, - вероятно, ответили бы и сами сторонники Чубайса, - потому что цель была достаточно высокой, чтобы оправдать любые средства. Да здравствует Макиавелли. И Сталин тоже.

Но хроника противоречивых с виду альянсов и явно противоестественных конфликтов не была бы полной, если бы мы не рассказали о некоторых сценариях, которые обсуждались в Кремле, когда Борис Ельцин был в клинике. Сценариев, начавшихся ещё до его операции, когда были основания опасаться близкой смерти, и продолжавшихся после операции, но уже более спокойно. Их можно было в любую минуту прекратить, если ветер переменится, и возобновить при необходимости.

Предположим, что Анатолий Чубайс задумал тогда стать президентом России. Предположение это было не таким уж необоснованным летом и осенью 1996 года. Но как ему, так и его высоким избирателям (Борису Березовскому, Владимиру Гусинскому, Михаилу Ходорковскому, Владимиру Потанину) было ясно, что он «не пройдёт». Ни в какую. Только сумасшедший может поверить в подобную возможность. Что же тогда? А тогда представьте себе следующий сценарий: Чубайс делает ставку на соглашение с коммунистами. Предложение: изменения в Конституции, предусматривающие расширение прав правительства и Думы и ограничение прав президента. Спрос: провести через Думу изменения в Конституции, отменяющие прямые выборы президента народом и избрание его, скажем (как в Италии), электоратом в лице депутатов обеих палат. Тогда «проходимость» Чубайса стала бы возможной при наличии большинства, состоящего из депутатов от НДР, коммунистов, жириновцев и купленных независимых разных мастей. Только такое большинство было способно дать две трети голосов для преодоления всех неодолимых барьеров, воздвигнутых в 1993 году с целью не позволить свергнуть Ельцина конституционным путём.

Слишком смелая гипотеза? Давайте вдумаемся: если эта гипотеза не сработала в отношении Чубайса (как бы коммунисты объяснили своим избирателям сговор с главным врагом?), то она могла бы сработать с Черномырдиным.

Он тоже «непроходной» на прямых выборах. Впоследствии мы

увидели, что Ельцин предпочёл для Чубайса карьеру будущего главы правительства, назначив его первым вице-премьером. Теперь не надо будет его избирать. А что касается поста президента - потом посмотрим.

И всё же с уверенностью можно сказать, что вся эта чепуха с «реформаторами - консерваторами» и «хорошими - плохими» в предстоящие годы будет обыгрываться в большинстве газет, печатающих корреспонденции из Москвы. Вместо того, чтобы сделать усилие и разобраться в происходящем, на головы несведущих читателей опрокидывают вагоны идеологических оценок и ярлыков, которые, впрочем, сейчас уже вышли из употребления даже в Америке. Там, чтобы разглядеть различие между президентом-демократом и президентом-республиканцем, недостаточно простого увеличительного стекла, и такие категории, как «реформатор - консерватор» идут в ход независимо от того, к какой партии они принадлежат, а в соответствии с разными темами, обстоятельствами, ситуациями и, главное, телевизионными рейтингами.

Глава 10. Конец Советского Союза

В декабря 1991 года в Белоруссии, на одной из дач заповедника «Беловежская пуща», неподалёку от польской границы, собрались шесть человек. Целью встречи было подписание некоего свидетельства о политической смерти; правда, не все участники знали об этом, не все были в одинаковой степени уверены, что должны это сделать, и не у всех было единодушие в отношении использования подписанного документа. Как показали впоследствии их поведение и ход событий, никто из них не был в состоянии осознать, какие тяжелейшие и трагические последствия повлечёт за собой подписание такого свидетельства о смерти.

«Мы… заявляем, что Советский Союз как субъект международного политического права и геополитическая реальность прекратил своё существование» 25. Такова ключевая фраза документа, состоящего всего из трёх страничек и написанного, - как стало известно впоследствии, - под диктовку бывшего преподавателя марксизма-ленинизма из Свердловска (ныне Екатеринбург), приехавшего в Москву вместе с Борисом Ельциным - бывшим первым секретарём Свердловского обкома. Геннадий Бурбулис - так звали этого человека - был в тот момент госсекретарём при Президенте Российской Советской Федеративной Социалистической Республики.

За каких-нибудь три недели могучий Советский Союз исчез из реальной действительности и вместо него появилось 15 отдельных «суверенных» и «независимых» государств. Некоторые из этих государств (а точнее - народов, или ещё точнее - местных правящих верхушек) хотели независимости и давно за неё боролись. Но многие другие, пожалуй даже большинство из них, и уж конечно подавляющее большинство их населения, никогда не думали о независимости, не

понимали даже, от кого им надо быть независимыми, и не имели ни малейшего представления о том, что значит быть независимыми: у них для этого не было ни человеческих, ни материальных ресурсов. Президент Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, которую тоже ликвидировали, чтобы потом эксгумировать в другой форме, символически получал в свои руки ядерную кнопку (формальная передача состоялась спустя несколько недель), а президент уже не существующего Советского Союза Михаил Горбачёв в знак протеста подал в отставку, признав политическую смерть СССР, но заявив, что всё происходящее обречёт миллионы людей на хаос и анархию.

Сегодня, спустя пять лет после этого несомненно исторического события (а именно сейчас и пишутся эти строки), ещё слишком рано делать глубокие и исчерпывающие выводы. В разные периоды истории человечества рушились и другие великие империи, и прошли десятки и даже сотни лет, прежде чем им удалось разобраться в порой чрезвычайно важных результатах и последствиях, отразившихся даже на территориях, весьма удалённых от тех, на которые распространялось их господство. Не знаешь, плакать или смеяться, читая порой выводы, к которым приходят политические комментаторы, дипломаты, наблюдатели, утешая себя мыслью, будто в сущности не произошло ничего такого уж важного. Ведь СССР прекратил своё существование без лишнего кровопролития и без великих трагедий. Ведь могло быть и хуже, самые плохие предсказания не сбылись и т.д. После гибели Советского Союза тоже должно пройти много времени, прежде чем можно будет оценить во всей полноте масштаб её последствий. Пять лет - это всего лишь намёк на пролог, этакие какофонические ноты, которые издают музыканты, сидя в оркестровой яме в ожидании дирижёра и настраивая свои инструменты. Но и пяти лет достаточно, чтобы констатировать с полной уверенностью: мало, очень мало кому хотелось произносить заздравные тосты в связи с событием, происшедшим 8 декабря 1991 года.

Из трёх глав государств, зафиксировавших этот факт политической смерти, только один - Борис Ельцин пока ещё занимает свой пост. Но если судить по его физическому состоянию, у него вряд ли есть время и охота поднимать сейчас по этому поводу свой бокал. Остальные два - Леонид Кравчук и Станислав Шушкевич - соответственно президенты Украины и Белоруссии, в 1996 году были уже рядовыми депутатами своих парламентов. А три соучастника этой акции - тот самый Геннадий Бурбулис, премьер-министр Украины Витольд Фокин и премьер-министр Белоруссии Вячеслав Кебич - сошли со сцены и уже канули в историю.

Спустя пять лет значительная часть населения Советского Союза называет беловежский договор «злодейским» и считает, что пуща вблизи польской границы стала колыбелью «государственного переворота», осуществлённого группой заговорщиков, которые, как полагают многие (возможно преувеличивая), были куплены Западом. Как свидетельствуют результаты опроса, проведённые в ноябре 1996 года Всероссийским

центром исследования общественного мнения (ВЦИОМ), 65% россиян сочли, что ликвидация СССР «принесла больше вреда, нежели пользы». 11% придерживаются противоположного мнения.

В ту ночь, - как явствует из воспоминаний разных свидетелей, - шестёрка много пила. И конечно, не воду. Бориса Ельцина вынесли из зала его охранники, да и не ему одному пришлось прибегнуть к помощи приближённых, чтобы покинуть помещение, где происходила историческая встреча. И всё же Ельцин торжествовал: подписанием этого документа он уничтожил человека, которого считал своим главным политическим противником. Михаила Горбачёва. Очевидно, для него не было ничего важнее этого. Теперь уже с уверенностью можно сказать, что он кроме этого результата ничего не видел.

По случаю пятой годовщины со дня подписания договора Шушкевич в интервью российскому еженедельнику «Огонёк» 26 сказал, что во всём виноват Горбачёв:

«Там не было наивных. Было ясно, что Борису Николаевичу больше всего мешает Горбачёв». Шушкевич, как и некоторые другие, например Егор Гайдар, участвовавший в подготовке документа, задним числом признал, что тогда он «не ощутил величия момента». Что ещё можно сказать о главе государства, принимавшем историческое решение такой важности? Нет смысла искать в этих воспоминаниях другие, более возвышенные мотивы, раздумья о судьбах народов и государств. Шушкевич не идёт дальше жалких рассуждений, касающихся отдельных личностей, словно речь идёт о выяснении отношений между забулдыгами в тёмном переулке какого-нибудь захолустного городка. Вячеслав Кебич тоже не лучше. «Мы были возмущены - говорил он, - поведением Горбачёва и готовы были чёрт знает что подписать, лишь бы только от него избавиться».

В этих словах явно ощущается неловкость, намёк на этакое чувство вины, попытка самооправдания. А вот Леонид Кравчук постоянно повторяет, что он нисколько не сожалеет о своём вкладе в дело разрушения СССР. «Таким образом, - говорит он, - Украина покончила с трёхсотлетним господством России». Никто не объяснил ему, что сама Россия берёт своё начало от Киева. Что для Киева освободиться от Москвы - всё равно что лишиться не просто ребра, а много большего; для Москвы же освобождение от Киева равносильно потери огромного куска своей истории. Впрочем, при такой аргументации и Италия не выжила бы: папское государство могло бы потребовать независимости, Австрия захотела бы вернуть себе Ломбардию, Бурбоны - Королевство обеих Сицилий; да и индейцы могли бы заявить о своём праве на Америку.

Но три славянских лидера, принявших своё решение (в скобках заметим - не имея никаких полномочий на это от своих парламентов), прекрасно знали, что они идут против чувств большинства собственных народов. Спустя пять лет сам ещё не вполне выздоровевший Ельцин

почувствовал необходимость оправдать свои действия. «К декабрю 1991 года, - сказал он в интервью газете «Труд», - распад бывшего Союза принял обвальный характер. Это было очень опасно. Как ни тяжело признать, но Союз изжил себя. Пришлось спасать то, что ещё можно было спасти. Было создано Содружество Независимых Государств - суверенных, равноправных стран. Каждая взяла на себя ответственность за свои дела. Тогда идея СНГ оказалась единственной, на основе которой удалось прийти к согласию бывших республик. За исключением Прибалтики. Повторяю, пять лет назад никто не предложил другой модели нашего взаимодействия» 27.

Ельцин оправдывается, защищается. Но в попытке сделать это он вынужден грубо фальсифицировать историю. Мы потом ещё вернёмся к его описанию агонизирующего Союза и совокупных причин этой очевидной агонии. Вернёмся и к весьма странному утверждению (обнаруживающему безграничное чувство вины), будто «никто не предложил другой модели». Поражает «забывчивость» протагониста этого коллапса. Потому что мы знаем, что президенты России, Украины и Белоруссии, собравшись 8 декабря в резиденции «Вискули» под Брестом, ещё не помышляли о каком-то Сообществе Независимых Государств. Может быть, под глубоким впечатлением от Солженицына, авторы этого трюка (мы уже знаем, что идея исходила от «команды» Ельцина) делали ставку на создание сугубо славянского сообщества, состоящего только из России, Украины и Белоруссии. От остальных 12 республик они хотели как можно скорее отделаться, как от ненужных и обременительных придатков, этакого, по словам Александра Солженицына, «подбрюшья».

«План» - похоже, Ельцин забыл о столь неудобной части сюжета, - просуществовал всего недели две. Уже одно это достаточно убедительно говорит об истинных намерениях троих мужчин, подписавшихся под документом. Лишь в руководстве столицы Казахстана, в Алма-Ате, 21 декабря того же года была предпринята мучительная попытка восстановить права ещё восьми республик. Возможность предотвратить отделение трёх балтийских государств - Эстонии, Латвии и Литвы - была окончательно утрачена. Грузия, - которая в ходе национальных выборов торжественно и гордо высказалась за диктатуру Звиада Гамсахурдиа, поспешила учинить расправу над Южной Осетией и потопить в крови попытки Абхазии добиться независимости, - не присоединилась к алма-атинскому компромиссу.

Нужно было как можно скорее броситься в Алма-Ату и постараться избежать надвигавшихся катастрофических последствий. И это называется решением проблемы! Брестское соглашение не только не решило главных проблем, а создало мириады новых, о которых - просто поразительно! - никто и не подумал. Вот почему пришлось изобрести СНГ, - чтобы успокоить умы, а главное, избежать возможных выступлений протеста. А тут ещё очень скоро выяснилось, что Украина Кравчука не намерена вступать даже в Славянский союз.

Сказать, что три заговорщика попытались провести друг друга, было бы не точно. На Шушкевича смотрели, как на тройку пик, и он даже не осознал всего смысла этой встречи. Ельцин явился туда, держа на уме свой план. У Кравчука явно ещё не было никакой стратегии, и он ограничился тем, что на лету подхватил мяч, брошенный Ельциным, хотя через несколько дней смешал ему все карты.

Итак, вместо СССР была изобретена новая наднациональная структура - это самое СНГ, с единым экономическим пространством, объединённым военным командованием и общей внешней политикой. В последний момент было сделано заявление (радикал-демократические средства массовой информации поспешили выразить свой восторг по поводу столь ирреалистической перспективы), что СНГ открыто и для других государств, будь они захотят к нему присоединиться. Мелькнула даже мысль, что на это смогут при желании пойти и некоторые страны Варшавского договора. Была выдвинута идея, что СНГ - это не что иное, как вариант Европейского Союза, который в те годы цементировала Западная Европа.

Столь фантастические предположения просуществовали очень недолго, ибо стало ясно, что у самих троих славянских лидеров не было никаких общих позитивных стратегических намерений, больше того, - никто из них не представлял себе, как далеко может завести сделанный ими шаг. Очень скоро Леонид Кравчук, под влиянием событий на Украине и не будучи способным устоять под напором экстремистского крыла украинских националистов, вдруг провозгласил себя главнокомандующим всех советских вооружённых сил, оставшихся на территории республики. Вскоре стало очевидным, что каждое из государств желает проводить свою внешнюю политику и иметь собственную денежную единицу. И так же скоро стало ясно, что перспектива вступления в СНГ не привлекает никого за пределами бывшего Советского Союза по той простой причине, что она не смогла прельстить даже пятнадцать республик СССР. Прибалтийские страны заявили о своём несогласии, ни минуты не колеблясь.

После пяти лет своего нелёгкого существования СНГ может похвастать заключением целой массы соглашений и договоров. Всего их насчитывается больше восьмисот. Часть из них подписана всеми оставшимися двенадцатью республиками, часть - только некоторыми, а остальными - отвергнута. И почти никем не выполняется. «Новый учреждённый нами тогда организм оказался лишённым смысла», - признал в 1996 году Леонид Кравчук 28.

Да и могло ли быть иначе? Все имеющиеся в нашем распоряжении данные показывают, что ни у одного из троих славянских лидеров не было никакого органичного плана и что решение о роспуске Советского Союза родилось в обстановке полной сумятицы, без загляда на будущее, без признания, что оно носит переходный характер, и даже без желания смягчить кризис. Единственно подлинным было намерение Ельцина

избавиться от Горбачёва и союзного «центра». Руководители остальных республик, почти все бывшие члены Политбюро КПСС, просто воспользовались представленным им Россией случаем чтобы спасти себя самих. Какая редкая возможность: самое важное и могучее из государств Союза решило отделиться от всех остальных. Каждому из этих лидеров в условиях развала республиканских коммунистических партий грозила опасность вскоре оказаться вне закона. Общественность, жаждавшая освобождения от коммунизма и подхваченная бурей, не могла и не сумела отличить своё стремление к политической и экономической свободе от демагогических и сепаратистских поползновений сил, пользовавшихся такими настроениями.

Все эти муталибовы, кравчуки, назарбаевы, шушкевичи, каримовы отдавали себе отчёт в том, что единственный способ остаться у власти - это принять и довести до крайности стремление к сепаратизму и независимости. Чтобы спастись, они отдались на волю течения. И только. А то, что течение это, - как часто бывает, - несло не к спасению, а к пропасти, их не очень беспокоило. Пропасть ждала народ, а не их. Сговор в Беловежской пуще избавил республиканских первых секретарей КПСС от генерального секретаря. Только и всего.

Теперь, когда всё уже произошло и ничего не изменить, поражает превалирующее на Западе представление, будто конец Советского Союза именно в такой форме был неизбежен. Это всё равно, что утверждать, будто старое Политбюро КПСС, до последнего сопротивлявшееся попыткам Горбачёва постепенно добиться обновления, стало вдруг повивальной бабкой истории, взявшей на себя принятие единственного мудрого решения в отличие от всех прочих, безумных. Здесь кроется вопиющее противоречие. Нельзя представлять советскую коммунистическую партию перед близящимся концом, как коррумпированную геронтократию, далёкую от народа, тупую, заботящуюся лишь о вечном сохранении собственной власти и собственных привилегий, и тут же приписывать тем же самым людям необычайную мудрость.

Политбюро КПСС было действительно таким, как сказано выше, и уже только поэтому не могло обладать никакой мудростью. Не случайно большинство республиканских лидеров во время августовского путча 1991 года было готово пойти на сговор с московскими путчистами. И в первых рядах выступал суперборец за независимость Леонид Кравчук. Выходит, что до момента подписания они были реакционерами и коммунистами-догматиками. А через каких-нибудь четыре месяца все вместе и по отдельности вдруг сделались образцом политической проницательности, реализма, дальновидности и носителями глубоко демократических убеждений? И никто не заподозрил, что Запад пришёл в восторг от кончины СССР, поскольку (ошибочно!) был убеждён, будто она отвечает его интересам?

Правда об этой истории куда менее приятна, чем хотелось бы

изобразить Западу. Да, конец Советского Союза, такого, каким его унаследовал Михаил Горбачёв, избранный в 1985 году Генеральным секретарём КПСС, конечно же был неизбежен. Но совсем не был неизбежный конец того «геополитического пространства», каким являлся этот Союз. При падении коммунистическая партия увлекла за собой и государство, над которым властвовала на протяжении семидесяти лет. Но не кто иной, как стоявшие во главе партии консерваторы, эти враги Запада, предрешили такой исход, исход вовсе не неизбежный и не «единственно возможный». К тому же, как показало дальнейшее развитие событий, он был далеко не спасительным для народов, населявших это пространство. И уж конечно не для русского народа, нёсшего в известном смысле коллективную ответственность за свою беду. Вот ещё один, пожалуй, самый яркий пример того, какую роль играет в истории личность, и того, что не существует никаких только «единственных решений», что всегда есть альтернатива, которую выбирают конкретные люди, и что принятое решение - это не что иное, как сплетение объективных обстоятельств и вмешательства в него людей, лидирующих в данный момент.

Так что если посмотреть на факты под этим углом зрения, можно определить точную дату начала конца Советского Союза. Это 12 июня 1990 года. Здесь тоже необходимы пояснения. Даты рождения исторических событий всегда условны. Потому что каждая дата из тех, что прилежные студенты вызубривают наизусть, в свою очередь является точкой совпадения множества векторов, событий, фактов. Оговорив это, то есть сказав, что каждая дата - это своего рода схематическая «модель» периодизации какой-то исторической фазы, мы придём к выводу, что 12 июня 1990 года было поворотным моментом, повлиявшим на многие последующие события, предопределившим агонию, её быстротечность, её формы и прогрессирующее сведение к нулю возможных альтернатив. Именно в этот день Верховный Совет РСФСР подавляющим большинством голосов одобрил предложение своего председателя Бориса Ельцина провозгласить суверенитет России. Вот она - отправная точка, начало всех последовавших затем сепаратистских тенденций, которые разорвали сначала Советский Союз, а потом и Россию. Именно в этот момент Борис Ельцин - захваченный поистине смертельной борьбой с Горбачёвым и союзным «центром», решительно добивающийся поддержки российских «автономий», без которых он не мог бы победить, - бросил страшный по своим просматривавшимся последствиям клич: «Берите столько суверенитета, сколько сможете удержать».

Вот вам конкретный пример личной и коллективной ответственности в истории. Спустя год после того, как Ельцин произнёс эту фразу, генерал Джохар Дудаев провозгласил независимость от России автономной Чеченской республики, только что образовавшейся в результате раскола прежней Чечено-Ингушской автономной республики. Семя суверенитета и национальной независимости, торжественно посеянное Ельциным на обширном поле СССР, дало свои всходы на российском огороде.

Через четыре года, в декабре 1994 года в Чечне началась война, в которой погибли сто тысяч россиян - как военных, так и гражданских; триста тысяч были ранены; война, из-за которой по меньшей мере полмиллиона человек, вынужденных бежать от бомбёжек, потеряли свой дом, свою землю. Через шесть лет, в ноябре 1996 года, Ельцин издал указ об отводе своих войск, таким образом практически признав поражение России и независимость Чечни.

Теперь, возвращаясь к СССР и его концу, давайте посмотрим, каковы же отдалённые результаты выбора, сделанного под Брестом 8 декабря 1991 года, проанализируем политическую картину геополитического пространства бывшего Советского Союза, на котором уже разыгрались или ещё тлеют, как огонь под пеплом, гражданские войны. Давайте подсчитаем количество появившихся там авторитарных и полуавторитарных режимов, подумаем об откровенном культе личности Ниязова в Туркмении, об авторитарных конституциях России, Казахстана, Беларуси, Азербайджана, Таджикистана. Представим себе разразившуюся повсеместно экономическую катастрофу, общественные беспорядки, рост преступности. Перечислим столкновения, конфликты на почве территориальных и имущественных притязаний. Прибавим ко всему этому политическую неподготовленность республиканских верхов, отсутствие юридической и административной культуры и опыта у пребывающих в зачаточном состоянии политических сил. Подсчитаем количество погибших в шести войнах (Нагорный Карабах, Молдова - Приднестровье, Южная Осетия, Абхазия, Чечня, Таджикистан), в межэтнических конфликтах (Северная Осетия, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Дагестан и т.д.) и в нескольких государственных переворотах. Получается - по меньшей мере миллион человек. А теперь давайте зададимся вопросом: действительно ли это была единственная модель, имевшаяся в распоряжении радикал-реформаторов? В частности русских.

Чтобы ответить на этот вопрос, можно сослаться на горестные раздумья «демократа» Отто Лациса. Его, такого авторитетного комментатора «Известий», одного из самых ярых критиков Горбачёва и самых пламенных и безупречных сторонников Бориса Ельцина, конечно же нельзя заподозрить в антиельцинизме. «Немало сомнений вызвала уже идея российского суверенитета. В той империи, какой был Союз, борьбу за освобождение провозгласили представители монополий. Ещё можно было как-то понять тактические соображения демократов, использовавших позиции, захваченные в российском парламенте, для противодействия антидемократическим поползновениям союзного центра. Можно как-то понять, хотя нельзя не прислушаться к мнению историков и политологов, полагающих, что отказ от последних шансов сохранить Союз в обмен на ускорение победы демократов был слишком дорогой ценой» 29. Мудрые слова, написанные с трёхлетним опозданием в марте 1993 года незадолго до того, как Борис Ельцин направил своих наёмников против российского Верховного Совета. Того самого Верховного Совета - какая злая ирония истории! - который за каких-

нибудь три года до этого поддержал провозглашение суверенитета России, а потом сам был ликвидирован с помощью пушек, и который на протяжении предшествовавших месяцев все радикал-демократические средства массовой информации при немалом личном вкладе самого Отто Лациса клеймили как «пристанище коммунистов».

Остаётся только спросить у Отто Лациса, хватило ли бы у него, члена Президентского Совета - консультативного органа Бориса Ельцина, храбрости сказать такое на одном из тех немногочисленных заседаний Совета, в которых ему довелось принять участие. А три года спустя и Лацис, которому в 1991 году не хватило смелости высказать хотя бы одно из своих сомнений относительно того, что творят с его собственной страной, признаёт, что ещё была «последняя возможность спасти Союз» и что ею пожертвовали «ради скорейшей победы демократов».

Бывший мэр Москвы, Гавриил Попов (один из лидеров «межрегиональной оппозиции» на Съезде Народных Депутатов СССР) за год до Лациса дал событиям почти ту же оценку, сказав, что Беловежская Пуща явилась «выбором», продиктованным необходимостью нанести удар по «бюрократическому центру» в лице Горбачёва 30. Следовательно, дело не в том, что «никто не предложил других моделей» вывода Союза из кризиса, - как сказал в 1996 году Ельцин. Они были, и их предлагал Горбачёв во время долгих и изнурительных переговоров в Ново-Огарёве, были до и после августовского путча 1991 года. Но их пустили ко дну Ельцин и его приближённые с помощью других республиканских лидеров. Кто в этом сомневается, пусть почитает записки Геннадия Бурбулиса, да и мемуары самого Бориса Ельцина, опубликованные в 1994 году. «Для руководящего эшелона российских лидеров, - писал Бурбулис, - поднятых августовской революцией к власти, искусственность и временность союза с Горбачёвым была очевидна с самого начала. Рано или поздно к этой мысли должен был прийти и сам Ельцин: не только не уступать власть союзному президенту, но и не делить её с ним. После того, как он (Ельцин. - Прим. ред.) естественным образом убедился в этом, остальное уже было делом более или менее умелой тактики» 31. Пусть читатель обратит внимание не только на содержание, но и на лексику Бурбулиса. «Руководящий эшелон российских лидеров» - это ближайшие советники Ельцина: в тот период - сам Бурбулис, а также Сергей Шахрай и Михаил Полторанин, «...поднятые августовской революцией».

В каждом слове здесь звучит самохвальство автора, ощущение победы, всемогущества, презрение. Эта группа провинциальных функционеров коммунистической партии, начиная с самого Ельцина, действительно чувствовала себя «поднятой к власти». И не какой-нибудь, а огромной, безграничной власти, которую они унаследовали от коммунистической партии. Августовский переворот для Бурбулиса - «революция». Эти глупые коммунисты-бюрократы из ГКЧП просто расчистили дорогу революции «радикал-демократов». Впрочем, она и была в планах этих последних. Высказывания Гавриила Попова тоже

подтверждают, что это был только вопрос времени. Если бы путчисты не выступили в августе, «осенью наступил бы наш черёд... Мы сами дали бы бой». И далее: «ГКЧП нарушил закон. Но мы бы тоже были вынуждены нарушить его (как это и произошло в декабре 1991 года)» 32.

В словах же Бурбулиса больше всего поражает абсолютное отсутствие какого бы то ни было упоминания о проблемах страны, о людях. Его нет в аргументации потому, что его нет ни в голове самого пишущего, ни в головах той группы авантюристов. Уничтожение Горбачёва и Союза было для них «делом более или менее умелой тактики». А что касается «прихода к власти» и холодка почти физического наслаждения, пробежавшего по спинам этих скромных аппаратчиков (можно представить себе сладострастные судороги аппаратчиков республиканского масштаба, оказавшихся вдруг без вожжей и сознающих, какие несметные богатства оказались у них под рукой), то достаточно вспомнить фрагмент мемуаров самого Ельцина - такой откровенный, такой прозрачный и простодушно обнаруживающий культурную, этическую и политическую ограниченность этого «руководящего эшелона российских лидеров»: «Помню, как мы с Львом Сухановым впервые вошли в кабинет Воротникова, бывшего до меня Председателем Президиума Верховного Совета РСФСР. Кабинет огромный, и Лев Евгеньевич изумлённо сказал: «Смотрите, Борис Николаевич, какой кабинет себе отхватили!» Я в своей жизни уже успел повидать много кабинетов. И всё-таки этот мягкий, современный лоск, весь этот блеск и комфорт меня как-то приятно кольнули. «Ну и что дальше? - подумал я. - Ведь мы не просто кабинет, целую Россию отхватили. И сам испугался крамольной мысли» 33.

Россия, низведённая до масштабов президентского кабинета. Разве этого недостаточно, чтобы раскрыть всю драму конца Советского Союза, весь этот потрясающий откат, за несколько дней уменьшивший Россию в размерах и отбросивший её на три века назад, в допетровские границы. А то, что не существовало никакого плана, никаких конкретных очертаний будущего, со всей очевидностью вытекает из слов самого Ельцина, которыми он описывает раскол, вызванный им же 25 ноября 1991 года в самый ответственный момент переговоров между республиками. Именно об этом моменте как раз и говорится у Бурбулиса. Тогда Ельцин понял, что не в его интересах поддерживать Горбачёва в последней отчаянной попытке спасти Союз, состоящий хотя бы из семи или восьми республик. И он холодно принял решение, о котором Бурбулис говорит так: «...Мы решили поднять ставки и убедили своего президента забрать обратно на очередном заседании Госсовета то, что он неоправданно великодушно «подарил» Горбачёву на предыдущем».

Выходит, неправда, как пишет Ельцин в своих мемуарах, что это была общая идея остальных лидеров республик. В действительности решающий шаг - отказ подписать соглашение, достигнутое на заседании Государственного Совета 14 ноября 1991 года, - сделал Ельцин. На

президентской даче в Ново-Огарёве состоялся действительно последний акт этой истории: российский президент отрёкся от собственного согласия и начал бесплодную дискуссию о будущих отношениях между центром и республиками. Прижатый к стене Горбачёв встал и покинул зал заседаний. «В этот момент, - вспоминает Ельцин так, словно он был сторонним зрителем, а не главным действующим лицом, - все вдруг поняли, что встреча эта - последняя: ново-огарёвская эпопея подошла к концу. И в этом направлении движения нет и не будет. Надо искать, придумывать что-нибудь новое... Это была уже окончательная жирная точка в длинной истории горбачёвской попытки спасти разваливающийся Советский Союз» 34.

25 ноября нужно было «придумать» что-то новое! 8 декабря «придумка» была готова. Понадобилось тринадцать дней, чтобы удовлетворить «требование истории», - как заявили могильщики великой страны под аплодисменты остального мира. Последовавшие за провозглашением суверенитета России события, особенно события последнего года жизни СССР, были необратимыми. Они сами по себе показывают, что Союзу Советских Социалистических Республик действительно пришёл конец и никто уже не мог бы вдохнуть в него жизнь. Но дискуссия, - которая ещё не кончилась и, возможно, не кончится никогда, - касалась теперь не восстановления СССР, а рождения некоего нового государственного образования с иными, чем прежде, отношениями между центром и периферией, с новой демократической конституцией, уже без трёх прибалтийских республик и, по-видимому, с новой «дифференцированной геометрией», то есть с новыми степенями объединения субъектов международного права, которые могли бы добровольно к нему присоединиться.

Таков был план Горбачёва. Для лучшей ориентировки в событиях можно назвать и другие даты. Одна из них, - часто упоминаемая правоверными коммунистами, которые никогда не простят Горбачёву его «перестройки», - март 1985 года, когда Горбачёв был избран Генеральным секретарём КПСС. Другая дата связана с историческим решением Съезда Народных Депутатов об отмене статьи 6-й Конституции СССР, закреплявшей за коммунистической партией «руководящую» роль 35. Все эти даты важны, так как в них можно найти и частичное объяснение событий и частично правду. 7 ноября 1917 года - тоже дата, раскрывающая немалую долю правды о смысле последовавших за ней событий. То же самое можно сказать и о более далёких датах XVI века, когда в России сложились условия для тёмного и бессмысленного народного бунта, о временах после террора Ивана Грозного и перед воцарением Романовых с благословения «средних слоёв», нашедших выразителей своих в лице купца Кузьмы Минина и князя Пожарского.

Но мы для краткости можем ограничиться событиями 1991 года, отмеченными предсмертными судорогами Союза. Событиями до августовского выступления консерваторов и после него. Это «до»

включает в себя четыре даты. Март 1991 года, когда Горбачёв добивается подавляющего большинства (почти 70 процентов голосов) в ходе референдума по вопросу о сохранении Союза. 12 июня, когда Борис Ельцин одерживает громкую победу в первых в России прямых президентских выборах. 23 июля, когда Горбачёву удаётся собрать в подмосковном Ново-Огарёве глав 9 из 15 республик СССР с целью добиться хоть малейшего согласия, необходимого для создания «обновлённого Союза». Согласие это было достигнуто и зафиксировано в весьма расплывчатом документе, ещё нуждавшемся в доработке советников. Подписание документа было назначено на 21 августа. В конце июля Горбачёв отправляется на встречу глав государств Большой семёрки в надежде получить от них займы и политическую поддержку в своей борьбе. Возвращается он оттуда без конкретных результатов. А затем его застигает врасплох путч, организованный самыми близкими его сотрудниками во главе с заместителем президента Геннадием Янаевым, в тот момент, когда Горбачёв проводит свой отпуск на берегу Чёрного моря, в Форосе.

По возвращении в Москву он, якобы спасённый своим главным соперником, больше не в состоянии управлять процессом, который сам же и начал. И всё же в этой борьбе ещё будут острейшие моменты. 2 сентября созывается Пятый Съезд Народных Депутатов СССР - всесоюзного парламента в расширенном составе (2250 делегатов). Он будет и последним - в силу принятого им самим же решения. Его должен был заменить новый Межреспубликанский Парламент и Государственный Совет, состоящий из президентов Союзных республик - участниц нового договора, и президент Горбачёв как символ единства страны, хотя в тот момент ещё не было решено, будет ли она федерацией, конфедерацией или каким-то другим образованием, форма которого определится в результате совместных усилий.

В октябре республики высказываются за создание «мягкой федерации» и разрабатывают документ об «экономическом союзе». Все политические вопросы остаются открытыми. 1 ноября на Украине проводится референдум по вопросу о независимости. Его организатор президент Кравчук добивается убедительной победы. Независимость восторжествовала. 4 ноября в Кремле собирается на своё первое заседание Государственный Совет. В нём участвуют восемь президентов и главы правительств Армении и Украины. Прийти к компромиссу, похоже, трудно. 14 ноября Горбачёв созывает новое заседание Государственного Совета - на сей раз в Ново-Огарёве. Здесь уже представлены только семь республик, Украина отсутствует. Решается вопрос о создании конфедерации. Ельцин тоже подписывается под этим документом, а вечером, давая интервью по телевидению, восклицает: «Союз будет жить!» В соглашении присутствуют и элементы федерализма - такие, например, как прямые выборы президента нового Союза. 25 ноября всё в том же Ново-Огарёве состоялось третье и последнее заседание Госсовета. Оно-то и ознаменовалось окончательным разрывом.

Когда оглядываешься на эти события, больше всего поражает невероятное расхождение между их масштабностью и несостоятельностью «героев», то есть их начинателей. Вокруг этих событий нередко складывались просто-таки водевильные ситуации: как в фарсе нагромождалась одна ложь на другую - с целью как-то их приукрасить. А народ молча, абсолютно пассивно и терпеливо всё это сносил, по-видимому не сознавая ни смысла, ни важности происходящего. И всё же речь идёт не только о ретроспективных соображениях. Многое можно было увидеть и понять ещё тогда. Более внимательные наблюдатели всё видели и предвидели. Начиная с Горбачёва, который предчувствовал «катастрофу» (не только собственную, но и всей страны) и постоянно предупреждал своих собеседников о «серьёзных последствиях» предпринимаемых ими шагов и об «огромной ответственности» за них перед Россией и историей.

Ведь уже тогда было ясно, что разрыв с горбачёвским «центром» должен был повлечь за собой союз с самыми тупыми и реакционными партийными бюрократами в республиках. Это означало, что раздуваются процессы, при которых они, и только они, могут взять власть в свои руки. Потому что во всех остальных республиках Советского Союза развитие демократических движений было куда менее серьёзным, чем в России. Это значило дать в руки местных номенклатур знамя национализма - единственное, которое после смерти КПСС они могли поднять, чтобы вновь объявить себя национальной верхушкой. Это значило отказаться - во имя демократизации метрополии - от какого бы то ни было влияния на демократические и преобразовательные процессы во всей бывшей империи. Словно Россия, освободившись от своего «подбрюшья», которое, по мнению радикал-демократов, мешало ей стать богатой, счастливой и демократической, могла навсегда забыть о нуждающихся в защите интересах в «собственном дворе». Итак, наступил конец «российского империализма». Хотя об этом термине можно было основательно поспорить. И действительно, дискуссия не прекращалась даже среди западных советологов.

Многие, в том числе и русские, считали, что у российского «империализма» было много весьма своеобразных особенностей: так, например, отношение между метрополией и её субъектами очень отличались от отношения колониальных держав к своим колониям. В общем, к этому понятию надо было подходить с осторожностью. Но радикал-демократы считали, что «советский империализм» если и не единственный в мире, то уж конечно самый худший. Такой плохой, что его можно было назвать (вслед за Рональдом Рейганом, в силу обстоятельств бывшим главой страны Процветания и Добра) «Империей зла». Однако прошло несколько лет и стало ясно, что стоило России уйти из «своего двора», как его, не теряя времени, стали прибирать к рукам другие хищники, преследующие собственные интересы. Геополитика не терпит пустоты, но попробуйте объяснить это кремлёвским придворным шутам.

Наконец, это значило обречь Россию, особенно Россию, решившую перейти к рыночной экономике, на бесконечную череду стычек и конфликтов с её «суверенными» соседями. В таких условиях единое экономическое пространство не только не могло быть сохранено, а было бы быстро разрушено общими усилиями. Все эти предсказания сбылись, вызвав крах экономик на всём бывшем советском пространстве. Но хуже всего «позабыть» о том, что России пришлось взяться за собственное обновление в общей психологической обстановке, куда более трудной и сложной, чем на всех остальных территориях. Английский политолог Брайан Бидхэм писал: «Бывают фазы, когда единственным утешением остаётся сохранение национальной гордости. Утешение - иметь возможность сказать, что вам хотя бы удалось прогнать непрошенного гостя, навязывавшего свою ошибочную систему. Такое утешение есть у поляков, венгров, чехов, украинцев, прибалтов и казахов. Они, наконец, обрели самих себя. Но у русских этого нет. Империя, с которой другие с радостью порвали, была империей русских. А для них национальное унижение сочетается с экономической нищетой. Их боль вдвойне сильнее» 36.

И эти слова, исполненные человеческой жалости, принадлежат иностранцу. Они показывают, как далеки от собственного народа те, кто взялся вести его по пути освобождения.

Глава 11. Икона

«Господин президент, пожалуйста, подпишите указ, разрешающий старым и больным добровольно перейти в мир иной. Например, я подписал бы заявление, что жить мне невозможно, поскольку пенсию платят с трёхмесячным опозданием, что я страдаю от голода и холода, что у меня нет будущего. Созывается комиссия, врач удостоверяет, что в любом случае я смогу прожить самое большее два года. Глава местной администрации подтверждает, что в следующие два года ситуация к лучшему не изменится. Органы социального обеспечения выдают мне талон на место на кладбище. Я со всеми прощаюсь, глотаю таблетку и ложусь спать. Утром всё будет кончено. Для родины так будет лучше, а нам легче. С уважением, Л.А. Романов, Кемерово, Западная Сибирь».

Это письмо было опубликовано еженедельником «Аргументы и факты» 37 (знаменитом тем, что вместе со своим главным редактором, Владиславом Андреевичем Старковым, был одним из самых ярых сторонников Ельцина) четыре месяца спустя после окончании президентской кампании, в ходе которой Борис Ельцин торжественно обещал рассчитаться - то есть наконец выплатить пенсии - со стариками до начала осени. Когда господин Старков напечатал письмо пенсионера Романова Л.А., задолженность государства перед пенсионерами уже выросла до 16 триллионов рублей, около 3 миллиардов долларов, и продолжает ежемесячно увеличиваться на 6 процентов. Но мы не стали бы уделять слишком много внимания несущественным бедам пенсионера

Романова и его острому и трагическому чувству юмора, если бы «Аргументы и факты» - быть может, чтобы замолить информационную однобокость прошлых лет, - не решили бы покопаться в недрах Пенсионного Фонда РФ.

Открывшаяся картина представляет такой интерес и содержит столько сведений о современной России, что заслуживает хотя бы краткого пересказа. Оказывается, Пенсионный Фонд, состоящий исключительно из «больших выборщиков» президента, возглавляемый людьми из президентской команды, патронируемый друзьями друзей руководителей президентской администрации, основал «Республиканский социально-коммерческий банк» (РСКБ), имеющий восемь филиалов и 46 отделений в российских регионах. Отличительной особенностью головной конторы и отделений является то, что местный глава Пенсионного Фонда является по совместительству и директором местного РСКБ. Официальное объяснение простое: не можем же мы держать в своих сейфах столько денег! А распределение напрямую пенсий и пособий требует тысячи чиновников. Не так ли? Всё делается во имя экономии и эффективности.

Счётная Палата попыталась разобраться в этой ситуации и открыла, что по какой-то странной причине все директора региональных Пенсионных Фондов - никудышные финансисты, в то время как директора филиалов РСКБ - первоклассные дельцы. Удивительное дело, если учесть, что речь идёт об одних и тех же людях. Выяснилось, что Пенсионный Фонд положил в центральный РСКБ скромную сумму в 384,7 миллиарда рублей (пенсии миллиона человек), не получив за них ни копейки процентов. Банк же, естественно, давал своим клиентам - включая и сам Пенсионный Фонд - кредиты под 25% годовых.

Возьмём другой пример. Пенсионный Фонд одолжил деньги пенсионеров коммерческому «Амо-Банку» под 2% годовых, а неделю спустя попросил у того же банка - нужно было срочно выплатить несколько тысяч пенсий - кредит под фантастические 65%. С калькулятором в руках Счётная Палата доказала, что Пенсионный Фонд «пользовался» «Амо-Банком» более полугода, внося депозиты под 17% годовых и получая кредиты в среднем 47%.

Теперь понятно, кто такие элегантно одетые господа, развалившиеся на сиденьях по меньшей мере сотни «мерседесов-600», разъезжающих по Москве. Это директора филиалов РСКБ, они же руководители Пенсионного Фонда. Они являются маленькой, но очень показательной составляющей российского «капитализма». Понятно, почему они голосуют за Бориса Ельцина вместе со своими семьями, шофёрами своих авто, гувернантками своих детей, садовниками своих дач и телохранителями, сопровождающими их жён делать шоппинг. Разумеется, все эти люди оплачиваются в долларах. Они подбирают крохи награбленного богатства, чьи размеры и форма с трудом поддаются описанию, настолько они превосходят - как мы вскоре увидим - воображение самых искушённых романистов.

Кто-то может подумать, что речь идёт об изолированном, обособленном социологическом явлении. Напротив, это - правило так называемой ельцинско-гайдаровско-черномырдинской «реформы». Та же самая ситуация и в Фонде социальной защиты (ФСЗ), дававшего деньги под смешные проценты Фонду «Реформа» (точнее, банку Фонда, чей генеральный директор, Мартин Шаккум, провёл разорительную президентскую кампанию) и потерявшего на этом 270 миллиардов рублей. То же самое происходит и в Государственном Фонде занятости (ГФЗ): 25 миллиардов рублей, выброшенных на ветер на «целевых» банковских операциях. Так же обстоят дела в Фонде социального развития, принадлежащему самой Государственной налоговой службе (ГНС), потратившей 7 миллиардов рублей на дома для своих руководителей. Которые, таким образом, обеспечивают собственное социальное развитие. Схема присвоения государственных денег варьируется только в деталях. Например, ГНС поместила 35 миллиардов рублей в Сбербанк и ещё 16 миллиардов в «Менатеп» под проценты, в 20 раз меньшие, чем в Центральном банке. В результате кто-то положил в карман разницу в 31 миллиард рублей и разбогател, не пошевелив и пальцем 38. Сотни тысяч государственных чиновников, руководителей всех уровней, включая самый высший, живут в безграничной роскоши, «прокручивая» чужие деньги и не производя взамен ничего, даже услуг. Если это - новая буржуазия, призванная спасти Россию, то Боже от неё упаси прежде всего россиян.

Но, чтобы завершить картину, нужно найти, с чем сравнить эти явления. Только тогда станет ясно, что они отнюдь не маргинальны, а являются правилом, что вся российская государственная машина основывается на таких отношениях, для которых понятие коррумпированности становится эвфемизмом. Это просто всеобщий неприкрытый грабёж, больше смахивающий на вооружённый разбой, поскольку соотношение сил, породившее его, установилось в начале октября 1993 года после расстрела парламента из танковых орудий. Достаточно представить себе, что всё вместе разнообразные «фонды» (мы перечислили только некоторые из них) управляют финансовыми ресурсами, равняющимися «половине доходов государственного бюджета» 39.

Подсчитать недолго: доходы бюджета равняются приблизительно 440 триллионам рублей. Доходы Пенсионного Фонда - около 120 триллионов, ФСЗ - 32 триллиона, ГФЗ и Фонда медицинского страхования - по 10 триллионов. Какие ещё нужны доказательства, что огромный кусок государственного аппарата действует в системе тотального беззакония? И разве не ясно, кто виноват в невыплате зарплат и пенсий?

Вот почему я назвал эту главу «Икона». Так называется последний бестселлер Фредерика Форсайта, наиболее выдающийся образец концентрата глупостей о сегодняшней России, какой мне доводилось встречать. Не знаю, найдётся ли у какого-нибудь российского издателя

мужество опубликовать его. Но, учитывая нынешний уровень низкопоклонства российской интеллигенции, не исключено, что «Икона» станет бестселлером и в России. Хотя российскому читателю трудно будет переварить бывшего агента ЦРУ Джеймса Монка. Он прибывает в Москву и начинает учить советологическим хитростям высших чинов милиции, спецслужб, «здоровых» национально-патриотических сил и даже Патриарха Московского и всея Руси. Разумеется, Монк в совершенстве владеет русским языком, но несмотря на это, его уморительные аргументы вызвали бы приступ хохота даже у обычно столь серьёзного человека, как Алексий II.

Возьмите, например, диалог между Монком и генералом Валентином Петровским, начальником отдела по борьбе с организованной преступностью московского ГУВД. Разумеется, оба они вымышленные персонажи, но роман-то претендует на реалистичность. В чём и состоит его комизм. Вот Монк объясняет Петровскому, какими закулисными манёврами кандидат в диктаторы Игорь Комаров, сконструированный по образу и подобию Жириновского (смех воображаемой российской публики, отлично знающей, что Владимир Вольфович не только никогда не станет диктатором, но был и остаётся марионеткой в руках нынешнего режима), пытается выиграть выборы. Перед вами их диалог с необходимыми комментариями:

«В тишине Монк прислушался к телевизору за стеной. Показывали «Том и Джерри». (Актуально и сегодня, в 1996 г. Со своей великолепной традицией мультипликации Россия уже тогда, в эпоху Ельцина, смотрела только американские мультфильмы. - Дж. К.) Татьяна, дочь Петровского, громко хохотала. Петровский протянул руку.

- Покажите, - сказал он (речь идёт о Тайном манифесте, диктаторской программе Комарова-Жириновского. - Дж. К.). Прочёл все сорок страниц (сколько же времени надо даже самому быстрому читателю? - Дж.К.) и вернул Монку.

- Чепуха. (В свете содержимого, от пересказа которого я воздержусь, единственно правильная оценка. - Дж. К.)

- Почему?

- Потому что у него ничего не получится. (Неправильно. Настоящий Петровский снова повторил бы «Чепуха», включив в это определение и изумлённое «Почему?» Монка. - Дж. К.)

- Пока что ему всё удавалось. У него есть частная армия Чёрных Гвардейцев, хорошо оплачиваемых и отлично экипированных. У него есть корпус Молодых Бойцов. Долгоруковские крёстные отцы (одна из московских мафий в романе. - Дж. К.) два года назад (то есть в 1997 году. - Дж. К.) заключили с ним договор. У него есть фонд в 250 тысяч долларов, чтобы захватить высшую власть в этой стране» 40.

На этом этапе настоящий Петровский, персонаж, имеющий хоть чуть-чуть общего с реальностью, встал бы и вежливо выпроводил симпатичного американца, предварительно позвонив в ближайшую психиатрическую больницу. Или, если бы принял его всерьёз, смертельно обиделся. Да что же это такое? Начальник отдела по борьбе с организованной преступностью города Москвы не знает о Чёрной Гвардии, о Молодых Бойцах и о союзе долгоруковских с Комаровым без помощи экс-агента ЦРУ? Достаточно побывать в Москве, чтобы увидеть, что город кишит вооружёнными людьми, телохранителями и бойцами частных армий. К тому же кто угодно, за исключением Монка и его создателя Фредерика Форсайта, сообразил бы, что либо генерал Петровский отлично обо всём знал и на 99 процентов сам участвовал в игре, или (что на самом деле одно и то же) его шансы сохранить свой пост равнялись бы одному из тысячи. Если не меньше.

Но пик комизма достигается там, где говорится о цене заговора. Подумайте только: 250 тысяч долларов США на покупку «верховной власти»! В 1996 году прибыль любого регионального директора Пенсионного Фонда далеко перешагнула эту планку. Говорят, что у Форсайта есть десяток референтов, снабжающих его основными элементами для развития сюжета. Неужели никто из них, перечитывая рукопись, не заметил, что в сегодняшней России для власть имущих 250 000 долларов - ничто? Неужели они не знают, что ни один уважающий себя российский бизнесмен даже пальцем не пошевелит за эти деньги?

Тем не менее это возможно. Запад не осознаёт масштабов России. Нелегко объяснить, что Якутия намного больше всей Европы. И что израненная и униженная Россия опасна не только для самой себя. Трудно объяснить, что за один-единственный день (31 декабря 1996 г.) таможенники Владивостока задержали незаконных грузов на 30 миллионов долларов. Учитывая уровень распространения коррупции, это означает, что десятки аналогичных грузов в тот же день беспрепятственно отбыли или прибыли в Россию. А Форсайт пишет, что долгоруковская мафия согласилась поддержать Комарова всего за 250 000 долларов? Даже подготовленной публике страны «Чистых рук» трудно объяснить, что весь «Взяткоград», скандал, обрушивший Первую Республику, уничтоживший Христианско-демократическую и Социалистическую партии и почти всю плеяду итальянских политических организаций, правивших страной пятьдесят лет, тянет всего на три-четыре незаконно ввезённых в Россию груза. Или что «необъяснимые» недостачи на счетах российского министерства финансов (не в бюджете государства, а на текущих счетах этого ведомства) в год господень 1996 превысили два миллиарда долларов, что соответствует стоимости масштабного экономического манёвра итальянского правительства. Как объяснить нормальным людям, что приватизация крупнейшего автозавода ЗИЛ (реальная стоимость, по оценкам мэра Москвы Юрия Лужкова, 4 миллиарда долларов) закончилась тем, что его «подарили» фирме «Микродин» за 4,5 миллиона долларов?41 Кто-нибудь на Западе знает,

что, по слухам, на оплату счетов ельцинской предвыборной кампании были потрачены сотни миллионов долларов? Естественно, у меня нет никаких доказательств. Но некоторые данные были опубликованы в одной российской газете и никто их не опроверг, а Генеральная прокуратура не ощутила необходимости не то чтобы завести уголовное дело, а просто навести справки или же начать преследование «клеветников», распространяющих эту информацию. Молчание - лучший способ похоронить неудобные факты. Именно поэтому я о них пишу: чтобы посмотреть, не решится ли кто-нибудь их опровергнуть.

Но цифры никуда не делись, хотя они уже не первой свежести. «Новая газета» 42 опубликовала данные по почти 170 предвыборным проектам, профинансированным напрямую президентской администрацией. Только 24 проекта потянули на общую сумму 193 миллиона долларов. Официального опровержения не последовало. Поэтому ничто не мешает нам просто так, ради развлечения, попробовать умножить указанную сумму, скажем, на восемь. Получается миллиард 554 миллиона долларов. Неплохие деньги даже по меркам избирательной кампании в США, просто астрономические, фантастические для страны, где минимальная пенсия около 15 долларов (к тому же её ещё и не выплачивают в срок). И наконец, необходимо заметить, что эти деньги были отняты как раз у пенсионеров, не спросив у них даже разрешения. Теперь понятно, почему председатель ЦИКа Николай Рябов, обязанный проконтролировать, чтобы кандидаты не вышли за установленные законом пределы расходов, сразу после выборов был назначен послам Чехии.

Следовало бы добавить, что эти суммы соответствуют большой доле государственного бюджета России. Полтора миллиарда долларов - это около половины годового займа МВФ в 1996 году. Почему же эти колоссальные расходы нигде не зафиксированы? Как и кем составляется бюджет? Кто контролирует расходы? Почему зюгановские коммунисты, возглавляющие многочисленные парламентские комитеты и избравшие своего товарища председателем Думы, не забили в колокола? И как объяснить недоумевающему - как мне кажется - стороннему наблюдателю, что КПРФ голосовала за бюджет 1996 и 1997 годов вместе с жириновцами и черномырдинской партией «Наш дом - Россия», оставив выступившее против «Яблоко» Григория Явлинского в одиночестве? Неужели никому опять не придёт в голову, что российские избиратели были три или четыре раза подряд обмануты запугиваниями о коммунистической угрозе? Неужели никто не подозревает, что западных меценатов обвели вокруг пальца теми же криками «Волки! Волки!»? И что, следовательно, мы всё сделали ставку на воровской режим, неспособный ничего реформировать, умеющий только грабить и не имеющий ни малейшего намерения - и умения - построить демократическое правовое государство?

Кто объяснит все эти мелочи Фредерику Форсайту до того, как он

напишет новый роман о России? И кто расскажет об этом Уильяму Клинтону, благополучно переизбранному на пост президента США в тот же день, когда Борис Ельцин был прооперирован на сердце?

Глава 12. Трубадуры - доморощенные и зарубежные

Через каких-нибудь три года американцы смогут ездить в Сочи и в Самару так же просто, как в Чикаго или Кливленд... Приехав сюда, в Москву, они получат возможность останавливаться в отелях с отличным обслуживанием, есть в «Макдональдсах», больше того - брать напрокат американские автомобили и звонить по телефону домой, не испытывая обычных затруднений... Если бы три года тому назад я представлял себе Москву такой, какая она сегодня, - эти сотовые телефоны, новые автомобили западных марок и десятки ресторанов и клубов с умеренными ценами... Если бы я предположил, что за три года большинство крупнейших предприятий США в Москве будут ежегодно удваивать объём торговли с Москвой и свои прибыли и что дела с Россией будут вести более 700 американских фирм, имеющих свои представительства по всей стране - от Петербурга до Хабаровска, меня бы в глаза вежливо назвали мечтателем, а за спиной - просто сумасшедшим» 43. Эти пророческие и восторженные слова принадлежат бывшему американскому послу в Москве Томасу Пикерингу, а произнёс он их накануне своего окончательного отъезда из России.

Перед нами одна из наиболее типичных хвалебных од, какие нам доводилось слышать в последние годы. А резюмировать их можно, пожалуй, так: Россия хороша (и будет оставаться таковой) в той мере, в какой она похожа (и будет похожа впредь) на Америку. Пусть американские бизнесмены, приезжая сюда за барышами, которые из года в год удваиваются, чувствуют себя здесь как дома. Или просто даже дома, без «как»... Дело тут не столько или не только в изяществе стиля, не в обязательной вежливости, вынуждающей бедного дипломата кривить душой в интересах своего государства или своей команды. Нет, здесь чувствуется энтузиазм или, выражаясь сдержаннее, удовлетворение человека, убедившегося, наконец, что все безделушки в столовой стоят на буфете на своих местах. «Энтузиазм души, - как сказал бы Иосиф Бродский, - пребывающей в «летаргическом сне», ибо только в таком состоянии можно думать, будто Америка, страна, никогда не знавшая ничьего господства, может служить образцом для другой страны, феодалы которой не один век целовали туфлю ханов, а цари неизменно были автократами». Хотя, - замечу сразу, - я вовсе не уверен, что в конце XX века «проходимость» демократии, скажем, у жителей Арканзаса или Миннесоты выше, чем у населения Башкирии или Алтая.

«Человека, - сказал ещё Бродский, - должно утешать хотя бы понимание, жертвой чего он является, когда ему приходится иметь дело с

такой страной, как Россия» 44.

Рассуждения Бродского подходят и к социологии, и к экономике, и к политике. Только вряд ли Пикеринги разных широт могут достичь такой глубины мысли. От них ускользают - скажем прямо, непростые - замечания автора «Первого философического письма» Петра Чаадаева, писавшего: «Народы - существа нравственные, точно так, как и отдельные личности. Их воспитывают века, как людей - годы». В конце этого письма он задаётся вопросом, «не нелепость ли господствующее у нас предположение, будто этот прогресс народов Европы… мы можем себе сразу усвоить, да ещё не дав себе ясного отчёта в том, как он совершился» 45.

Пожалуй, поразительно, что представления о быстром, лёгком прогрессе стали главной отличительной чертой русской радикал-либеральной интеллигенции спустя полтора века после инвективы Петра Чаадаева. Они что, не читали «письма»? Да нет же, читали! Все читали, но не хотели задуматься, поразмыслить над ним из-за свойственной им обломовской лени и высоко-думных, «гениальных» идей, в атмосфере которых они варились. Где-то там, далеко, было нечто, именовавшееся «цивилизацией». И её хотели добиться любой ценой, пусть даже ценой жизни последнего русского человека, пока вообще ещё есть жизнь на Земле. Скорее, скорее, нельзя терять времени! Двойная, тройная ошибка. Потому что «спешить» было нельзя. Большевики уже попробовали добиться рождения ребёнка за три месяца, и дело кончилось плохо. И если сидели интеллигенты в своих, как писал Бродский, «кухнях с облупившимися стенами, со стаканом в руке и иронической гримасой на лице»46, то ещё и потому, что большевики потерпели поражение, а не победили. Много раньше это пробовал сделать и Пётр Первый, И тоже потерпел поражение.

Но ещё большей ошибкой, и Бродский разглядел её ещё до падения советского коммунизма, - было то, что если чужую «цивилизацию» скопировать с абсолютной точностью совершенно невозможно, то уж совсем ни к чему подражать ей в момент, когда она сама начала «задумываться» над своими проблемами и своей ограниченностью. Неужели вся проблема состояла в том, чтобы лучше приодеться? Или есть гамбургеры из «Макдональдса»? Не думаю, что именно этого хотели «шестидесятники», которые мечтали об «оттепели» и по-своему достойно сражались за неё. В действительности они знали, что Запад задумывается над своими проблемами и своей ограниченностью, но представляли себе это смутно. Да, они путешествовали, но смотрели на все разворачивавшиеся перед ними чудеса с открытым ртом и с сердцем, сжимающимся от обиды, что им такое недоступно; ведь они пребывали в глубокой уверенности, что их, заслуживающих всё это, несправедливо обошли. Они не могли смотреть на реальность критически, так как для того, чтобы критиковать, надо быть свободным, а как можно быть свободным, если история обрекла тебя на изоляцию?

Здесь любопытнее всего не столько их простительная наивность (и их непростительное высокомерие), сколько тот факт, что нынешние представители «цивилизации», бывшей миражем для русских, говорили главным образом о ресторанах, словно основные ценности Запада, который они имеют честь представлять, это какие-то подливки, спагетти и суфле с сыром. Не только Пикеринг ставит «Макдональдсы» на одно из первых мест в списке показателей благополучия. Взять хотя бы такой заголовок в американской газете:

«Несмотря на угрозы, похоже, что демократия стала выше Ельцина. Да, в стране есть рестораны» 47. Читателя наводят на мысль, будто величие демократии придают рестораны. Такая настойчивость не может не породить некоторых сомнений. А что, если это действительно так? Подобных перлов столько, что хоть на нитку их нанизывай. Появляется искушение собрать их на вечную память, чтобы они не исчезли в великой и всё поглощающей пучине забвения.

После сокрушительного краха СССР и советского коммунизма многие занялись цитированием злополучных западных интеллектуалов, осмелившихся когда-то хорошо отзываться и о том, и о другом. Поминают и Ромэна Роллана, и Бернарда Шоу, и Жан-Поля Сартра, и Пабло Неруду. Естественно - с намерением их посрамить. Так зачем же нам ждать целых полвека? Давайте сразу составим скромненькую антологию тех, кто превозносил дела и преступления первого российского посткоммунистического режима. Многие их них - как и должно быть - не оставят в истории следов, достойных внимания, но не исключено, что кто-то всё же выделится на общем фоне. Впрочем, что они собой представляют, видно сразу. Возможно, потом будет занятно покопаться и посмотреть, что тот или иной говорил и писал в наши дни. И не только о том, кто с кем спал, как кого-то отлучали от кормушки и к каким нехорошим последствиям это привело, скуп ли он был или расточителен и так далее, чему сейчас с особым удовольствием отводят свои культурные полосы итальянские газеты. Таким образом мы окажем услугу тем нашим потомкам, которые, следуя нынешней моде, но уже с помощью «Интернета», станут выискивать блох в прошлом «героев», сделавших блестящую карьеру.

Вот как, например, обрисовал Анатолия Чубайса на страницах «Нью-Йорк таймс» Майкл Гордон48. То были дни, когда и российская оппозиционная печать, и крупные газеты, близкие к власти, в очередной раз писали о скандале с выносом 538.000 долларов из Белого Дома приближёнными Чубайса. Гордон, похоже, проигнорировал сей факт или решил, что всё это - сплетни. А возможно, он и проверил источники, но, не найдя необходимых подтверждений, решил промолчать. Отличный пример англосаксонской профессиональной принципиальности. Жаль, что в российских газетах были уже опубликованы и протоколы допросов «похитителей», и их признания, и даже фотоснимки картонной коробки с долларами. Как бы там ни было, а Гордон начинает свою статью так: «В

недрах Кремля Анатолий Чубайс организует заговор с целью осуществления следующего этапа русской демократической революции». Стоп. Остановимся на этом, потому что уже здесь достаточно материала для целого очерка. Добавим только заголовок и подзаголовок, которыми «Интернэшнл геральд трибюн» при перепечатке снабжает его статью. Итак, заголовок: «Чубайс. Прокапиталистический заговорщик в русской революции». Подзаголовок: «Экономист-реформатор старается навести порядок от имени Ельцина» 49.

Не правда ли, всё вместе выглядит положительно? Да, Чубайс «заговорщик», но он всё-таки «прокапиталист», следовательно, заслуживает снисхождения. К тому же присутствует и романтическая нотка - «русская революция», - придающая истории этакий экзотический налёт. Но со следующей строчки всё приобретает уже серьёзный характер. Чубайс решительно становится «экономистом-реформатором», который к тому же пытается «навести порядок от имени» выдающегося реформатора. Чего ещё желать? Уже всё сказано. К тому же читателю настойчиво предлагают обратить внимание на два концептуальных «наложения»: реформа и революция становятся синонимами, а революция означает «наведение порядка». Майкл Гордон и авторы заголовков в «Интернэшнл геральд трибюн» заслуживают благодарности за то, с какой ловкостью они синтезировали в нескольких строчках все образчики восхваления американцами преобразований, происходящих в России за последние годы.

Здесь каждая строка источает идеологию, каждое слово звучит как глубокое суждение, каждая буква говорит о манипуляции понятиями. Пусть манипуляция здесь не открытая, но от этого ещё более коварная, ибо прикрывается флёром беспристрастности.

А дальше в статье - бедняга Гордон тоже своего рода образчик, поскольку его методология весьма типична для американских и английских газет, - каждая фраза звучит так, что её можно приписать не самому автору, а кому угодно, настолько расхожий характер она носит. И это, заметим, сочетается у него со страстью вытягивать суждения из первого встречного, которому он, как правило, приписывает чудесную способность резюмировать невероятно сложные вопросы в нескольких фразах, произнесённых на каком-нибудь перекрёстке после серьёзной катастрофы и возможно даже в состоянии шока. Делается это то ли для того, чтобы статья больше походила на живой репортаж, то ли из желания продемонстрировать подлинность высказывания. Информационная нагрузка здесь конечно же равна нулю. В довершение всего высказывания опрошенных совпадают с мнением журналиста и опираются на авторитет случайно встреченных «великих неизвестных»: о них мы ничего не знаем, и никаких новых данных они не добавляют. Обратите внимание, как он мельком упоминает о том, что «при всём уважении, которым мистер Чубайс пользуется в экономических кругах, он остаётся одной из не очень популярных фигур у российской публики,

которая нередко отождествляет движение к капитализму с экономическими трудностями и фаворитизмом по отношению к новой российской элите».

Оцените, пожалуйста, блестящий образчик того, что французы, имея в виду советскую лексику, называют «langue de bois», то есть деревянным языком. Прекрасно видно, с каким трудом Майкл Гордон им ворочает. Свою мысль он не раскрывает. Так есть у россиян основания ненавидеть Чубайса или нет? Воздержимся от выводов по крайней мере до тех пор, пока не встретим на улице трёх Ивановых и одного Сидорова, которые смогут нам это объяснить. Впрочем, Гордон ни за что не употребил бы слово «ненавидеть». Он даже не называет Чубайса «одной из самых непопулярных фигур». Нет, он выражается деликатнее: «одна из не очень популярных фигур». Его лексикон весь уснащён смягчающими формулировками. Взять, например, его термин «экономические трудности». Упаси Бог назвать это экономическим кризисом, - откуда ему взяться? Народ неизвестно почему «нередко отождествляет» их с движением к капитализму. Наверное, он ошибается. Всеобщее бесстыдное разграбление общественной собственности через приватизацию «по Чубайсу» превращается в «фаворитизм по отношению к новой российской элите». А одной вещи Гордон вовсе не касается: чем объяснить, что Ельцин сделал главой своей администрации «одну из не очень популярных фигур» в стране?

Но хватит о Майкле Гордоне. В сущности, он даже не хуже других. Возьмём, например, уже упоминавшегося здесь Андерса Ослунда, своего рода международного фигляра, которого особенно часто цитируют средства массовой информации. Посмотрим, какую информацию давал публике этот эксперт в апреле 1995 года 50. Основная его мысль: «В России во всех областях начинает складываться нормальная обстановка». Он конечно допускает, что «общественность, к сожалению, недостаточно это осознаёт». (Ну что ты поделаешь, не осознаёт и всё!) «Людям трудно приспосабливаться к резким переменам». Какой пустяк! Известно же, что экономическая наука такая неточная. К сожалению, встречаются люди (в демократических странах именуемые избирателями), которые вечно выпадают из схем. Ослунд считает, что переход к рынку надо осуществлять наперекор им. Даже если ради этого придётся признать и, возможно даже, приветствовать установление авторитарного режима.

Ослунд - человек воспитанный, он никогда не стал бы прибегать к слишком резким выражениям. Но мне вспоминается один разговор, состоявшийся в моём доме летом 1992 года: в нём идеи Ослунда и то, что он подразумевает, были выражены очень ясно и откровенно. У меня за столом сидела чета молодых русских друзей. Он - главный редактор одного радикал-демократического еженедельника, она только что была принята на работу в новый банк, которые тогда множились, как грибы после дождя. Бешеным темпом шла либерализация цен, с каждой неделей сбережения населения таяли. Я рассказал об одном случае,

свидетелем которого незадолго до того оказался сам: старушка пенсионерка не могла купить литр молока, так как из-за последнего увеличения (не пенсии, а цены на молоко) у неё не было на это денег.

Не успел я закончить свой рассказ, как раздалась раздражённая реплика гостьи: «Мы не можем жалеть этих людей, - воскликнула она, - если хотим, наконец, иметь в России рынок. Они никогда к нему не приспособятся. Надо отдавать себе отчёт в том, что вымрут по крайней мере тридцать миллионов человек, и ничего с этим поделать нельзя. Или так, или мы по-прежнему будем далеки от цивилизации!» И тут разгорячённая дама стала рассказывать мне, что теперь, наконец, она получила возможность ездить в Париж, присутствовать на демонстрациях мод, делать покупки в Лондоне и Риме, отдыхать у моря в Марбелле. Могу ли я требовать, чтобы она от всего этого отказалась? И ради чего? Ради какого-то литра молока для старухи, которой всё равно суждено быть проглоченной историей, рынком?

Признаюсь, у меня просто челюсть отвисла. Меня словно носом ткнули в классический пассаж о первичном накоплении в экономике капитализма, сделали свидетелем того, о чём говорится у Рикардо и Маркса. Помню, я попытался ей возразить: «Но, дорогая, может вы объясните мне тогда разницу между вашим образом мышления и образом мышления Сталина? Ведь он тоже, вероятно, считал, что смерть тридцати миллионов человек необходима для построения коммунизма. Вы полагаете, что столько же народу должно погибнуть во имя построения рынка?» На этой моей реплике наша дружба кончилась и обед застрял в горле не только у меня, но, думается, и у моих гостей, которые, разъезжая по Парижам, и поныне продолжают считать себя очень демократичными.

Но вернёмся к Ослунду. Он предсказывал 20-30-процентную инфляцию к концу 1995 года и ошибся на 100%, даже если исходить из официальных данных российского правительства. И что это, чёрт побери, за эксперт-экономист, допускающий такие ошибки? Манипулировать надо осторожно! Подойдём к нему с другой стороны. Он писал, например, что «разрыв между доходами конечно резко увеличился, но по мнению Ричарда Лэйера из Лондонской Экономической школы, он не достиг «американских параметров». Вот ещё один пример того, как двое слепых, взявшись за руки, пытаются перейти дорогу. В такого рода анализах поражает цинизм, с которым делаются аналогии с другими ситуациями и другими странами, не имеющими ничего общего со страной, о которой идёт речь. Ведь «американские параметры» были достигнуты за два века истории и рынка при совершенно ином и складывавшемся постепенно общественном устройстве и в ином психологическом и организационном контексте. В России разрыв между доходами за шесть лет увеличился с 1 к 2 до 1 к 17. И это в стране, где люди за несколько поколений (98% населения) привыкли к условиям неукоснительной уравниловки.

Если кого-то интересует, какова была ситуация в конце января 1997

года, вот она в «разрезе»: 11% россиян живут в условиях «крайней бедности» при среднем доходе ниже 219 000 рублей (примерно 39 долларов в месяц). В абсолютных цифрах это 16 миллионов человек. Данные собраны профессором Вячеславом Бобковым из Центра исследований уровня жизни населения. Идём дальше. Ещё 25% населения перебиваются на сумму около 320 000 рублей в месяц (57 долларов). Это «бедняки» и исчисляются они 37 миллионами. Ровно половина населения, то есть 74 миллиона человек, живут на месячные доходы от 57 до 114 долларов. Подведём первые итоги. 127 миллионов россиян получают меньше 114 долларов в месяц в стране, где цены достигли мирового уровня, а в таких больших городах, как Москва и Санкт-Петербург, даже превзошли его. «Средним классом» Бобков именует те 6 процентов россиян, которые, как он считает, живут в достатке и имеют доход от 114 до 339 долларов в месяц. И, наконец, идут «богатые», те, чей доход превышает 339 долларов или примерно 2 миллиона рублей в месяц. Эти последние составляют 8 процентов от общего числа 51. Всё это очень похоже на «занимательную статистику». Ибо ясно же, что 339 долларов в месяц - то есть примерно полтора миллиона итальянских лир - не сделают никого богатым даже в Москве. Хотелось бы узнать побольше об этих самых 8%, то есть об 11 миллионах «богатых». На деле же, по другим оценкам, действительно богатых едва наберётся один миллион человек, и тут уж речь идёт о головокружительных суммах, настоящих богатствах. Принимает ли Ослунд в расчёт те губительные последствия, к которым может привести российское население такой всё увеличивающийся разрыв? Не приходило ли ему в голову, что это одна из причин, в силу которой «людям трудно приспосабливаться к столь быстрым переменам»?

Тест негативный, энцефалограмма без зубцов. А он продолжает свои аналогии. «Кто-то недоволен экспортом природных ресурсов. Но почему бы стране, столь богатой ресурсами, не экспортировать их? Делают же это Австралия и Канада». Но ведь делают они это - хочется ему ответить, даже сознавая всю тщетность своего желания, - потому, что в Австралии и Канаде уже давным-давно существует рыночная экономика, потому что их история не имеет даже отдалённого сходства с историей России, и ещё потому, кстати, что они экспортируют не только сырьё и энергоносители. Должен обо всём этом помнить профессиональный экономист? Нужно ли ему напоминать, что 12 миллиардов долларов торговой сверхприбыли России на 80% образуются за счёт экспорта газа, нефти и сырья? 52 И что значительная часть этой сверхприбыли осела в западных банках, не принесла никаких налогов, ничем не помогла российской экономике? Неужели что-нибудь подобное мыслимо в Канаде и Австралии?

Нормально ли такое развитие по капиталистическому типу, если в результате из страны утекло около 200 миллиардов долларов (по оценке таких авторитетных экономистов-реформаторов, как Николай Шмелёв и Леонид Абалкин)? Ослунд писал, что утечка капиталов сократилась (по его непонятно откуда взявшимся данным) «до 5 миллиардов долларов». Ослунд, кстати, не указывает, за какой период, а я помню, как Российский

Центральный Банк сообщал, что только в период 1993-1994 годов из России нелегально утекали один-два миллиарда долларов в месяц 53. Всего, значит, от 24 до 48 миллиардов долларов, не так ли, профессор Ослунд? А что касается «обратного» движения денежных масс, то Ассоциация российских банков (которую конечно же не заподозришь в антирыночных настроениях) оценивала объём западных «грязных» капиталов, ввезённых за эти же два года для «отмывания» в Россию, в 16 миллиардов долларов. Наконец, из того же источника мы узнали, что, по данным представителя Министерства внутренних дел России Владимира Овчинникова (обнародованным в Страсбурге на заседании Совета Европы), «по меньшей мере 400 российских банков контролируются криминальными группами».

Ну как остановить трубадуров? Возьмём к примеру Илью Левина, восхваляющего новый российский правящий класс, который «незаметно для народа» осуществляет «радикальные перемены». Опять двадцать пять! Народ не замечает, так давайте ему объясним. «Ещё каких-нибудь полгода тому назад любая проблема ставилась, как «либо-либо»: либо мы, либо они; либо Ельцин, либо Зюганов; либо реформы, либо гражданская война». А теперь «спорят о бюджете, обсуждают проблему собираемости налогов, политику в области промышленного производства, отношения между центром и периферией. Чем это объяснить? Впервые за тысячу лет реальные власть имущие не назначаются императором или Политбюро, а избираются демократическим путём 54.

Здесь тоже средняя плотность глупости и лжи так высока, что трудно во всём как следует разобраться. «Полгода тому назад». Это значит во время президентской избирательной кампании. Кто подходил к проблеме так, как говорил Левин? Да такие же, как он, кто же ещё? То есть те, кто водил россиян за нос, заставляя верить в ложь. А что это ложь, показывает тот факт, что всего лишь через шесть месяцев Илья Левин сам называет это вздором. Неужели за это время всё радикально изменилось, произошло что-то совершенно потрясающее и стоящие перед страной проблемы чудесным образом были решены? Да ничего подобного! Сразу же после избрания Борис Ельцин ушёл в больницу. Рутина осталась прежней. Кстати, кто это говорил, что России совершенно необходима сильная президентская власть? Разве не такие же интеллектуалы, как Илья Левин, были самыми ярыми поборниками этой идеи? Разве не они были готовы отказаться от плюрализма, от парламентаризма, от всякой сбалансированности властей, потому что в противном случае к власти могли бы прийти коммунисты? Не следовало ли им теперь из вышеизложенных соображений предложить Ельцину отойти в сторону? Но для Левина проблема уже не в Ельцине. Ему уже стало вдруг всё равно - есть президент или нет его. Даже если народ, охваченный восторгом перед «растущим» новым правящим классом, ничего не замечает.

Пойдём дальше и посмотрим, что такое это' его заклинание «впервые за тысячу лет». Впервые за тысячу лет россияне избрали своего

президента и избирают руководителей демократическим путём. А что, в предыдущем тысячелетии у них были президенты? И вообще это неправда. Горбачёв организовал первые сравнительно демократические выборы в России в 1989 году. Левин, как и многие его друзья, забыли об этом. Что касается демократических выборов руководителей, то мне хотелось бы спросить у Левина, кто «демократически избрал» руководителями Совета Безопасности Ивана Рыбкина и Бориса Березовского? Или Анатолия Чубайса - главой президентской администрации, или банкиров, чьи имена открывают рейтинги влияния, публикуемые в «Независимой газете», которые Илья Левин просматривает ежемесячно, с удовлетворением констатируя, что власть наконец перешла в руки тех, у кого есть деньги.

Надо отметить, что такое распределение власти произошло вопреки каким бы то ни было демократическим критериям. Возможно, Левин считает, что так оно и лучше и критерий здесь один: пусть победит достойнейший или более предприимчивый. Прекрасно. Но при чём здесь демократия? Или Илья Левин полагает, что Власть пребывает в другом месте? В Думе, например. По-моему, даже Илья Левин до этого не дойдёт. Он отлично знает, - как заявил об этом в «Файненшл таймс» тот же Борис Березовский, - что власть там, где пребывает «великолепная восьмёрка», о которой мы поговорим в другой главе. И у этой власти нет совершенно ничего общего с демократией. «Такие господа вместе с «партией лакеев» готовили одну из попыток отменить президентские выборы (письмо тринадцати), попыток, которые были разоблачены, - как говорит Левин, не знаю уж на основании какой информации, - благодаря прежде всего Ельцину». В главе о «трубадурах» достойное место следует отвести и итальянскому публицисту Сандро Виоле. Его хвалебные гимны звучат и часто и громко. Процитируем лишь один, наиболее «удавшийся». Он тоже считает, что Россия «с каждым годом всё заметнее приближается к превращению в нормальную страну» с «парламентом, в котором полно национал-коммунистов и который, несмотря на это, не раз - особенно в вопросе о бюджете - демонстрировал свою ответственность. В страну с группой честных и дельных министров, старающихся навести какой-то порядок в государстве и наладить его жизнь; с независимой печатью и с самыми современными и стремящимися организоваться группами общества» с его «40 миллионами держателей акций и облигаций», с «62% продукта, производимого частным сектором», с «русскими, потратившими за последний год за рубежом 6 миллиардов долларов». Как видно, Виола внимательно прочитал Ослунда. Так внимательно, что приводимые им данные, можно сказать, списаны у него. Да и эта удивительная фраза об «ответственности» парламента, в котором полно национал-коммунистов, взята прямёхонько из статьи Ослунда. Надо же, как быстро распространяются идеи!

Но можно ли согласиться с Виолой? Действительно ли коммунисты были угрозой бюджету, или они его спасли? И как они могут угрожать мчащемуся вперёд на раздутых парусах рынку, если голосуют за бюджет?

Одно только Сандро Виола подметил верно: «западные правительства показали, что они всё ещё делают ставку на Бориса Ельцина и что никакая Чечня, никакой алкоголизм, никакое нарушение политического равновесия не могут заставить их сменить лошадь» 55. Вот именно. Действительно никакая мораль, никакие представления о приличиях, никакой реалистический подход не могли убедить их сделать ставку на какую угодно, но только не на хромую лошадь. Они были готовы ударить лицом в грязь перед всем ипподромом, лишь бы привести к победе именно хромую.

Среди местных трубадуров обращает на себя внимание политический обозреватель государственного агентства ИТАР-ТАСС Тамара Замятина, отличающаяся своим умением пользоваться моментом и выбирать, с кем ей быть. Приобретя известность благодаря тому, что Александр Коржаков лишил её пропуска в Кремль, госпожа Замятина перешла в другую команду - ту, что готовилась ликвидировать её прежних друзей, и с этого момента стала стараться всячески ей угодить. Пока, в общем, ничего особенного. Никому не продавшихся профессиональных журналистов в России так мало, что найти их способен разве что Диоген, да и то с прожектором в руках. Но у Тамары есть одна особая черта: мысли у неё чёткие и выражает она их с поразительным бесстыдством. Поэтому её можно взять за некий образец: почитай Замятину и всё поймёшь, не ломая голову. Достаточно сообразить, кому она лижет пятки, чтобы с абсолютной точностью установить, куда дует ветер.

Взять хотя бы строки, написанные ею в мае 1996 года, примерно за месяц до выборов, в самый разгар тактического манёвра, разработанного Чубайсом-Березовским после провала гипотезы компромисса, задуманного Березовским-Подберёзкиным (письмо тринадцати банкиров). Интересно, отдавали ли себе отчёт, сидя в 1120 номере «Президент-отеля», четыре американских «мушкетёра» в том, что пока они изучали результаты исследования «контрольных групп», кто-то другой в соседних номерах готовил такие фейерверки. «Тайм» пишет, что домой «мушкетёры» вернулись, полагая, будто результаты выборов - дело их рук.

Но вернёмся к Тамаре. Ельцин изучает «набор» из трёх кандидатов-некоммунистов, вызывающих у него беспокойство. Чубайс предлагает блестящую идею. Зная, что электорат (по крайней мере две трети его, включая Илью Левина) уже достаточно напуган перспективой победы коммунистов, он решает, что пришло время с обнажённым мечом приступить к шантажу остальных кандидатов. У него один-единственный аргумент: уже одно то, что вы фигурируете в списках кандидатов, ослабляет позиции Ельцина. А поскольку никто из вас победить не может (ещё и потому, что коммунисты настолько глупы, что противопоставили Ельцину самого «коммунистического» из кандидатов), вам остаётся лишь отойти в сторонку и призвать своих избирателей голосовать за Ельцина. Не сделаете этого - на вас ляжет вся ответственность. И не только за

победу коммунистов, но и за кровь, которая неминуемо после этого прольётся.

И Святослав Фёдоров, и Григорий Явлинский, и Александр Лебедь поддались на этот шантаж по многим и разным причинам. Первые два потому, что (при сложившейся ситуации и так как им не удалось договориться между собой) часть их электората тоже придерживалась такой точки зрения. Что касается Явлинского, то такой точки зрения придерживалась не только часть его избирателей, но и значительная часть парламентской фракции «Яблоко». Не учитывать этого значило рисковать расколом партии. А тут ещё эти советники, считавшие, что нужно поддерживать победителя, ибо политикой в России можно заниматься только пребывая во власти. На Лебедя больше всего подействовала угроза возможной гражданской войны. Его электорат был прежде всего национал-патриотическим, а уж потом - антикоммунистическим и анти-ельцинским, то есть настроенным против «демократов». Но вскоре Чубайс сменил тактику по отношению к Лебедю. Он понял, что его не надо просить отступиться, а лучше помочь ему занять хорошее место в первом туре выборов, чтобы отнять голоса у коммунистов. Но об этом я говорю подробно в другом месте.

Вот на фоне таких византийских махинаций и не менее византийских (но конечно же легитимных!) ухищрений, абсолютно циничных расчётов, давления и шантажа и следует рассматривать комментарии Тамары Замятиной. «Во всяком случае две встречи (Ельцина. - Прим. ред.) с Григорием Явлинским выявили моральное превосходство Бориса Ельцина (подчёркнуто мной. - Прим. авт.), которое выражается в том, что лидер «Яблока» главным условием переговоров с президентом выдвигает собственные политические перспективы, а глава государства ставит на первое место интересы победы реформаторов над коммунистами». Бедный Явлинский! С одной стороны, его шантажировали, крича во всех средствах массовой информации, что если он не пойдёт навстречу Ельцину, то руки его будут обагрены кровью. С другой стороны, Тамара Замятина бросила ему в лицо обвинение в личных амбициях, лишь подчёркивающих «моральное превосходство» Ельцина, думающего только о государстве. В действительности Явлинский просто искал какой-нибудь довод, чтобы мотивировать встречу с Ельциным, удовлетворив при этом своих товарищей по партиии хорошо зная (или по крайней мере подозревая), что ему готовят западню. И тогда он выложил на стол переговоров свои условия: гарантия перемены курса и роспуск той самой «партии лакеев», о которой, пусть и не прямо, говорит Илья Левин. Мы уже знаем, что речь шла вовсе не о партии лакеев, а о группе вооружённых и коррумпированных телохранителей, за которую Ельцин в тот момент ещё держался зубами.

Татьяна Замятина зло упорствует на своём, раскрывая, однако, суть всей игры: «В итоге Григорий Явлинский вынужден без конца объясняться и оправдываться за приписываемый ему прессой «политический торг»

ради получения поста главы правительства, тогда как Борис Ельцин не устаёт говорить о пользе встреч с соперниками, из программ которых он готов почерпнуть дельные тезисы для блага экономики и стабильности общества». Ясно, какой тут трюк? Чубайс организует махинации, а сам в то же время информирует газеты о содержании бесед между Ельциным и Явлинским. И именно информация Чубайса, в которую вносит свой вклад Тамара Замятина, попадает в масс-медиа. Достаточно послушать телепередачи Евгения Киселёва (НТВ), Арины Шараповой (ОРТ) и Светланы Сорокиной (РТР). О том, что говорит Явлинский, они умалчивают, оставляя лишь то, что исходит от администрации президента и его избирательного аппарата. В заключение Тамара Замятина выдаёт этакий маленький шедевр подхалимажа, на сей раз адресованный непосредственно новому хозяину: «Так что расхожую формулу «политика - это искусство коалиции» команда Бориса Ельцина отрабатывает мастерски, постоянно подогревая интерес прессы к интриге переговоров между Борисом Ельциным и другими кандидатами в президенты. А поскольку основная борьба на этапе предвыборной агитации разворачивается на информационном поле (подчёркнуто мной. - Прим. авт.), то можно сказать, что избирательный совет Бориса Ельцина возделывает это поле с похвальным знанием агротехники» 56.

Остаётся отметить, как Тамара Замятина и её хозяева истолковывают «блестящую формулу политики, как искусства коалиции». Для них создать коалицию, значит уничтожить возможных союзников, раздавить их, истребить, а потом ещё и осмеять. Явлинский смог на собственной шкуре испытать, что означает эта блестящая формула в интерпретации Ельцина-Чубайса. То же самое мог испытать и Александр Лебедь. А до него, в интерпретации Ельцина-Коржакова, испытали Александр Руцкой и Руслан Хасбулатов. Стоит ли удивляться, что в этом змеином гнезде главная проблема - оберегать себя с тыла? Да и как могут прийти к компромиссу и достижению взаимопонимания с другими возможными и конечно же существующими претендентами на власть люди, оказавшиеся способными на любое предательство?

Возвращаясь к высказыванию Ильи Левина, мне хочется вспомнить слова, услышанные мною от самого Григория Явлинского после первой из его двух встреч с Ельциным. Во время их разговора зазвонил телефон. На другом конце провода был Чубайс. «Интерфакс по ошибке сообщил, что беседа закончена и Чубайс позвонил Ельцину, чтобы узнать, как она прошла. Ельцин, - это рассказал мне сам Явлинский, - приложил со значением палец к губам, включил селектор и продолжал разговаривать с Чубайсом, не предупредив, что его слышит и находящийся в кабинете Явлинский». Таким образом, он стал свидетелем весьма конфиденциального разговора, в ходе которого Чубайс разъяснял Ельцину, какие шаги теперь следовало предпринять. По окончании разговора Ельцин обратился к Явлинскому: «Видите, Григорий Алексеевич, до какой степени мы с вами откровенны? Это показывает, какими будут наши отношения. Между нами полное доверие». По словам

Явлинского, в ту минуту он окончательно понял, что с этим человеком невозможно никакое соглашение. «Я подумал, что в этот момент Ельцин отдаёт мне голову Чубайса так же, как в будущем мою голову отдадут другим. Как-то, в 1991 году, я уже испытал на себе пренебрежительное отношение Ельцина, но не думал, что спустя пять лет он совершенно не изменился».

Вот в такой обстановке зрела «победа» демократии и рыночной экономики. Это была обстановка, в которой (остановлюсь лишь на мелких штрихах, подмеченных мною в тот период) главная газета радикал-демократов «Известия» могла, не краснея, напечатать такой дифирамб: «Кто внимательно следит за выступлениями президента, кто обращает внимание на ритмику его фраз, кто по достоинству оценивает их энергичность, решительность, уверенность... Похоже, что у президента открылось «второе дыхание». Наступающий Ельцин каким-то мистическим образом становится неуязвимым, непобедимым». Вероятно, «второе дыхание» оказалось настолько глубоким, что сразу же вызвало у него двухстороннее воспаление лёгких.

А что сказать о депутате Думы госпоже Хакамаде - той самой, которую Александр Янов в приводившейся ранее статье причислил к лучшим представителям российской демократической интеллигенции? Это она с трибуны «Театра мимики и жеста» прокричала: «Мы не имеем права голосовать, исходя из принципа «мне нравится» или «мне не нравится». И если мы станем тратить время на все эти демократические процедуры и отдадим свой голос кандидату, который нравится нам, то потом осознаем, что совершили ошибку, которая может привести к невероятным результатам». Лучше зажать нос. Мы это уже слышали в Италии из уст, если не ошибаюсь, известнейшего публициста Индро Монтанелли, призвавшего голосовать за Христианскую Демократию. Кто не знает, чем это кончилось?

Из-за рубежа все лили воду на ту же мельницу. Если «Тайм» назвал Ельцина «мистером Вондерфулом» (мистером Чудо), то почему бы не поверить Маргарет Тэтчер, назвавшей его «замечательным президентом», который сумел проникнуть в суть некоторых важных проблем значительно глубже, чем Горбачёв? Суждение это ИТАР-ТАСС - совсем как в советские времена - распространило немедленно, чтобы его могли подхватить все газеты 57. Не можем мы оставить без внимания и обширный круг наблюдателей, прибывших в Москву с целью убедиться, что выборы прошли без нарушений и свободно, как и подобало столь историческому событию. Начнём с Элен Каррер д'Анкосс, объяснявшей накануне выборов, что «российским гражданам предстоит избрать не только главу своего государства, но и свою политическую систему». Именно так: «свою политическую систему». Госпожа д'Анкосс всё ещё тешилась привалившей ей удачей. Она написала книгу «Взрыв империи», в которой предсказывала конец Советского Союза. Причины, в силу которых СССР, по мнению Элен, должен был взорваться, оказались

совершенно не теми: СССР взлетел на воздух совсем не из-за того, о чём писала мадам. Но поскольку книг никто не читает, одного заголовка оказалось достаточно, чтобы она приобрела славу опытного советолога. Вероятно навсегда.

Элен уехала из Москвы, пребывая в уверенности, что всё сделано, как полагается, и что русские её услышали. Совсем, как Констанс Крель, возглавлявшая делегацию наблюдателей от Европарламента. Эта последняя выразила - опять-таки ещё до голосования - надежду европейских депутатов, что «нынешние президентские выборы» будут «организованы так же хорошо, как и декабрьские выборы прошлого года». Какой приятный озноб вызвали эти слова у будущего посла Николая Рябова. Но госпожа Крель не ограничилась выражением надежд. Она, блаженная простота, ещё испытывала уверенность: «Я и мои коллеги из разных европейских стран уверены, что эти выборы не могут быть сфальсифицированы и что их результаты будут честными» 58. Если бы законное подозрение «о влиянии на решение суда» распространялось не только на «судей», но и на наблюдателей, всю эту группу следовало сразу же отправить по домам ещё до голосования.

Глава 13. Шок, но, пожалуйста, без терапии

И вот, наконец, мы приближаемся к кульминации спектакля, к подведению итогов так называемой реформы, во имя которой была разыграна непристойная комедия, о которой мы поведали, и во имя которой Запад закрыл глаза на всё остальное. Для начала возьмём в качестве точки отсчёта какие-нибудь объективные данные и опишем ситуацию на конец 1996 года. С долей иронии можно было бы сказать, что мы рассматриваем положение дел в конце Первого Пятилетнего Плана по Построению Капитализма в России. Но прежде необходимо уточнить, что мы будем исходить из официальной статистики, хотя и знаем, что многое, слишком многое в ней подлежит сомнению.

Начнём с «позитивных» показателей. В 1996 году (данные на конец ноября) инфляция снизилась до 20,1% в год. Это - абсолютный минимум последнего пятилетия. Отличный результат, если бы не то обстоятельство, что снижение наблюдалось с января по август, а затем рост возобновился, достигнув 1,9% в ноябре и 2,3% в январе 1997 года. Причина проста и легко объяснима: во втором полугодии экономика расплачивалась за безумства первого, продиктованные необходимостью победы Ельцина. В какой ещё стране цена победы действующего президента столь велика, что ставит под угрозу всю макроэкономическую ситуацию?

Но давайте продолжим. Дела обстоят настолько неустойчиво, что нет никакой уверенности в том, что инфляция побеждена. Если снова начать выплачивать зарплаты и пенсии, она опять вырвется за приемлемый для инвестиционной политики уровень. И все это знают.

Другой «позитивный» показатель (второй из трёх) - продолжающийся рост активного сальдо торгового баланса: 22,2 миллиарда долларов за 11 месяцев 1996 года против 18,9 миллиарда соответствующего отрезка 1995 года Присмотримся повнимательнее к этим цифрам, и мы обнаружим, что структура этого процветающего экспорта за последние пять лет не претерпела никаких изменений. В ней по-прежнему преобладает вывоз сырья, прежде всего энергетических ресурсов. Их доля даже выросла. Нефть и газ составляли в 1996 году 46% от общего объёма экспорта. Остальное сырьё составило 15%. Иными словами, активное сальдо России на 60% зависит от природных ресурсов. Экспорт технологий и оборудования упал до 9,4%. Россия превратилась в бензозаправку для остального мира.

Третий и последний «позитивный» показатель - снижение на 12% (с ноября 1995 г. по ноябрь 1996 г.) доли населения, чьи доходы находятся ниже уровня прожиточного минимума. Но через пять лет после начала шока она всё ещё составляет армию в 32 миллиона человек - 22% всех граждан страны. И эта цифра в любом случае выше аналогичного показателя на начало 1994 года. То есть в последние два года в этой области наблюдался откат назад. А в 1996 году доходы населения снизились ещё на 2% относительно предыдущих двух лет.

Покончим с положительными данными (позитив, впрочем, весьма относительный, поскольку все эти показатели говорят о сохранении или даже обострении серьёзных перекосов, чреватых нежелательными последствиями в долгосрочном плане). Перейдём теперь к отрицательным показателям. Возьмём, к примеру, спад промышленного производства. В 1995 году президент, правительство и печать фанфарным громом приветствовали остановку спада промышленного производства и обещали перелом тенденции в 1996 году. На самом же деле крах производства, уже близкого к стадии полного паралича, временно замедлил скорость падения. Но экономика этих новых капиталистов не перестаёт преподносить сюрпризы. В 1996 году российское промышленное производство вновь начало снижаться с ещё большей скоростью. В количественном выражении это выглядит так: 5-6% спада по сравнению с 3% 1995 года. Если взглянуть на сельскохозяйственное производство, то картина ещё более удручающая: минус 7%. Пара примеров: в 1996 году Россия произвела сахарной свёклы вполовину меньше, чем в 1990 году, зерна - на 33% меньше, семян подсолнечника - на 25%.

Среди самых тревожных показателей продолжение - точнее, обострение - инвестиционной ситуации: минус 18% (в 1995 году снижение составило 13%). Серьёзно, тем более что это влечёт за собой накапливание отставания всей экономики, отодвигающей надежды на рост во всё более неопределённое будущее. В бюджете на 1996 год правительство предусмотрело целых 415 инвестиционных программ промышленного и социального направления. На первое декабря того же года только 15 из этих проектов находились в начальной стадии.

Остальные 400 - на бумаге.

Иными словами, все показатели, с какой стороны на них ни посмотреть, показывают заметное и серьёзное ухудшение. Из чего следует, что мы имеем дело не с конъюнктурными, а со структурными деформациями. Это не последние метры перед концом туннеля, в действительности непроглядной тьме не видно конца. После пяти лет «реформы» 43% российских предприятий - государственных, частных и совместных - работает в убыток. И эта тенденция обостряется: в промышленности число предприятий, перешедших красную черту, составляет 42% (26% в 1995 г.), в транспортной отрасли - 59% (36% в 1995 г.), в строительном секторе 37% (21% в 1995 г.). Россия на полном ходу движется назад. И не думайте, что частный сектор процветает и убыточные предприятия целиком относятся к государственному сектору или акционированным заводам, где контрольный пакет находится в руках государства. Ничего подобного. Скорее наоборот - на негосударственных предприятиях дела идут ещё хуже: 44% убыточных против 37% государственных 59.

Некоторые экономические газеты кричали о тройном росте (за те же первые девять месяцев 1996 г.) иностранных инвестиций, достигших по большому счёту скромной суммы 4,5 миллиарда долларов. Но энтузиазм спал, когда выяснилось, что портфельные инвестиции в целом не дотягивали и до 31 миллиона долларов и лишь неполная третья часть этих грошей пошла в промышленность. Более 2,5 миллиарда были попросту иностранными кредитами, которые ещё предстоит возвращать с процентами. А остальные иностранные деньги влились в гораздо более привлекательную область краткосрочных государственных облигаций, финансовые спекуляции и ничего больше.

Из этих голых и достаточно жестоких цифр становится окончательно ясно, что «настоящие» капиталисты не вкладывают в Россию, поскольку не доверяют ей. Ультракапиталистическая Россия Бориса Ельцина привлекает их гораздо меньше, чем коммунистический Китай, где объём иностранных инвестиций достиг 40 миллиардов долларов в год. Россия притягивает меньше, чем Польша Квасьневского, чем Венгрия и Чехия. Самый точный диагноз ситуации был поставлен человеком, хорошо разбирающимся в спекуляциях и обычно охотно идущим на риск, - Джорджем Соросом. В одном интервью его спросили, использовал ли он в России свой огромный опыт работы на рынке. Американский миллиардер ответил: «Я не работаю в России, потому что это мне кажется слишком опасным». Он занимается благотворительностью, но никакого бизнеса. И, смотрите какое совпадение, Сорос не согласен с Сандро Виола, хотя тот считает, что мыслит в унисон не только со всеми капиталистами без исключения, но и вообще выражает настроения всего Запада. «Положение очень опасное, - продолжает Сорос, - ваше правительство ищет кредиты под очень высокие проценты… Российская экономика удерживается на плаву только благодаря использованию природных ресурсов. Но столь

значительная роль сырьевых отраслей породила влиятельные корпоративные группы со своими интересами. Если сегодня эти группы не намерены, как мне кажется, помогать бюджету страны, то даже просто сохранить существующую ситуацию будет непросто». А она, как мы уже знаем, и без того «опасная».

Но тут наступает самый неожиданный, чудесный момент: капиталист Джордж Сорос, воплощение западной кальвинистской морали, сосуд всех пороков спекулятивно-потребительского западного материализма, рассуждает почти так же, как и тот непорочный защитник русской души, постоянно насилуемой своей историей, своими правителями, самой собой, которого зовут Александр Солженицын. «Нынешняя система, которую я назвал бы хищническим капитализмом, - заключает Сорос, - рождает раздражение у населения и формирует питательный слой, из которого может вырасти мессия, харизматический лидер, который, обещая спасти нацию, приведёт её к тоталитаризму» 60.

Дело в том, что, несмотря на питательные инъекции МВФ, продолжающего накачивать миллиарды долларов в российские сейфы (я совершенно не убеждён, что эти деньги целиком попали в казну), этим людям никто не доверяет. Я имею в виду правящую олигархию. И речь не только об иностранных инвесторах, но и о российских подданных царя-разрушителя. Само население не верит своему правительству и президенту, хотя и только что переизбрало его (разве это не является ещё одним доказательством, что с результатами голосований июня-июля 1996 года не всё так просто?). Всего одна цифра свидетельствует об этом лучше любых социологических опросов: за одиннадцать месяцев 1996 года население потратило 22 триллиона рублей на покупку долларов. Это приблизительно 18% денежных доходов российских семей, около 40 миллиардов долларов.

Нам не дано знать, в самом ли деле все эти доллары были приобретены людьми в плоти и крови, а не теми призраками, что населяют российскую статистику, заслоняя колоссальные состояния нуворишей. Тем более что доходы населения упали, как и уровень жизни, и непонятно, как людям удалось что-то накопить. Но мне кажется, можно утверждать, что по меньшей мере половина этих 40 миллиардов долларов состоит из сбережений, которые население поспешило поменять на доллары, продолжая не доверять рублю даже после снижения инфляции.

Только слабоумный мог бы сделать из всех этих данных вывод, что в начале 1997 года. Россия приблизилась к экономической стабильности. И только полный болван мог бы поверить в начале 1996 года дерзким пророчествам о наступлении перелома, произнесённым с торжествующим видом Александром Лившицем, в то время экономическим советником президента. Ни одно из них не подтвердилось, что не помешало Лившицу занять после выборов пост министра финансов. Неизвестно почему, но там, наверху, в Кремле, все были настроены очень оптимистично. Им казалось, что все проблемы исчезнут сами собой с переизбранием Бориса

Ельцина. А там польются потоком миллиарды долларов западных инвесторов. Они прямо так и говорили: Лившиц, Гайдар, Чубайс. К тому же - как писали экономические обозреватели «Коммерсанта», «Сегодня» и «Известий» - российские миллиардеры тоже убедились бы, что их состояниям больше ничего не угрожает, и вернули бы на родину (не совсем правильный термин для таких подлинно убеждённых интернационалистов) ещё десятки миллиардов зелёного цвета. Ожидалось возвращение по меньшей мере 50 из более 200 миллиардов, уже утёкших за границу. А по сравнению с ними «нефтедоллары» показались бы детской игрушкой.

Но даже переизбрания Ельцина оказалось недостаточно. Наоборот, с августа 1996 года дела начинают идти всё хуже и хуже. Неумеренные и нереальные предвыборные обещания, разбрасывание денег направо и налево, воровство чиновников, организационный и моральный коллапс всех государственных структур, плюс мафия и рэкет - всё это начинает давать о себе знать одновременно. Помойка, в которую превратилась Россия, становится всё менее подходящим местом даже для многих из тех, кто проголосовали, заткнув себе нос обеими руками. Здесь мне вспоминается одна социальная реклама на итальянском телевидении, где говорится, что те, кто загрязняет реки, тоже рано или поздно пьют воду.

Ко всем этим радостям добавились расходы на чеченскую войну. Лишь немногие знают их подлинный масштаб и никто, наверное, не знает точных цифр. Лучше других имеют о них представление московские дельцы, заработавшие на войне миллиарды, и, разумеется, банки, через которые проходили триллионы рублей, выделенных на реконструкцию республики. Но после того, как два года подряд ни проект бюджета, ни окончательный его вариант просто не предусматривали трат порядка 5-6 миллиардов долларов в год - что означает, что власть может скрыть от общества расходы на частную войну, объявленную и проведённую в нарушение всех законов, - естественно, что вся вертикаль государственной бюрократии на всех уровнях последует примеру верхов во всех своих делах, маленьких и больших. Тут не приходится ожидать ничего иного. Во-первых, всем игрокам гарантирована безнаказанность. Ведь «само государство как организация общественной власти, корпорация профессиональных руководителей и механизм, призванный обеспечивать общественный порядок, стало источником нарушения законов, ограничения личных и гражданских прав и свобод во многих областях и гнездом криминальных акций и самих их авторов» 61.

Очевидно, что мы имеем дело с закоренелым пессимистом. Ослунд обозвал бы его коммунистом, Мак Фоул вызвал бы полицию. Чтобы избежать ареста, остаётся призвать на помощь Ирину Ясину, экономическую обозревательницу революционно настроенного органа под названием «Москоу таймс», написавшую следующие милые строки: «Ни для кого из тех, кто вблизи наблюдает ход российской экономической реформы, не секрет, что до сих пор единственные сдвиги происходили в

денежно-кредитной области. Когда мы переходим к структурной политике, то России нечем похвастаться. Производство мало изменилось с социалистических времён, а если быть откровенными, то не изменилось вовсе. Предприятия с высокими объёмами экспорта, гордость страны в начале индустриальной эпохи, остались такими же. ВПК всё ещё камнем висит на шее экономики. Но, самое главное, так и не начал действовать естественный отбор» 62.

Вот более или менее полная картина ситуации, хотя, конечно, можно было бы добавить ещё немало подробностей. Но мне кажется, сказанного достаточно, чтобы показать, что за «реформа» была навязана России и насколько она себя оправдала. Вы спросите, кем она навязана? Жрецами, отправляющими культ американского капитализма и торжествующего нео-либерализма, как международными, так и местными, российскими, при активной нескрываемой поддержкой извне, прежде всего администрации Клинтона и канцлера Коля.

Оттуда в МВФ и во Всемирный банк поступил приказ реализовать в России только эту реформу и никакую другую. Так всё и началось, из смешения неолиберального фундаментализма, краткосрочных политических расчётов, призванных помочь шатающемуся Ельцину, и более дальновидных планов, нацеленных на дальнейшее ослабление России после блестящего успеха с развалом СССР.

Я не утверждаю, что все действующие лица преследовали одни и те же цели. Каждый добивался своей, при условии, что она у него наличествовала. В конце концов главенствующим оказался основной сценарий, имеющий в качестве общего знаменателя западную культуру конца XX века, использующую глобализацию в своих интересах и намеренную навязать её концепцию всему остальному миру, А это касается не только экономики, производства и потребления, но и политики и её форм, досуга, образа жизни и самого мировоззрения миллиардов жителей Земли.

В свете происходящего, учитывая, что операция по приучению России к этой модели с треском провалилась (в отличие от планов по ослаблению, точнее, по уничтожению, российской мощи), можно сделать вывод, что в настоящий момент у гегемонической западной культуры немного шансов реализовать свои намерения и что в будущем ей придётся иметь дело с ущербом, нанесённым её специфическим и субъективным видением глобализации, являющейся по сути объективным и неизбежным процессом. Нельзя не согласиться с тезисом Александра Зиновьева, выведенным для России, но действительным для двух третей мира, которым предстоит стать тремя четвертями в следующие 15-20 лет: «У России не больше шансов стать частью Запада, чем у мухи слоном, на том единственном основании, что у обоих есть хобот. К тому же Запад уже определил своё место и роль. Максимум, на что могут рассчитывать схожие с ним народы, это оказаться в его сфере влияния и колонизации, да ещё на тех условиях, которые он сам, единственный и неповторимый,

сочтёт позволительными» 63.

Как читатель мог уже заметить, немалая часть размышления настоящей работы, на первый взгляд посвящённой исключительно России, сводится к теме информации, её производства и распространения в современном мире. Это не следствие профессиональных интересов автора. Просто я констатирую, что без решения проблемы того, кто и как контролирует её потоки (и следовательно, возможно ли их контролировать иным образом), все остальные вопросы нашего мира будут решаться в пользу частных интересов, зачастую узких и безумно ограниченных, вопреки интересам большинства. Я прекрасно понимаю, что кто-нибудь немедленно с возмущением взмахнёт руками, услышав слово «контроль», а потом окунёт перо в чернильницу или ткнёт пальчиком в клавиатуру компьютера, чтобы заклеймить тезис о противостоянии общих и частных интересов. А кто-то другой спросит: да что же этот за овощ такой, «общие» интересы?

Очевидно, что определить их непросто. Можно дать этому термину немало определений - и все они будут адекватными и в то же время неполными. Но ясно, что любую проблему можно решить двумя способами: или на основе одного из тысяч частных интересов, или же исходя из узкой выборки интересов общих. Это - первое и самое главное. Это лакмусовая бумажка, которая показывает близость к общим интересам. Определяется этот показатель очень просто: количеством информации о принятии данного решения, количеством людей, получившим доступ к ней. Короче, чем меньше гласности, чем меньше число вовлечённых в принятие решения, тем меньше демократии и выше риск, что кто-нибудь обведёт остальных вокруг пальца. Доказательством является рассматриваемая нами ситуация. Весь мир знал - и был вынужден принять за истину - одну-единственную версию событий, одну гипотезу. Ему бесконечно повторяли, что «альтернативы» нет: ни Ельцину, ни шоковой терапии, ни насилию, которому были подвергнуты миллионы людей. Никому неизвестные люди получили возможность беспрепятственно распространять своё мнение, хотя в их компетентности были и остаются немалые сомнения. А ведь звучали и другие голоса, в чьей компетентности можно было быть уверенными. Но их не услышали, не распространили, не обсудили. Их ли это вина? Может, они просто не смогли достучаться до крупных СМИ? Бросьте, оставим эти глупости, эти, как сказал бы Поппер, «ужасные» гипотезы. Тому помешали очевидные интересы колоссальной мощи. Плюс глобальная система информации, находящаяся в руках их представителей. Отсюда «бардак», которым справедливо возмущается Пьеро Оттоне, говоря об Италии. Только этот «бардак» стал уже всемирным.

В 1994 году, когда опасность пути, выбранного Россией, стала уже очевидной, группа российских и американских учёных и экономистов опубликовала совместное «Заявление» 64, забившее тревогу по поводу шоковой терапии. Это Заявление, особенно если сравнить его с кучей

чепухи, занимающей самые престижные газетные площади, заслуживало бы как минимум первых полос и призвано было привлечь внимание по меньшей мере предпринимательских и правительственных кругов разных стран. Однако боюсь, что и сегодня немногие знают о нём, хотя за прошедшие три года число подписавших его «диссидентов» расширилось, включив в себя даже пять лауреатов Нобелевской премии по экономике (все - американцы). Это: Лоуренс Кляйн (Пенсильванский университет), Василий Леонтьев (Нью-йоркский университет), Дуглас Норт (Вашингтонский университет), Кеннет Эрру (Стэндфордский университет) и Джеймс Тобин (Йельский университет) 65.

Замалчивание плеяды такого уровня интеллекта и компетентности необъяснимо. Возможно, причину следует искать в том, что документ содержал крайне неудобные оценки и обличал «чрезмерное количество несуразностей в постсоциалистическом преобразовании России». Иными словами, нобелевские лауреаты (как и десятки российских экономистов) доказывали, что «альтернатива радикально-либеральной реформе» существует. Сандро Виола, очевидно, считает их всех членами ВППЕ (Всемирной партии противников Ельцина) и «ностальгиками третьего пути» 66. Но в их защиту следует заметить, что сформулированные ими в 1994 году прогнозы по сути оправдались, в отличие от гайдаровских, чубайсовских, ельцинских, шохинских, лившицевских, ослундовских, саксовских и т.д. От экономики как науки нельзя требовать слишком многого, но наука в сущности сводится к предвидению (на что бы она годилась, если бы не помогала нам смотреть вперёд, предугадывать, скажем, орбиту спутника или течение болезни?). И экономика приближается к науке только тогда, когда может что-то предсказать. Иначе она остаётся болтовнёй, на которую не обратит внимания даже самый захудалый игрок на Миланской бирже.

Перечитаем, что же писали эти «неизвестные» экономисты в 1994 году предварительно подробно изучив ход первых двух лет ельцинской «реформы». «Без эффективной государственной программы идущие сейчас преобразования приведут к следующим результатам:

1) сокращение валового национального продукта;

2) высокая инфляция;

3) увеличение импорта конечного продукта до уровня, уничтожающего спрос на внутренние товары;

4) криминализация экономики и установление атмосферы всеобщего страха и запуганности;

5) ухудшение положения в социальной сфере, включая государственное здравоохранение, образование и безопасность населения;

6) сокращение инвестиций в экономическую инфраструктуру;

7) падение уровня жизни и рост разрыва в доходах».

Из этих семи прогнозов первый, третий, четвёртый, пятый и седьмой оказались точными. Шестой оказался несколько более оптимистичным, поскольку инвестиции сократились во всех отраслях, а не только в инфраструктуре. Только второй, похоже, не оправдался. Но дело здесь не только в том, что инфляция обуздана ещё не окончательно и то благодаря грабительской политике по отношению к населению, не имеющей ничего общего с нормальной экономикой (в том смысле, что она применима только в стране, лишённой возможности защищаться). Самое главное - этот показатель скрывает «отсроченную инфляцию», которой суждено вырваться на волю, как только исчезнут искусственные правила, по которым российская экономика принуждена была жить эти годы благодаря исключительно монетаристской политике, установленной МВФ и проводимой в жизнь Гайдаром-Черномырдиным.

«Заявление» - вновь представленное Ельцину осенью 1996 года в качестве документа для размышления (хотя в то время у российского президента были другие заботы) - определяло шоковую терапию как «экстремистский» подход, уже «показавший свою неэффективность как с экономической, так и с политической точки зрения». Стратегия радикальных реформаторов описывалась как «попытка достигнуть капитализма в один прыжок благодаря принципам laissez faire, мгновенному сокращению сферы влияния государства и форсированной приватизации экономики». Конечно, из этого получилось и кое-что положительное, что в общем-то неизбежно при отмирании планового хозяйства. Цены приблизились к мировым и даже превзошли их по многим пунктам. Предприятия получили стимул действовать самостоятельно (те, которых ещё не задавили). Открылся простор индивидуальной инициативе (для тех немногих, кому удалось избегнуть рэкета, и, главное, легионов государственных бюрократов, получивших возможность систематически обирать народ).

Но (ещё одно полезное замечание одного из подписавших «Заявление») «радикальные» реформаторы на самом деле не достигли даже главной своей цели - прекращения государственной поддержки предприятий. Рванувшись в недостижимой цели, они немедленно столкнулись с трясиной системы. Пять лет спустя российская экономика ещё не избавилась от устаревших производств и монополий как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Реформаторы рассчитывали на скорое рождение широкого слоя предпринимателей, который, однако, не появился по той простой причине, что он не мог сформироваться без поддержки государства. Люди перетерпели шок, не испытав никакого преобразовательного воздействия. Структурного оздоровления не произошло. Реальная экономика прогнулась под собственной тяжестью, а коррупция в государственных структурах и криминальная мафия внедрились во все сферы социума. Результатом стала атмосфера, не

способствующая ни политической и экономической стабильности, ни тем более зарождению здорового предпринимательства.

«В то же время, - говорится в «Заявлении», - приватизация в сочетании с распространением коррупции в конце концов снизила жизненный уровень, приведя к обнищанию большинства населения. Социальные преимущества (потенциальные. - Дж. К.) отразились только на узком круге лиц, начавших быструю ликвидацию предприятий для достижения немедленной личной выгоды. Неисчислимые природные ресурсы, которые могли бы способствовать развитию, могут быть расхищены (в настоящее время их разграбление уже произошло. - Дж. К.). Страна теряет богатства и через утечку капитала за границу, и через экстравагантный импорт предметов роскоши...»

Всё это уже произошло, и теперь мы имеем дело не с предсказаниями, а со свершившимся фактом. Остаётся добавить, что вышеописанные тенденции ещё далеко не исчерпали себя. Они продолжают и будут продолжать развиваться потому, что Россия - самая богатая природными ресурсами страна в мире, и потому, что на горизонте пока что не видно силы, способной что-то изменить. Но мне хотелось бы завершить эти размышления попыткой ответа тем, кто, видя, что в красивых речах певцов российского капитализма не всё складно, всё же твердят, что «корабль плывёт», что люди, даже не получая зарплаты, как-то выживают. Этим наблюдателям кажется, что существует теневая экономика, невидимые доходы, что нам, иностранцам, видно далеко не всё. И вообще, откуда столько пессимизма?

Особенно тем, кто побывал только в Москве, рассказы о переживающей крах стране кажутся преувеличенными и тенденциозными. Но это не так. Роль столицы ничуть не изменилась с советских времён - это витрина. За ней скрывается страна не просто непохожая, но противоположная и противопоставленная ей. Это - остров, отличающийся от моря как земля от воды. В советские времена причины были иными, а результат - тот же, даже более заметный и вызывающий. Тогда режим показывал гостю то, что тот «должен» был увидеть. Это был вопрос пропаганды. Пропаганда умерла, но в силу обстоятельств министерства, интеллигенция, банки и власть по-прежнему прописаны в Москве. Считается, что 70% всех финансовых ресурсов России обращается и тратится в столице.

И именно здесь появился такой мэр как Юрий Лужков, несомненно выдающийся по своим деловым качествам и незакомплексованности. Это типичный «хозяйственник» советских времён, ворочающий теперь миллиардами долларов, имеющий дело с мафией без страха замараться, не забывающий о своём обогащении, но и умеющий что-то делать. К тому же, помышляя о президентском кресле в будущем, он ловко поддерживает контакт с «народом». Москвичи знают, что Лужков - единственный, кто воспротивился приватизации по Чубайсу. И ему удалось выбить для Москвы особый её режим. В результате Москва

получила от приватизации (которой, само собой, руководил Лужков) в тысячу раз больше средств, чем все остальные области и республики, вместе взятые. Достаточно одного малюсенького примера: только в 1996 году столица получила от приватизации 6 триллионов рублей (1,2 миллиарда долларов) против триллиона, поступившего в бюджет от приватизации во всей остальной стране. А надо иметь в виду, что в Москве, так же как и везде, всё приватизировалось по смешным ценам.

Итак, столица не может служить примером, в том числе и потому - данные официальной статистики - что в ней учителя почти весь прошлый год получали зарплаты в срок, а 76% московских трудящихся она выплачивается с опозданием, вполовину меньшим, чем в остальных областях. Понятно, что и тратить москвичи могут больше (вот вам и объяснение, почему в магазинах столько людей и они не просто смотрят, а покупают), и откладывать что-то удаётся. Покиньте Москву - и вы окажетесь в совершенно ином мире, где нищета и деградация поражают с силой удара кулаком. Призываю в свидетели Александра Солженицына, который отправился посмотреть российскую глубинку. И он её увидел. Его полный гнева рассказ невозможно отмести пожиманием плеч, как это уже делается с его философией.

Есть ещё одно, более общее соображение, касающееся армии неизлечимых оптимистов (западных и московских), с восторгом и удивлением описывающих наступление капитализма в России. Почему с удивлением? Потому что немногие в своё время осознали, что падение коммунизма в России - явление необратимое и что, так или иначе, и возвращение к власти коммунистов и, тем более, возрождение плановой экономики и административно-командной системы уже невозможны. Страх перед коммунистической реставрацией затуманил глаза и умы. Многие просчёты Запада (и российских радикал-демократов) проистекают из коренного непонимания ситуации, сложившейся к концу 1991 года. А известно, что страх - плохой советчик. Так же как до её кончины сила коммунистической системы безмерно преувеличивалась, так, впоследствии считалось, что мы присутствуем при тяжёлой болезни, хотя на самом деле приборы уже давно зафиксировали клиническую смерть.

Откуда восторг и удивление по отношению к российскому капитализму, о котором ни у кого не повернётся язык сказать что-нибудь хорошее, когда он остаётся наедине с собственным зеркалом? Во всём этом есть какой-то невольный комизм. Можно подумать, что восторгающиеся всерьёз полагали, что по смерти коммунизма в России может произойти ещё что-то «странное». Что-нибудь вроде «третьего пути» между капитализмом и коммунизмом. Странно. До этого нам столько лет повторяли, что капитализм - единственная реальная альтернатива, единственный «реальный» ответ «искусственной» социалистической утопии. И что правовое государство (выражаясь по-гегелевски) было единственной, неотвратимой судьбой современного общества. «Конец истории», теория, выдвинутая в 1989 году после

падения берлинской стены Франком Фукуямой, стала высшим синтезом этой концепции.

Так если после коммунизма мог наступить только капитализм, который в свою очередь был высшей стадией кризиса коммунизма, чему же удивляться, если в России создаётся капитализм? Он всё равно бы наступил, независимо от того, кто у власти. С или без шоковой терапии. Доказательства? Они просты. Когда Черномырдин был назначен премьер-министром, многие западные комментаторы и российские радикал-демократы кричали о поражении реформаторов. Черномырдин и в самом деле был выходцем из наиболее консервативных кругов бывшей советской госбюрократии. Но смотрите, как действовало в последующие четыре года его правительство, состоявшее во многом из тех же бюрократов. Они с подобострастной решимостью применяли рецепты, выписанные МВФ. Короче, нам приходится согласиться с выводом «Независимой газеты»: «Возможно, через десять лет историки придут к заключению, что российская экономика 90-х гг. была потоплена во лжи» 67.

Можно сказать, что энтузиазм оптимистов - наследник их необъяснимого удивления и сын их весьма примитивного интеллектуального багажа. Отсюда многочисленные цепочки умозаключений, чей основной пророк, уже упоминавшийся нами, зовётся Строуб Тэлботт, заместитель госсекретаря США, которому Америка обязана, наверное, самой впечатляющей коллекцией просчётов со времён войны во Вьетнаме. Остаются вопросы, которых все старались избегать с самого начала заговора молчания, имевшего, как мы увидели, немало сообщников. В самом ли деле шоковая терапия была для России единственным путём к рыночной экономике? Какой тип рынка создаётся в России? Какую реальную поддержку (и понимание) встречает этот феномен со стороны населения? Куда эволюционирует российское общество - в сторону стабильности или новых потрясений? Иными словами, с какой Россией нам придётся иметь дело в следующие 10-15 лет? Какую Россию мы хотим видеть в качестве партнёра? Цивилизованную, современную, демократическую, сильную, единую и конкурентоспособную страну? Или же авторитарное, неразвитое, реваншистское государство, охваченное нравственным, политическим и социальным хаосом и постоянно балансирующее на грани распада?

Глава 14. Горе побеждённым

Поклявшись, что с кончиной Варшавского договора никто не попытается воспользоваться новым раскладом сил, Запад решил расширить границы НАТО до российских рубежей. Мы можем обратиться к свидетелю исключительной важности, не только наблюдавшему, но и лично обсуждавшему и вершившему судьбы нового мира, свидетелю, которого ещё никто не опроверг. Это Михаил Горбачёв. «Когда настало время объединения двух Германий, основным вопросом для всех,

призванных принимать решения, стала синхронизация этого процесса с процессом создания системы общеевропейской безопасности. Объединение Германии не должно было повредить ему». Горбачёв вспоминал об этом, когда готовил свою очередную статью для «Ла Стампа» в феврале 1997 года. Тогда он сказал: «Надо напомнить немаловажное обстоятельство - в то время ещё существовали оба военных блока, и ОВД, и НАТО, враги по определению. Тем не менее в ноябре 1990 года в Париже были подписаны два важнейших документа: Хартия для новой Европы и судьбоносный Договор о сокращении обычных вооружений на европейской территории. Затем, как известно, Варшавский договор самораспустился. Ситуация ещё более прояснилась, потенциальных угроз становилось всё меньше и меньше. Что же мешало реализации разумной идеи о продвижении вперёд по пути, открытому парижскими документами? Абсолютно ничего. Что мешало реализовать их дух и букву? Ничего».

Если существует доказательство того, что Западу, этому Западу доверять нельзя, то оно перед нами. Если есть доказательство, что этот Запад слишком глуп и опасен для всех, включая себя самого, то вот оно во всём своём неопровержимом блеске, яркое как Полярная звезда. А ведь их предупреждали. Если составить перечень тех, кто критиковал расширение НАТО в американской печати (итальянская хранила практически полное молчание, за исключением статьи Горбачёва), мне не хватило бы страниц этой книги. Поэтому я ограничусь одним (но потрясающим!) выступлением, сделанным Джорджем Кеннаном в «Нью-Йорк таймс» в феврале 1997 года 68, когда ставки были уже сделаны и вернуться назад, не потеряв лица и всего остального, было невозможно. Для тех, кто не понял, я имею в виду лицо Уильяма Клинтона.

Джорджа Кеннана нельзя обвинить в коммунистических симпатиях, как это (к сожалению для него) происходит с Горбачёвым. Более того, именно Кеннан в своё время изобрёл теорию «сдерживания» СССР. Поэтому ему можно верить, когда он скорее с раздражением, чем с удивлением сообщает нам, что «кто-то где-то» принял решение. Он тоже обнаружил, что по какой-то странной причине в этом мире самые важные решения принимаются «кем-то» и «где-то», и никогда не понятно, что же это за шалун такой и где он сидел, ковыряя в носу, во время их принятия. Бывший посол США в Москве, а ныне профессор истории в Институте прогрессивных исследований - человек немногословный, но говорит весомо и тщательно подбирает выражения. «Наша точка зрения, - пишет он, имея в виду собственную позицию, разделяемую «определённым числом людей с большим и зачастую достаточно свежим опытом в российских делах», - заключается в том, что, по правде говоря, расширение Организации Северо-Атлантического Договора стало бы самой роковой ошибкой американской политики за всё время, прошедшее с окончания холодной войны».

Ясно? Аргументы вкратце таковы. Это решение подольёт масла в

огонь антизападнических и милитаристских настроений в России. Оно затормозит развитие демократии в России. Оно вернёт климат отношений между Востоком и Западом назад ко временам холодной войны. Оно подтолкнёт российскую политику в таком направлении, которое нам самим не понравится. Оно сделает невозможной ратификацию договора СНВ-2 со стороны Думы. Всё это при «неудачном стечении обстоятельств», саркастически пишет Кеннан, когда российское руководство парализовано болезнью президента, совпавшей - «вдвойне неудачно» - с «совершенно не необходимым» ходом Запада. Короче, неужели нельзя было придумать ничего лучшего, как заново начинать выяснять, кто чьим союзником должен быть. Кто кому угрожает? Где и как может зародиться новый конфликт, сама мысль о котором представлялась смешной в 1996 году и будет казаться таковой следующие двадцать лет?

В самом ли деле здравый смысл отправился погулять и не отвечает на звонки по сотовому телефону? Неужели никому в Европе не пришло в голову, что кандидаты на вступление уже в достаточной мере защищены своим нынешним положением и что чрезмерная их защита со стороны Запада станет только оскорблением - и угрозой - для России? Почему никто не вспомнил, что во время холодной войны Финляндия, Швеция и Австрия преспокойно жили-поживали, не испытывая никакой потребности вступать в НАТО? Не столько потому, что они не ощущали реальной угрозы. Просто существование НАТО само по себе было достаточным сдерживающим фактором. Если дело обстояло таким образом во времена существования ОВД, то как можно представить себе российскую угрозу Чехии, Польше или Венгрии сегодня, когда у России нет военных союзников в Европе, а сама она не обладает армией, достойной этого имени? Можно понять страх стран Центральной Европы. Они ещё не забыли печальный опыт прошлого. Но хороший врач советует пациенту, переживающему стресс, принимать успокаивающие. А только что изнасилованной девушке не предлагают на будущее одеваться в рыцарские латы. Если, конечно, добрый американский доктор не рассчитывает на голоса всех польских, венгерских, чешских, латышских, эстонских, литовских, румынских и болгарских эмигрантов. Но полно, профессор Кеннан, зачем мы теряем время в поисках оправданий для уже принятого и совершенно необоснованного решения? Давайте готовиться к приёму новых членов НАТО и считать, во что это нам обойдётся. Ведь если «кто-то» принял «где-то» такое решение, делал же он какие-то прогнозы. Наверняка он заключал союзы, но не военные, а с военными - с натовскими бюрократами, производителями оружия, со всеми теми, кому окончание холодной войны принесло только головную боль и тревогу, что время тучных коров закончилось.

Все исследователи бюрократии знают, что её незыблемость объясняется общим законом: ни одна бюрократия не может планировать собственное сокращение или самоубийство. И следовательно, ни одна бюрократия никогда не поймёт причин своего исчезновения или сокращения. У аппарата одна мысль: сохранить себя в

неприкосновенности и, по возможности, расшириться. Это касается и НАТО, и всех остальных международных бюрократий. Военные чиновники ничем не лучше и не хуже чиновников финансовых. Теперь перейдём к подсчётам. Только начальные меры по организационному и технологическому перевооружению первых трёх кандидатов на вступление в НАТО обойдутся от 15 до 20 миллиардов долларов. Весьма правдоподобные оценки утверждают, что до 2010 года кому-то придётся раскошелиться на 100-150 миллиардов долларов, чтобы оплатить включение в НАТО всех или почти всех желающих.

Кто же будет платить? Кандидатам лучше не тешить себя иллюзиями. Запад собирается делать бизнес, а не дарить подарки. Добрая половина расходов придётся на их плечи. Взамен они получат скорее всего уже устаревшие вооружения и бывшую в употреблении инфраструктуру: «Пока что научитесь пользоваться хотя бы этим». Предприятия западного ВПК уже взяли на вооружение технику «Филипп-Моррис», который дарит «Мальборо» новым потребителям, чтобы они пристрастились к их вкусу, а потом начинает продавать его по мировой цене (контрабандно). В данном же случае подавшим заявку на вступление предлагаются западные технологии. Потом им придётся платить. А пока что российские технологии окончательно исчезают и бывшим хозяевам, ныне ставшим просителями, придётся распроститься с будущим рынком.

Теперь мы начинаем кое-что понимать. Не так ли, профессор Кеннан? Так давайте же примем первых трёх простачков. Они пойдут на закуску, доказав, что Запад всегда будет делать то, что ему нравится и что он считает нужным. А потом лезвие войдёт в тело на всю длину и НАТО вберёт в себя не только Прибалтику, но и несколько кусков бывшего СССР. Украина уже поджидает его, высунув язык от нетерпения.

Вот мы и объяснили мотивы западной политики. Правильнее было бы называть её «американской», поскольку идея расширения НАТО на Восток проталкивалась с поразительным тупым упрямством прежде всего первой клинтоновской администрацией, а будет приведена в исполнение второй. Но сейчас мне хотелось бы остановиться на неоценимом вкладе в планы Вашингтона самого российского руководства. Для удобства мы разделим его на две части по принципу нанесения ущерба российским интересам. Первая состоит из ненамеренных, но разорительных глупостей, совершённых Ельциным и компанией с 1992 по 1996 год. Вторая же включает примеры намеренной, то есть сознательной продажи российских интересов Америке в обмен на политическую и экономическую поддержку Вашингтона обитателю Кремля. В обоих случаях можно было бы сказать - оставив в стороне на время самостоятельные проекты Запада, - что российское руководство сыграло главную роль и сделало всё возможное и невозможное для осуществления расширения НАТО на Восток.

Итак, начнём с первой части. Россия разоружилась сама, самым несуразным, беспорядочным и безответственным способом, какой только

можно вообразить. Из чувства справедливости следует заметить, что здесь бедный Запад ни при чём. Россияне всё сделали своими руками. Годами говорилось о «военной реформе». Но для того, чтобы понять, какие вооружённые силы нужны России, - надо было сначала решить, какое место она намерена занять в современном мире. Не разобравшись со вторым, нельзя добиться первого. В результате российское правительство под руководством Верховного главнокомандующего начало урезать военные расходы и сокращать численность войск без всяких критериев. Десятки тысяч офицеров месяцами не получали зарплаты, десятки тысяч, возвратившись из бывших братских стран, остались без крова. Из-за нехватки денег, зарядов, топлива отменялись учения, тренировочные полёты, манёвры кораблей. Это - позорно неполный перечень компонентов самого настоящего краха, сопровождавшегося исчезновением госзаказов во всех областях разработки и производства вооружений.

Да, армия была чрезмерно велика, содержать её в новых условиях не представлялось возможным. Да, резкое сокращение военных расходов было неизбежно. Да, окончание холодной войны делало ненужными многие потребности прошлого, ознаменованного вооружённым противостоянием всему остальному миру. Сокращение было закономерно и необходимо. Но есть огромная разница между сокращением и разрушением. Столь огромная, что никто до сих пор не переходил эту грань. Чем же объяснить это саморазрушительное безумие? Только одним: в Кремле считали, что России больше не нужна никакая оборонительная система вообще. Ещё одно проявление теории «империи зла», согласно которой с его уничтожением остаётся одна «империя добра» - миролюбивая Америка.

Чтобы вышесказанное не показалось голословным, имеет смысл повнимательнее изучить то, что произошло в области стратегических ядерных вооружений, к тому же - как пишет Джордж Кеннан - в самый разгар ратификации договора СНВ-2 в Думе. Напомним, что во времена Горбачёва и Буша Россия и Америка договорились о частичном сбалансированном ядерном разоружении. Но, как известно, Борис Ельцин терпеть не мог Горбачёва. И, быть может с целью затмить его заслуги в области разоружения, он пошёл на сокращение, в сто раз превышавшее предыдущие договорённости. В то же время Америка продолжала придерживаться подписанных соглашений. В результате этого «однобокого» разоружения все сказки о «ядерном чемоданчике», так возбуждающем западных корреспондентов, полагающих, что они вызовут дрожь запоздалого ужаса у своих читателей, лишились какой бы то ни было основы. Просто болтовня, пускание пыли в глаза общественному мнению. В том числе и российскому, всё ещё верящему, что их президент может этим чемоданчиком кого-то напугать.

На самом деле российский стратегический ядерный потенциал практически сведён к нулю. Достаточно иметь хотя бы поверхностное

представление о стратегии «ядерного сдерживания», чтобы понять, что она действует только в условиях реальной угрозы и только тогда, когда никто из противников не в состоянии избежать ответного удара. При отсутствии одного из этих условий стратегия сдерживания не только прекращает действовать, но её компоненты становятся источниками смертельной угрозы, так как наиболее сильный соперник может испытать соблазн применить ядерное оружие. А более слабый, в свою очередь, может решиться прибегнуть к нему, чтобы помешать другому войти в ещё большую силу. Сегодня, к счастью, мы живём в совсем ином мире. И разумеется, никто в Америке не предполагает использовать ядерное оружие против России. Но неплохо было бы признать, что ядерный паритет нарушен. Сейчас это ничего не значит. В будущем это обстоятельство может сыграть совершенно непредсказуемую роль.

К тому же ядерное оружие никуда не делось и представляет опасность уже сегодня, прежде всего для России. Для остальных стран, для нас, они несут угрозу типа Чернобыля, как источники потенциальных экологических катастроф, а не как наступательное оружие. Это не я говорю, так утверждает российский министр обороны, генерал Игорь Родионов: «Я боюсь, что вскоре Россия перейдёт порог, за которым ядерные ракеты и системы выйдут из-под контроля» 69. Согласно данным Комитета по экономической политике Думы 70, система предупреждения в случае нападения уже в 1996 году функционировала не полностью как в части космической разведки, так и наземной. Ни одна из наземных станций за последние пять лет не модернизировалась, хотя многие из них выработали гарантийный ресурс и явно устарели. Что же до воздушного компонента стратегической системы ядерного сдерживания (ССЯС), то она сведена к минимуму и её нынешняя эффективность «вызывает серьёзное беспокойство».

Процесс «деградации» оказался особенно бурным на поверхности и в глубинах морей и океанов. Патрулирование вооружённых атомным оружием подлодок сократилась до такой степени, что большинство российских военных экспертов уже не считает, что оно играет какую-то роль в процессе сдерживания. Оперативные возможности подводного флота упали до критического порога, за которым он не просто теряет наступательный потенциал, но и становится источником опасности для себя и своих экипажей. С 1990 года Россия не произвела ни одной атомной подводной лодки. Предложения начать спускать на воду одну подлодку в год начиная с 2002 года остаются лишь благими пожеланиями - на них нет и не может быть средств. Иными словами, через 10-12 лет морской компонент ССЯС России будет насчитывать 9-12 атомных подлодок, вооружённых 800-1000 боеголовками. То есть Россия окажется далеко за низшим пределом, установленным договорами СНВ-1 и СНВ-2, предусматривающим для этого вида вооружений потолок в 1750-1900 ядерных боеголовок.

Перейдём к межконтинентальным баллистическим ракетам

наземного базирования (МБРН). Здесь ситуация настолько серьёзная, что ещё немного и любой разговор о сдерживании станет пустой болтовнёй. Учитывая, что многие МБРН уже отслужили «гарантийный срок» и что новые «Тополь-М» производятся по чайной ложке из-за отсутствия средств, через шесть лет Россия будет иметь около 250-300 МБРН типа «Тополь-М», к которым добавится сотня СС-19 (с одной или 6 боеголовками) и пара десятков ракет «тяжёлого» типа, то есть с десятью независимыми боеголовками. Но СНВ-2 обязывает Россию уничтожить все «тяжёлые» МБРН, так что она потеряет свою сдерживающую способность и здесь.

Что же до обычных вооружений, то по ним мощь НАТО превзошла российскую уже в четыре раза. Применяя теперь к России критерии, использовавшиеся НАТО во времена существования ОВД, когда ситуация по обычным вооружениям была противоположной (но не с разрывом в четыре раза!), с несомненным превосходством СССР по количеству войск и бронетехники, Москва имела бы полное право считать ядерное оружие элементом поддержания общего равновесия. Но Россия, как мы только что засвидетельствовали, теряет даже стратегический потенциал сдерживания.

И, наконец, последний штрих. Вашингтон не скрывает своего намерения создать систему противоракетной обороны до 2003 года, что позволит ему выбросить в мусорную корзину договор по ПРО от 1972 года, по которому СССР и США обязывались не создавать ничего подобного (именно для того, чтобы сохранить в силе сдерживающий фактор, гарантированное взаимное уничтожение в случае ядерного конфликта). Чем могла бы ответить Россия? Очевидно, что у неё не было и нет соответствующих технологий для создания собственной системы ПРО. И что даже имей она их, у неё отсутствуют средства на её производство. Теоретически (только теоретически) России остаётся одно: денонсировать все договоры по СНВ и начать штамповать такое количество «Тополей-М» с множественными боеголовками, что будущая американская система противоракетной обороны станет слишком уязвимой. Иными словами, противопоставить качеству и электронным хитростям грубое количество. Но опять же, где найти деньги? Не говоря уже о том, что стоит заикнуться на эту тему, как Вашингтон захлопнет все кошельки, включая МВФовский. И как обеспечить секретность, когда все системы безопасности советских времён разрушены и американцы всюду чувствуют себя как дома?

Под каким бы углом зрения мы ни рассматривали проблемы российской безопасности, результат один - Россия больше не является военной сверхдержавой. Министр обороны Родионов заявил, что «вооружённые силы достигли крайней черты, за которой дальнейшее снижение их боеспособности может привести к непредсказуемым катастрофическим последствиям». Кому-то может показаться, что Родионов преувеличивает, что он просто выбивает деньги из правительства. Но с какой стати преувеличивать военной разведке США,

направившей в 1996 году в Конгресс США доклад, описывающий российскую военную машину такими словами: «Мощь её растрачена, по крайней мере в следующие десять лет она будет неспособна проводить наступательные операции против Китая или в глубине Европы» 71?

На этом этапе любой человек, естественно, спросит: какого чёрта НАТО расширяется на Восток вплоть до границы с Белоруссией? Ведь ясно, что с точки зрения безопасности бывших стран ОВД и Запада в этом нет никакой нужды. Разве Россия недостаточно ослаблена? Какую опасность она может представлять, когда Запад обошёл её и по ядерным, и по обычным вооружениям? Но здесь на подмогу американским теоретикам расширения НАТО и руководителям восточноевропейских стран, громко требующих пустить их под североатлантический зонтик, поспешил Борис Ельцин. Как ему это удалось? С помощью войны в Чечне. Иметь в качестве соседа страну, чьи лидеры, не моргнув глазом, могут истребить десятки тысяч собственных граждан, не так уж приятно. Будапешт, Варшава и Прага, уже испытавшие в прошлом на себе деликатность кремлёвской политики, закономерно усомнились в том, что в Москве что-нибудь изменилось. Как остановить людей, способных на такую жестокость по отношению к собственной стране? А если даже Ельцин, клявшийся в верности демократическим принципам Запада, настолько циничен (так, наверное, думали в этих столицах), то что же произойдёт, если его заменят другие люди, не столь покорные указаниям из-за рубежа? Короче, чем же всё-таки неокапиталистическая Россия отличается от старой советской, имперской и агрессивной?

Аргументы, не лишённые весомости. Но на них можно легко ответить, перевернув их с ног на голову. Война в Чечне как раз и доказала, что российская армия уже не в состоянии воевать. Она не только не может вести завоевательную войну, но даже неспособна одержать победу на своей же территории, в условиях подавляющего численного и технического превосходства. Однако страхи не лечатся ни шутками, ни доводами разума. А грубость и глупость «демократа» Ельцина не может никого успокоить. Кроме, быть может, тех, кто более близко знаком с нравственными качествами российского президента и его окружения. Их легко призвать к порядку, лишь чуть-чуть потянув узду, по крайней мере в том, что касается поведения России за её пределами.

И здесь мы переходим ко второй части «разбазаривания» национальных интересов России, к процессу, сознательно начатому Гайдарами, без конца мотавшимися в Вашингтон просить государственный департамент, чтобы кто-нибудь уговорил Ельцина не назначать премьером Виктора Черномырдина. Из этого источника черпали и бурбулисы, и шахраи, и полторанины, и лобовы, и Старовойтовы, и станкевичи, чьи американские вояжи, оплаченные американскими спонсорами, служили выработке стратегий, имевших мало общего с российскими интересами. Я имею в виду ту распродажу, в которой участвовал «мистер Да» Андрей Козырев, неоднократно дававший понять

американцам, госсекретарю Уоррену Кристоферу и другу Строубу, что, ну да, конечно, НАТО может расширяться. Во-первых, разве мы теперь не друзья? А во-вторых, разве Россия сама в перспективе не присоединится к Северо-Атлантическому альянсу? А пока что нельзя ли примкнуть к какой-нибудь промежуточной программе, что-нибудь вроде «Партнёрство во имя мира»? Лишь бы всё делалось правильно, своевременно и без лишнего шума.

Американцев, ничего другого и не ожидавших, убедили, что только неисправимое коммунистическое меньшинство, неспособное смириться с сотрудничеством с Западом и полным и окончательным присоединением России к кругу цивилизованных стран, может воспротивиться новой европейской архитектуре под американской эгидой. Они, российские демократы во главе с Ельциным, постараются остудить эти горячие коммунистические головы. Они объяснят россиянам, что им нечего больше бояться. Взамен, само собой, Запад пообещает защищать их от любой опасности. Поскольку планировалось ограбление масс, лишние меры предосторожности не помешали бы. Да и кто бы отказался защищать столь верных слуг? Так были распределены роли, которые предстояло сыграть в узком кругу, как правило (к сожалению для них, не всегда) в стороне от нескромных ушей. Поэтому никто в Вашингтоне особо не беспокоился, слушая, как российский президент в Будапеште выступает с яростной антизападной речью, вошедшей в историю под названием «речи о холодном мире».

Оторопевшие комментаторы с тревогой бросились разбирать речь хмурого и резкого российского лидера. Россия повысила голос, писали они, наступает вторая холодная война. Российские журналисты продиктовали в свои редакции корреспонденции, переполненные гордостью за отчизну. На самом деле все обсуждали пустоту. Знающие же люди в Москве и в Вашингтоне, наверное, сгибались пополам от хохота. Роль была сыграна отлично. Клапан российского котла выпустил необходимый пар. Давление упало. Огонь, правда, никто не убирал и температура продолжала подниматься, но клапан Ельцина будет включаться регулярно.

В конце концов игра стала вестись почти в открытую. В начале 1996 года, когда началась предвыборная кампания и Борис Ельцин наконец-то сообщил о выдвижении своей кандидатуры (удивив, по-моему, только сторожа какого-нибудь заполярного маяка), все разговоры о расширении НАТО вдруг прекратились. Кое-какие западные столицы даже открыто дали понять: не время. Обсуждение этого вопроса может повредить кампании нашего друга Бориса. Своего места лишился и Андрей Козырев: слишком уж он засветился как «проамериканец». Его быстренько заменили более «советским» Евгением Примаковым. Иными словами, Ельцин и Клинтон на самом деле прекрасно знали, что тема НАТО россиянам неприятна. Россиянам вообще, а не только коммунистам. И совместными усилиями они решили обвести их вокруг пальца.

В первой главе я упоминал о темах, над которыми штаб Ельцина трудился в тесном контакте с американской командой из комнаты 1120 и «сигналы» о которых отправлялись в Вашингтон прямо Дику Моррису. Вот вам одна из них, для обработки которой Белый дом, очевидно, создал тандем во избежание неосторожных шагов. Самые острые вопросы внешней политики, те, по которым Кремль уже обещал найти решение, не должны были стать предметом широкого обсуждения. Надо было заставить замолчать не только российские СМИ - что достаточно просто сделать вливаниями десятков тысяч долларов, - но и американские и европейские. Здесь деньги не помогли бы. Однако необходимо было заставить их забыть о расширении НАТО на Восток по крайней мере до июля. На эту тему перестали говорить представители госдепа и европейских канцелярий. И журналисты о ней забыли.

Очевидно, что, с точки зрения самих западных правительств, их тактика была абсолютно последовательной и логичной. Решение вопроса откладывалось, чтобы не повредить кандидату, который обещал защищать их интересы лучше других. Но как объяснить поведение самого Кремля? Как минимум это доказывает его намерение обмануть российских избирателей. И если бы это доказательство было единственным!

Вот почему США настаивают на своём плане расширения НАТО. Ведь после первого, осторожного зондирования, проведённого в 1993 году, они больше не встречали сопротивления. Если бы при первых же намёках Ельцин и его генералы отреагировали с достаточной жёсткостью, скорее всего, Вашингтон и европейские круги вынуждены были бы ещё раз задуматься над этим вопросом.

Если вернуться мысленно на несколько лет назад, легко вспомнить, что тогда вопрос расширения НАТО на Восток вовсе не считался приоритетной необходимостью во многих западных столицах, особенно европейских. Многие считали, что необходимо учитывать и российские интересы, по крайней мере не провоцировать и без того достаточно измученную, ослабленную и внутренне нестабильную Россию. Я имею в виду первую половину 1993 года. Более того, если перечитать комментарии того времени, многие задавались вопросом: насколько необходимо сохранять в неприкосновенности военную машину и саму доктрину НАТО после краха бывшего военного противника? Но в это время на боснийском полигоне доказывался тезис, что, вопреки своим уставным функциям, НАТО могло сыграть немаловажную роль региональной полиции.

Пока ситуация развивалась таким образом, реакция российской стороны попросту отсутствовала. А ведь первые признаки того, что брюссельские генералы задумали форсированное расширение НАТО на Восток, появились ещё в декабре 1993 года. Молчание Москвы позволяло интерпретировать его как согласие. Хотя, глядя на поведение Ельцина и Козырева, можно даже дерзнуть предположить существование договора по обмену. Но даже если никакой сделки не произошло, дело было

сделано благодаря вопиющей некомпетентности. Поездки Павла-»Мерседеса» Грачёва в Вашингтон и Брюссель были ознаменованы весьма противоречивыми заявлениями. И это ещё слабо сказано. Единственный вывод, который можно было из них сделать, - Москва не имела никакой чёткой позиции даже в том, что касалось её собственного будущего. Про будущее НАТО и говорить не приходится. Запад вообразил, что имеет дело с кучкой недоумков и, естественно, начал посылать всё более чёткие и презрительные сигналы. Вроде того, когда Кристофер в конце 1995 года сухо заявил, что НАТО не примет российское вето на свои решения.

Россия же так и не пошла дальше невнятного повторения своего несогласия устами Грачёва. И в результате проглотила пилюлю. Она не претендовала на право вето, ограничиваясь «несогласием». Вы только представьте себе: эти ребята передвигают свои пограничные столбы почти под нос Кремля, а российский министр обороны заявляет: «Я не согласен». В это же время российский министр иностранных дел уже год увлечённо играл в «Партнёрство во имя мира», придуманное Строубом Тэлботом, хотя никто не мог уразуметь, что же это за штука и почему, собираясь партнерствовать с Москвой, НАТО одновременно готовилось к усилению антироссийского фланга, к тому же ещё и пытаясь убедить Москву, что на самом деле расширение НАТО не направлено против России, то есть вообще не направлено против кого бы то ни было. Короче, НАТО отправилось на Восток просто для увеселительной прогулки.

Поэтому когда в конце 1996-го начале 1997 года под давлением российского общественного мнения Кремль и правительство решили организовать новый выброс анти-натовского пара, то обнаружили, что уже слишком поздно. Игра была уже сыграна по правилам, установленным Западом, то есть Вашингтоном. Решение о расширении было принято, и даже входные билеты для первых счастливчиков уже были проданы. Но даже тогда, когда министр Примаков стал выражаться с необычной жёсткостью, заявив о решительном неприятии расширения и пригрозив маловероятным ответом в виде изменения курса внешней политики России и т.д., даже тогда правительственный хор умудрился петь вразнобой.

3 февраля 1997 года два человека, занимавшие самые высокие государственные посты в России, сделали для потрясённой международной печати взаимоисключающие заявления. Анатолий Чубайс, давший в Давосе интервью «Файнэншл таймс» 72, утверждал, что «Россия никогда не выступала против расширения», и давал понять, что Москва готова закрыть глаза, если Запад подпишет с ней договор до натовского саммита в июле. По Чубайсу выходило, что вся проблема в том, чтобы не начинать действовать «немедленно», иначе западная политика рискует «совершить самую серьёзную ошибку за последние 50 лет».

Аргументы он приводит любопытные. Чубайс даже не пытается объяснить Западу, что расширение НАТО - оскорбление для России. Это

бесполезно. Он просто говорит, что оно «даст оружие коммунистам и националистическим силам». В тот же день Виктор Черномырдин беседует с Джимом Хоагландом и Дэвидом Хофманном из «Вашингтон пост» 73. И говорит вещи намного более жёсткие. Он тоже упоминает о договоре между Россией и НАТО, но считает, что он должен быть «юридически обязывающим» и «изменить природу альянса», превратив его в «политическую организацию». И для него дело не во времени. Россия против расширения НАТО сегодня и всегда. Только в одном вопросе мнение Черномырдина полностью совпадает с чубайсовским: в аргументации. Он тоже убеждает своих западных собеседников: «Я не боюсь, что Польша или Венгрия, или кто-нибудь другой вступят в НАТО. Для России это не такая уж большая опасность. Дело в том, что я беспокоюсь за Россию, за то, что в ней может произойти, и ничего больше». Обоими российскими руководителями движет страх перед Россией, а не угроза Запада. Всего за месяц до того новый шеф Совета Безопасности РФ, неподражаемый Иван Рыбкин, выступил с идеей, что Россия - почему бы нет? - с удовольствием присоединится к «политическим структурам» НАТО. Брюссель немедленно ответствовал, что об этом нечего и думать. НАТО не расширяется против России, объяснил некий анонимный высокопоставленный североатлантический чиновник, но Россия ни при каких обстоятельствах не присоединится к нему. А иначе зачем вообще нужно это пресловутое расширение?

Иван Рыбкин, наверное, всё ещё пытается разобраться в том, что же произошло. Когда он ездил в Вашингтон, то был слишком занят покупкой мебели и её погрузкой в правительственный самолёт вместо гуманитарной помощи, чтобы внимательно выслушивать строгих чиновников госдепа. Бывшая сверхдержава рассылала по миру политических побирушек. Как же можно было принимать её всерьёз? К тому же с какой стати Борис Ельцин, связанный по рукам и ногам заранее поставленными и принятыми условиями, вдруг позволяет себе самостоятельное поведение? Тем более, что в это время происходило радикальное сокращение политического и экономического потенциала России, которое сделало бы её бессильной и покорной по всем направлениям. За несколько лет российский ВНП сократился вдвое. Здесь нужно предупредить возражение ярых фридманистов: естественно, скажут они, что производство должно было упасть. Ведь 80% производственной структуры СССР было связано с ВПК и его разрушение было неизбежно. А кто оспаривает эту аксиому, - или коммунист, или милитарист. В любом случае консерватор.

Как бороться с такой алмазной логикой? Может быть, с помощью латинского изречения: est modus in rebus, во всём нужно знать меру. Потому что за - точнее, внутри - экономических законов стоят живые люди. И если бы проблема решалась экономически и человечески мудро, то её постановка не могла быть иной, чем предложенная Нобелевскими лауреатами. То есть: поскольку катастрофа неотвратима, надо попытаться ограничить её последствия. Выбрать, где и когда резать, что

сохранить, чем пожертвовать, в какие отрасли инвестировать. Но российское правительство, которое Запад продолжал упорно именовать «реформаторским», ничего не реформировало. Оно не решило ни где, ни когда, ни что. Структура промышленного производства не изменилась ни на йоту. Ей просто давали меньше денег. Но в условиях сокращающегося бюджета эти средства продолжали давить на экономику с не меньшей силой, чем раньше. Скользящий узел глупости и некомпетентности не замедлил затянуться. К тому же, несмотря на сохранение советских шулерских замашек, коммунизм всё-таки умер и экономические показатели уже не удавалось передёргивать или игнорировать. Пришлось хотя бы частично латать дыры в бюджете заграничными кредитами. Но брать в долг не является злом только тогда, когда страна-должник способна рано или поздно его вернуть. Когда же по счетам не платят, то долги становятся симптомом болезни. О каком партнёрстве можно говорить, когда должник не в состоянии расплатиться с кредитором?

Цифры ясны. С 1990 года Россия не платила долги, которые, напротив, продолжали расти, в то время как Лондонский и Парижский клубы кредиторов щедро давали отсрочки, требуя политические проценты вместо экономических, заплатить по которым Россия была не в состоянии. Внешний долг, в 1990 году уже достигший внушительной суммы в 87 миллиардов долларов, к концу 1996 года вырос до 128-135 миллиардов. К которым надо ещё добавить 66 миллиардов внутреннего долга. В этих условиях невозможно всерьёз говорить о национальном суверенитете России и независимости её внешней политики. И если Борис Ельцин на саммите в Хельсинки в конце концов проглотил пилюлю расширения НАТО, то главная, основополагающая - именно в этом.

Глава 15. Всенародно избранный

Несмотря ни на что, XX век доказал, что можно недолго править против всего народа и вечно - против его части, но вечно царствовать вопреки всему народу невозможно» 74. Наверное, российский посткоммунистический режим не станет исключением из этого правила, но с некоторыми существенными поправками на огромный масштаб страны. Её размеры могут растянуть исторические этапы до невообразимых пределов и нанести чудовищный, невосполнимый ущерб. Что, собственно, уже не раз и происходило.

Вдобавок можно заметить, что сложный переход России от одной экономико-социальной системы к другой, от административно-командной структуры к рынку, совпал с глубоким кризисом и трансформацией либеральных западных демократий. Многие цели, к которым стремилась демократическая часть советского общества, на самом Западе быстро обесцениваются. Россия покинула старый берег и только посреди переправы с недоумением осознала, что другой по-прежнему в тумане, а то, что удаётся рассмотреть, совсем непохоже на то, что она ожидала увидеть.

В массовом обществе эпохи коммуникаций и глобализации экономики целый ряд демократических правил закачались под напором новых потребностей. Прежде всего стало трудноуправляемым типичное для правового государства разделение властей, которое ныне многим представляется серьёзным препятствием скорости принятия решений и эффективности системы в целом. Отсюда поиск более простых оперативных путей, усиление исполнительных структур, освобождение руководящих центров от перекрёстного контроля, кажущегося бесполезным и вредным для правильного функционирования государства. К тому же основное демократическое правило равенства людей - «одна голова, один голос», - и до этого с трудом сносившееся элитой, становится неприемлемым для центров власти при переходе на мировой уровень, когда более бедные, менее образованные и влиятельные (в настоящем) на рынке товаров и услуг головы в тридцать раз превосходят по численности чистые, причёсанные, напичканные знаниями и здоровой пищей головы более развитых стран.

Национальные государства испытывают со всех сторон давление наднациональных ограничений и тенденций. Избежать его невозможно. В результате руководящие круги всё чаще вынуждены принимать непопулярные решения, труднообъяснимые и ещё более трудновыполнимые. Зачастую прояснение содержания этих мер может повредить самому существованию правящих кругов. Чей горизонт, в свою очередь, ограничен временем их пребывания в должности, в силу чего они склонны заниматься только текущими проблемами, делегируя технократическим невыборным органам все неприятности, касающиеся более отдалённого будущего. Таким образом, основные стратегические решения выводятся из круга обязанностей структур, над которыми установлен демократический контроль, и отдаются на откуп группам действующих в тени экспертов. Которые, вследствие своей закрытости, могут легко подпасть под влияние мощных наднациональных экономических лобби, не подчинённых никакому контролю.

В силу вышесказанного сами избирательные процедуры всё больше превращаются в спектакль, в котором реальные проблемы, требующие решения, исчезают за дымовой завесой. Голосуют всё чаще не за программу, а за личность, и лицо политика, и так называемая харизма (ставшая уже искусственным продуктом, доступном самым богатым кандидатам) заслоняют реальные шаги, которые им предстоит предпринять. Сравнение предлагаемых вариантов по существу невозможно. Избиратели - здесь наиболее показателен американский пример - призваны выбирать не столько между разными программами (зачастую практически одинаковыми), сколько между лицами (соответствующим образом загримированными), биографиями (часто подчищенными) и телевизионными имиджами (всегда поддельными).

Остаётся только всё более формальная система всеобщих выборов, на которых - теоретически - индивидуумы выражают свою волю и выбирают

своих представителей. Но гражданин современности ничего общего не имеет с «политическим волком» времён городов-государств. Та культура окончательно умерла и больше не возродится. Некоторые стереотипы кажутся вечными, как «демос» во «Всадниках» Аристофана, поддавшийся на соблазн дешёвой селёдки. Но это только кажущаяся преемственность. Современный «демос» отлично ловится даже без селёдки, ему достаточно «виртуальной» наживки. Гражданин стал цифрой, винтиком, статистической единицей. Он пользуется бюрократическими правами, но он уже не «субъект», а «объект» политики. У него нет «агоры», на которой он может обсуждать касающуюся его политику. «Политика» греков, как остроумно заметил итальянский юрист Густаво Загребельский, существовала внутри «политического пространства», то есть самого «полиса». Ограниченные размеры физического пространства имели своё значение. На площади умещался весь греческий город, 10, максимум 40 тысяч человек, из которых только 2-3 тысячи «свободных». В таком узком кругу все друг друга знают и можно обсуждать реальных людей, а не их виртуальное переложение, приготовленное для публики, которая не только никогда не познакомится лично со своим героем, но даже не сможет к нему приблизиться.

Место «агоры» заняли представители народа, отправляющие политические функции во имя остальных. В массовом обществе это неизбежно. Но они тоже не могут действовать как свободные и равные, принимая коллективные решения с чувством ответственности и во имя служения общим интересам. На них всё больше давят гораздо более могущественные силы, СМИ навязывают им свой язык, а технология власти - посредничество бюрократии. Дело в том, что львиная доля принимаемых решений непереводимы на нормальный язык и непонятны подавляющему большинству.

Афинская демократия умерла именно в нашем веке, не раньше. Её прикончил век масс. А в конце века начала умирать и либеральная демократия. Между этими двумя событиями был эксперимент «массовой партии», придуманный Лениным и перенятый Гитлером. Это - по-своему гениальный (и может быть единственный) ответ на неудержимый рост общества и невозможность построить для него достаточно вместительную площадь. Но даже если бы это удалось, «агора» не смогла бы снова стать ареной столкновения мнений. На европейских площадях (настоящих) этого века можно было кричать «Браво!», «Ура!», «Долой!» и единогласно принимать повестку дня, предложенную оратором с балкона, трибуны или президиума. Ничего больше.

И всё же первые три четверти XX века, несмотря на чудовищность сталинизма и нацизма, мастерски использовавших «массовые партии» для подавления масс, партии всё же играли в какой-то степени роль заменителя «агоры». А в Италии, во Франции, в Испании, в Германии, в Англии площадь имела и определённую формирующую роль. В Америке это явление было гораздо менее заметным. Любопытно было бы

проанализировать зависимость политики от топографии, взяв для примера, скажем, Нью-Йорк или Лос-Анджелес, где нет площадей, по крайней мере в европейском смысле слова. Как нет их и в Пекине, и в Москве (в Санкт-Петербурге они есть, но его проектировали европейцы).

Партии играли эту роль «заменителя», призванного дать отпор угрозе демократии, исходящей от взрывного роста массового общества. Они были коллективными субъектами «политических волков», необходимых для формирования представительных структур либерального государства. Да, они были массовыми, да, они были управляемыми. Но чтобы пойти на площадь, надо сначала выйти из дома. Только там можно было получить информацию прямо из уст оратора. Площадь живо реагировала, не скрывала своего настроения, благодаря ей можно было держать руку на пульсе народа. Для масс же, если только они не были уже грубо подавлены, она становилась школой взаимоотношений и организации мыслей. Площади XX века в какой-то степени творили культуру.

Это тоже пройденный этап. Слово «гражданин» всё больше становится синонимом «монады». Которая, в отличие наглухо отгородившейся от мира особи, придуманной Спинозой, имеет одно окно. Одно-единственное, зато полифоничное, яркое как калейдоскоп, квадратное, огромное, оно открывает вид на глобальную деревню без площадей, где видно всё и ничего, где всё сказано, но в общем шуме не услышано, где можно познать всё, но только крошечное меньшинство может узнать достаточно, чтобы не потеряться. Самое главное, это виртуальное окно позволяет ни с кем не встречаться. Если очень захочется, ты сможешь куда-нибудь позвонить или просто увидеть таких же, как ты сам, болтающих о том о сём, как болтал бы и ты. Ведь они были подобраны с учётом твоих предполагаемых вкусов, чувств и мыслей.

Оптимисты - а без них нигде не обходится - утверждают, что из этого окна можно увидеть всё, что угодно. К сожалению, это неправда. Нам не дано выбирать вид. Кто-то всегда решает, да или нет, и если да, то когда, где и как. И даже если ближайшее будущее обещает технологические чудеса и свободу выбора, это всё равно обернётся блефом. Тебя загонят в гетто, стиснут в рамках узкой специализации, одурманят торговлей по почте или порнографией или тысячами других способов, придуманных теми, кто знает эту машину (и тебя) намного лучше тебя самого. Ты сделаешь выбор свободно, своими собственными руками, и даже не сможешь потом никого винить.

Я заранее представляю возмущение оптимистов. Они закричат, что это пораженческие настроения, что это всё равно, что сказать, что человек - управляемое, неспособное к самостоятельности животное. К сожалению, эти аргументы действуют только для тех, кто способен защищаться, а дискуссия в среде узкой элиты лишена интереса именно потому, что почти всё, кому предназначены эти строки, тоже знают о мерах предосторожности. Я же думаю о тех миллиардах, которые

окажутся беззащитными, потому что им просто в голову никогда не приходило, что придётся защищаться.

Технология массовых коммуникаций и неудержимое развитие науки позволяют уже сейчас заметно влиять на волю избирателей. Не столько путём банальной фальсификации данных и информации, сколько созданием определённого климата, неуловимых ощущений. Культура движущихся картинок уже подавила культуру письма, обмена мыслями, индивидуальных размышлений, соревнования мнений и интересов. Те, кто управляют СМИ, легко могут навязать решения, противоречащие иногда даже интересам подавляющего большинства общественности.

Как же так, спросит оптимист, ты хочешь сказать, что люди настолько глупы, что могут действовать вопреки собственному благу? Разве ты не понял, что телевидение стало для итальянцев «большой игрушкой и фонтаном свободы как раз потому, что оно разнообразно, противоречиво и очень богато хроникой, свидетельствами очевидцев и развлечениями» 75. Что телевидение не гипнотизирует, потому что результаты выборов, как правило, не так уж однозначны и не всегда выигрывает самый влиятельный. И что американское ТВ, «смешное и реакционное», не препятствует победе Билла Клинтона, который, разумеется, настолько прогрессивен, что и словами не выразить. И что только «наивные» измеряют хитрости телевидения с хронометром в руке, потому что «никто не может утверждать, что все телевизионные минуты имеют одинаковый вес». Как раз обычные аргументы оптимистов.

Ниже я привожу два основных набора аргументов многочисленного племени поклонников телетотема.

Аргумент номер 1. Не стоит преувеличивать влияние ТВ на публику. Как правило, когда вы имеете в виду деформирующую роль телевидения в предвыборной кампании (то есть нелиберальное использование огромной его власти), то вам отвечают, что это - кажущееся влияние, на самом деле ничего подобного не существует. Сторонники этого тезиса, как правило, принадлежат к тем, кто отлично знает ТВ и получает плоды от его использования. Если же оставить в покое предвыборные кампании, то вопрос решается проще. Дело в том, что влияние телевидения невысоко как раз в области политической информации (где зритель всегда настроен более скептически). Его мощь возрастает в других телевизионных сегментах. Вот почему большая часть итальянской дискуссии о «равных условиях» в телекомпании лишена смысла, устарела и только уводит в сторону. Но «если телевидение не имеет никакого влияния на зрителей, как объяснить, что ежегодно на телерекламу тратятся миллиарды долларов?» 76. И откуда берутся яростные драки, во всех странах и на глобальном уровне, над и под ковром, за установление контроля над потоком и содержанием информации? А если реклама влияет на умы (что очевидно), то почему не должны иметь такое же или иное влияние и другие передачи, в том числе информационные?

Аргумент номер 2. Публика достаточно умна, чтобы сама во всём разобраться. В любом случае, она свободна сама выбирать, что ей нравится. И никто, кроме душителей свободы, не может присваивать себе право обсуждать этот выбор. Короче, рейтинг стал высшим выражением и единственным эталоном демократии. Сомневаться может только цензор, антинародный представитель элиты, то есть антидемократ.

Довод просто смешной, точнее, издевательский. Если принять его на веру, то придётся, к примеру, отменить обязательное школьное образование. Современное общество сталкивается со множеством ограничений, установленных в интересах всех. Или мы уже докатились до того, что развлечения граждан, «зрелища» нероновских времён, стали единственной святыней современности? Даже если они могут повредить общественному здоровью? Даже когда из телеокна в дома миллионов ничего не подозревающих людей сливаются высокотоксичные продукты, особенно опасные для детей? Вопрос можно было бы сформулировать так: имеет ли информационная система страны что-то общее с интересами общества? Или нет? Если нет, то все свободны. Если да, то идолопоклонникам стоило бы призадуматься.

В связи с этим мне вспоминаются слова Карла Поппера. Этот философ и поборник либерализма рассказал как-то о споре, возникшем у него с одним важным руководителем немецкого телевидения, отстаивавшего «ужасные тезисы», среди которых следующий: «Мы должны дать людям то, чего они хотят». Поппер спокойно замечает: «Как будто можно узнать, чего они хотят, из статистики популярности телепередач. Это только данные о предпочтении, оказанном тому или другому из предложенных товаров». Поппер назвал впоследствии этот спор «невероятным», поскольку его собеседник был убеждён, что «его тезисы подкреплялись принципами демократии». На самом деле в этом нет ничего невероятного, поскольку именно подобные тезисы доминируют сейчас в итальянской журналистике. И не только в ней. Говоря словами Поппера, «ничто в демократии не оправдывает теории этого телевизионного руководителя, согласно которой создание худших с воспитательной точки зрения программ соответствует критериям демократии, по принципу «люди этого хотят» 77.

В реальности дело обстоит с точностью до наоборот: существует элита, решающая, чего хотят люди (не без обратной связи с публикой, разумеется, не в пустоте же они действуют), стараясь при этом опускаться всё ниже в плане вкуса, ума и приличий, потому что таким образом, уж это точно, рейтинг возрастёт. Социальные последствия такого поведения легко предсказуемы. А потом, когда выясняется, что наше общество рождает чудовищ, идолопоклонники удивляются: как же так? Последствия измеряются в долгосрочном плане и в глобальном масштабе, а не по хронометражу той или иной передачи. Посылаемые в эфир сигналы постепенно меняют вкусы, идеи, ценности. Те, кто контролируют эту плотину, сознают они это или нет (если нет, то тем

хуже), приобретают огромную власть и играют решающую роль в формировании общественного мнения. «Демократия не может существовать, если она не возьмёт под контроль телевидение» 78.

Именно по этой наклонной плоскости мы катимся к «плебисцитарным» демократиям. Процесс уже начался, хотя действительность Запада остаётся крайне разнообразной в силу традиций и структур высокой степени вязкости. Существование правил, законов, психологических типов не может прекратиться немедленно, на это недостаточно и нескольких десятилетий. Технология стремится вперёд, но это не означает, что психология народов и отдельных людей поспевает за ней и относительно быстро переваривает её плоды. Наоборот, может произойти реакция отторжения. Одна из них, уже принявшая всеобщий характер, проявляется в форме возрождения национальных особенностей. Это, видимо, попытка побега из глобальной деревни народов и наций, не сумевших покориться культурной агрессии. Они инстинктивно ищут убежища в знакомом и родном, в религии предков, в языке, в замкнутом пространстве племенных и семейных отношений. Они безуспешно пытаются огородить свои земли забором.

Всё вышесказанное вовсе не является отступлением, а напрямую связано с главной темой этой книги. Потому что всё это обрушилось на Россию с впечатляющей силой. То, что на Западе нелегко заметить в силу множества противовесов, обязанных своему существованию действенному и развитому гражданскому обществу, в России наблюдается в чистом виде. Российские реформаторы совершили грандиозную ошибку, не предусмотрев этого. Но здесь им снова помогло непонимание российских проблем внешним миром. Непонимание «понятное», поскольку сам Запад ещё не переварил эти проблемы в том, что касается непосредственно его. Дело в том, что при отсутствии ясного понимания происходящего Запад переусердствовал в своём стремлении подстраивать весь остальной мир под себя. Эта тенденция обострилась с окончанием холодной войны. С исчезновением глобального врага, воплощавшего культурную альтернативу, многие на Западе вообразили, что осталась одна-единственная культурная модель. Отсюда крайне упрощённая схема, старательно применяющаяся и по отношению к «третьим» странам (то есть незападным), лишённым альтернативы.

Что касается институтов и режимов, критерии просты: к власти можно прийти только конституционным путём. Затем нужно получить поддержку через легиобличитель-ствомтимные выборы, на которых у избирателей должна быть возможность выбирать из нескольких кандидатов. Наконец, оппозиции должна быть предоставлена возможность функционировать и выражать своё мнение. Всё это до сих пор является повсеместной практикой на Западе. Но за его пределами эти условия легко могут превратиться в чисто формальную фикцию. Бесполезно применять их в Камбодже или Боснии. Последствия будут трагическими и вдвойне бесполезными, поскольку первыми почуют обман

именно избиратели. Ещё хуже, если, как это было в Албании, международное сообщество увидит обман и промолчит, оправдываясь тем, что формальные правила более или менее соблюдены. А потом люди берутся за оружие и остановить кровопролитие нелегко.

В России дела обстоят ещё хуже, поскольку здесь проявились сразу две крайности: удручающая политическая и правовая отсталость и технический уровень, почти достигший развитых стран. Противоречие между формой и содержанием - к тому же решённое предельно цинично - является здесь в энной степени. А последствия разочарования в демократических процедурах растут в геометрической прогрессии, поскольку уровень общей культуры всё-таки не камбоджийский, хотя в том, что касается возможности личности защищать свои права, уместнее сравнение с Англией прошлого века. В этих условиях настойчивое воспевание «легитимности» «всенародно избранного» президента неизбежно привело к превалированию формы над содержанием. Российская интеллигенция собственными руками написала Конституцию 1993 года и даже не попыталась разузнать, насколько обоснованными были подозрения относительно шести миллионов голосов-призраков, благодаря которым она была «принята». Они даже не вспомнили, что в Риме правосудие было отделено от правительства ещё во II веке до н. э. и что до судебной реформы 1864 года Россия не знала независимого правосудия. Которое, впрочем, не развивалось с 1864 по 1987 год по хорошо известным причинам. Чего они ждали от страны, где большинство чиновников до сих пор не отличает закона от указа и от административного акта? Что наделённый безраздельной властью президент воспользуется ею более мудро, чем раньше? Чего они ожидали в стране, где до сих пор повсюду встречаются чиновники, словно сошедшие со страниц Гоголя и Чехова, «живущие на шее страны, словно чужеземные завоеватели среди покорённого ими народа». Нет, нет, это цитата не из Геннадия Зюганова, а из американского профессора Ричарда Пайпса, сказавшего это ещё в 1976 году 79.

Российская интеллигенция снова отправилась на поиски несуществующего обходного пути; Она снова потребовала абсолютных решений для себя и для мифического и мистического «народа», на выражение чьих интересов она упорно претендует. Она искала корни российского тоталитаризма в заимствованных у Запада идеях, вместо того, чтобы обратиться к российской истории и к российским институтам. Достаточно перечеркнуть пять-шесть веков российской истории, оставив только последние 70 коммунистических лет, и дело сделано. Вернее, сразу два дела: не нужно больше размышлять об отдалённом прошлом, а что касается недавнего, то мы знаем, кто виноват. И вновь повторяется старая ошибка, снова зло приходит только извне. Достаточно уничтожить его (в данном случае под злом подразумевается коммунизм) - и добрые качества российского народа предстанут во всём своём блеске. В этой точке сходятся и славянофилы, и западнические радикал-демократы. Чем и объясняется их союз против «эволюциониста» Горбачёва.

«Вы и вправду верите в легенду о добром русском народе, испорченном коммунизмом?» И тем, и другим стоило бы вспомнить, что - нравится или не нравится - русский народ показал себя не один раз. «Сталинские репрессии были проведены народом. И коллективизация тоже. И индустриализация, и потери в войне. И брежневский застой был порождён народом, как и нынешняя реформаторская лихорадка. И бессмысленный бунт - тоже дело рук народа» 80.

Вместо того, чтобы ограничить власть государя и определить для суверенитета народа чёткие правила, в рамках которых он может им пользоваться, предпочтение было отдано небрежному копированию заграничных конструкций. Они казались подходящими к случаю, и никто не догадался, что в других странах за определёнными правилами стоит история и что они имеют определённое содержание, механически перенести которое на российскую почву невозможно. После стольких тревог всем хотелось стабильности. Но её нельзя ввести указом, как и общественное согласие. «Стабильность западных систем определяется формами, правилами игры. Она предполагает нестабильность власть имущих. Стабильность же ельцинской Конституции - вопрос не формы, а содержания. Её функция - обеспечить власть определённому человеку и сосредоточившейся вокруг него правящей олигархии» 81.

Быть может, однажды историки решат повнимательнее изучить, кто же непосредственно создавал Конституцию 1993 года. И они увидят, например, подпись Анатолия Собчака, бывшего мэра Петербурга, ставшего впоследствии столь непрезентабельным (из-за своей славы взяткодателя и взяточника), что от него отреклись даже «Известия», с которыми он много сотрудничал и которые в своё время ему немало помогли. Против него ещё не было формального судебного разбирательства, и мы можем считать его невиновным, пока не будет доказано обратное. Но не исключено, что яростное подковёрное сражение с целью помешать всплытию его «дела» закончится поражением и разные сомнительные истории станут предметом внимания следователей. А ведь он так хорошо начинал. Но стоит продаться один раз - и удержаться становится трудно. Это как наркотик.

О других не так уж важно знать. Их было много: интеллигенты, юристы и очень большие демократы. Они поставили свои подписи под документом, который надолго отодвинет построение в России правового государства.

Именно благодаря новой Конституции Россия снова отдалилась - после того, как приблизилась благодаря «коммунисту» Горбачёву - от «логики западной политической жизни, уже принятой большинством посткоммунистических стран. Сегодня даже в странах с сомнительными демократическими традициями, как Румыния, Молдавия и Монголия, начал действовать механизм сменяемости власти. На смену романтикам-демократам, взявшим власть на волне антикоммунистических революций, вскоре пришли прагматики обновлённой номенклатуры. Теперь, похоже,

поднимается новая волна, и к власти возвращаются ставшие более сдержанными демократы. Подобная смена доказывает, что эти страны уже имеют демократический облик. И именно полная невозможность прихода к власти нашей основной оппозиционной силы, КПРФ (никто это никогда не допустит, и сами коммунисты это понимают, лишь делая вид, что стремятся к власти), означает, что в России всё же действует главный принцип коммунистической системы и политической культуры (недемократический, «азиатский» принцип)» 82.

Всенародно избранный? В 1991 году эта фраза ещё имела какой-то смысл. Российский народ, да простит его Господь, сделал свой выбор подавляющим большинством. Это его дело, тут Зиновьев прав, лишь бы потом не жаловался. Но в 1996 году его никак нельзя упрекать за повторение ошибки. Ему просто навязали этот шаг, всеми силами и средствами. Я уже говорил о различных аспектах информационного обмана, здесь же хочу лишь добавить доказательство, что иностранцы тоже это заметили. Не слепцы же они, в самом деле. Их можно упрекать только в том, что они не заговорили прежде, чем выборы закончились, а когда занялись обличительством, то сделали это шёпотом. Но я должен дать читателю маленький пример настоящей фальсификации, не той, которая предназначена сбить с толку избирателя до того, как он придёт на участок, а той, которая начинается после выборов и имеет дело с содержанием урн и подсчётом голосов. Я хотел бы заметить, что никто официально не подтвердил и не опроверг того, о чём я пишу восемь месяцев спустя после случившегося. КПРФ направила запрос в ЦИК и в Генеральную прокуратуру, но ответа не получила. Да и непохоже, чтобы коммунисты так уж страстно его добивались. Поэтому вопрос остаётся открытым.

Пока что, насколько мне известно, свою позицию по нарушениям в ходе президентских выборов 1996 года высказал только (при полном равнодушии окружающих) один ставропольский суд, приговоривший бывшую управляющую районной администрации Лидию Буримову к двум годам заключения условно, плюс к двум годам исправительных работ и выплате 7 514 000 рублей штрафа на основе статьи 133 УК (подделка избирательных документов) «в пользу Бориса Ельцина». Вместе с госпожой Буримовой были признаны виновными и председатели избирательных комиссий номер 112 (посёлок Кугульта) и 113 (посёлок Верхняя Кугульта). Выслушав приговор судьи Натальи Схоменко, секретарь краевой избирательной комиссии Александр Фирсов заявил, что «в свете установленных фактов Грачёвский округ, как и все остальные округа Ставрополя, не поддержал кандидатуру Бориса Ельцина» 83.

Ставропольский край велик, в нём проживает 1 870 996 избирателей. По официальным данным, Ельцин получил здесь 22,26% в первом туре и 40,41% во втором. Теперь мы совершенно точно знаем, что даже эти 22,26 (или 40,41, поскольку не совсем ясно, в каком из двух туров была осуществлена подтасовка) не соответствовали действительности. Если

критерии были близки к татарстанским (более 3 миллионов избирателей), то те 3% отрыва в первом туре весьма сомнительны. Естественно, это всего лишь капля в море. Но она заслуживает интереса. Однако же Генеральный прокурор Скуратов не нашёл времени и свободных сотрудников, чтобы прояснить этот вопрос.

Через несколько дней после второго тура я получил из источника, заслуживающего самого высокого доверия, несколько документов, которые в другой стране вызвали бы грандиозный скандал. Следует тут же уточнить, что они были также направлены в российские газеты и ряду иностранных корреспондентов, в том числе американцев. Никто из иностранцев, за исключением «Ла Стампа», ничего на эту тему не написал 84. То были фотокопии подлинных протоколов пяти территориальных окружных комиссий Татарстана вместе с официальной сводной таблицей республиканского ЦИКа, которая, по всей видимости, должна была опубликовать те же цифры. Данные касались 269 избирательных участков, а общее число голосов равнялось 329 474.

Очевидность подмены была поразительной. А ведь многие российские газеты описывали этот механизм задолго до выборов. Значит, один из возможных способов фальсификации был известен заранее. Итак: участки направляют протокол подсчёта голосов в окружную комиссию, у которой таких участков около 60. Задача окружной комиссии проста: свести вместе полученные данные и переслать их в республиканский ЦИК, который, в свою очередь, передаст общий результат в Москву. В описываемом случае сравнение данных, поступивших в окружную комиссию с теми, которые поступили в ЦИК Татарстана, выявило серьёзные различия. Речь шла, напомню ещё раз, о протоколах с участков, подписанных по меньшей мере 15 членами комиссии и заверенных печатью. На уровне участков подделать протоколы непросто, если вообще возможно, поскольку это означает подкуп представителей всех остальных кандидатов. К тому же фальсификация такого масштаба вовлекла бы слишком большое количество участников и сохранить её в тайне было бы невозможно. Документы же республиканской комиссии подписываются двумя-тремя чиновниками. Всё сильно упрощается.

В результате на выходе ни один из десяти кандидатов не имеет голосов, полученных на входе. С одной неизменно повторяющейся особенностью: девять из них всегда теряют и только один постоянно оказывается в выигрыше. Его имя? Борис Ельцин.

Возьмём конкретный пример - протокол по Авиастроительному округу, промышленному району Казани, столицы Татарстана. Здесь Ельцин победил с большим отрывом: 23 428 действительных бюллетеней. Но в сводной таблице он получает ровно на 4 тысячи больше - 27 428. Работа была проведена аккуратно: сколько добавили в одном месте, столько отняли в другом. У Зюганова отняли 1285 голосов, у Явлинского 897, у Жириновского 205. Даже генерала Лебедя, в последний момент ставшего «союзником» президента, облегчили на 1192 бюллетеня. А у

миллиардера Брынцалова, собравшего всего 64 голоса, отрезали 13 избирателей.

Если перевести подсчёт данных по всем 269 участкам в процентное выражение, то Ельцин получил на 20 процентов больше, Зюганов потерял 13 процентов (меньше всех остальных, видимо, именно его хотели видеть во втором туре, чтобы смертельно запугать избирателей), Явлинский - 21, Лебедь - 27, Жириновский - 36. Больше всех не повезло бедному Шаккуму, который набрал всего один процент, но ему его срезали наполовину. То же самое с Горбачёвым, у которого отобрали 42% из полученных им голосов. Но самое интересное - порядок остаётся тем же самым. В Татарстане в результате подтасовки никто никого не обошёл. В некоторых окружных комиссиях фальсификация была проведена более грубо, в других работали ювелирно. В целом по республике победил Зюганов, но дополнительные голоса, подаренные Ельцину, несомненно сказались на всероссийском результате.

Таким образом, пока международные наблюдатели - неизвестно, насколько честные и насколько наивные, - присутствовали при подсчёте на участках; чтобы поймать какого-нибудь простачка, засунувшего в урну пару лишних бюллетеней, фальсификация спокойно совершалась в самих комиссиях с помощью ручки и японского калькулятора.

Свидетельство иного способа подлога пришло из Москвы. Председатель столичного избирательного участка номер 1117 Владимир Чудин заявил, что при сдаче протоколов представители Московской окружной комиссии потребовали у него два чистых бланка с печатью и подписями всех членов участковой комиссии. За обнародованием этого обстоятельства также ничего не последовало. Что же до того, что происходило в те дни во всех 89 субъектах Федерации, в 93 тысячах участков, в тысячах окружных комиссий, в ходе передачи данных от одних к другим и, наконец, в ЦИКе, то этого мы никогда не узнаем.

Ясно одно - описанный механизм легко мог сработать повсюду. И похоже, что во многих регионах без него не обошлось. Разве трудно людям, обладающим средствами, чтобы скупить пол-России, в условиях, когда пол-России только и ждала покупателя, организовать систематические нарушения на уровнях окружных и региональных комиссий? Можно прикинуть, что речь шла о подкупе пары тысяч чиновников. Для этого достаточно миллиона долларов. Просто даром. В 269 татарстанских участках Ельцин набрал на 20% больше. Скорее всего, в менее благоприятных условиях «красных» регионов приписки были менее щедрыми в силу усиленного контроля противников. Но зато в верных ему областях он мог набрать и гораздо больше. Кстати, нельзя исключить, что и коммунисты действовали аналогичным способом в своих регионах. Но гипотеза «ничьи» в подлогах не выдерживает никакой критики, поскольку нигде избирательные комиссии не были в руках оппозиции.

В любом случае всё это только предположения и ничего больше. Они не имели бы никакого законного права на существование, если бы ЦИК и Генеральная прокуратура удосужились дать кое-какие объяснения. И если бы не потрясающее молчание тех, кто был обязан проверить все, даже самые худшие, предположения. Если они хранят молчание, значит, им нечего сказать. И, пока они будут молчать, каждый имеет право думать по этому поводу всё, что угодно. Мы знаем одно: 16 июня Борис Ельцин занял первое место с 35% голосов, всего на три процента больше Зюганова. В свете вышеизложенных фактов кто может поручиться, что Ельцин в самом деле победил в первом туре?

Это - заключительное кольцо цепочки. О предыдущих однажды расскажет нам студент-дипломник какого-нибудь американского университета, предварительно порывшись в подшивках газет того времени. Здесь мы можем только делать выводы из случайных примеров. Которые, тем не менее, показывают, насколько всё было очевидно, при свете дня. Тем, кто промолчали, нет оправдания.

Самое лучшее доказательство я получил от представителей самих СМИ, которые не могут изображать неведение. Мне припоминается реакция Сергея Доренко на закрытие его программы «Версии», выходившей на только что приватизированном ОРТ. Тогда он был ещё не такой толстокожий и, разговорившись с оппозиционным журналистом, публично обвинил Сергея Благоволина (генерального директора ОРТ) и Бориса Березовского (в то время заместителя генерального директора) в цензурных вмешательствах. «Они думают, - сказал Доренко, - что пропаганду нужно хорошенько начищать, как ствол «калашникова», чтобы каждый день стрелять телезрителям прямо в лоб» 85. Эти слова были произнесены 28 сентября 1995 года, в самый разгар кампании по выборам в Думу. Впоследствии Доренко, отстранённый от работы на несколько месяцев, передумал (и не за так) и сам превратился в дуло «калашникова».

Накануне выборов, сообщая о поражении бывших коммунистов в Монголии, «Московский комсомолец» вышел с расистским заголовком: «Даже монголы избавились от коммунизма. Мы, что, глупее?» А «Комсомольская правда» печатала на первой полосе воззвание писателя Виктора Астафьева: «Коммунисты всегда лгали. Если Сатана придёт к власти, Россия умоется кровью». «Известия», не столь устрашающие, ограничились тем, что заполнили всю первую полосу фотографиями далёкого и недавнего коммунистического прошлого: карточки, пустые витрины, нищета и серость. Заголовок гласил: «Пойди проголосуй за Ельцина, иначе всё это вернётся». Кто не встал в общий строй, оказывался предателем. Максимум на что были способны многие, так это вполголоса признать опасность такой тенденциозности в частной беседе. В будущем, когда коммунисты будут побеждены, ситуация «нормализуется» и журналисты смогут снова заняться своим ремеслом. Никто не думал о настоящем. Цель оправдывала любые средства. А пока что нравственному

авторитету демократической печати, выступившей против большинства населения, наносился невосполнимый ущерб.

Согласно данным мониторинга «Европейского Института СМИ», по трём всероссийским каналам систематически говорили хорошо только о Ельцине и, на последнем этапе, о Лебеде. Всех остальных кандидатов практически игнорировали. Несколько цифр: за две недели перед вторым туром Ельцин 247 раз упоминался в положительном контексте и ни разу в отрицательном. Зюганова же 241 раз помянули отрицательно и ни разу положительно. Директор Института, Бернард Петер Ланж, заявил: «Отсутствия существенных процедурных нарушений недостаточно, чтобы назвать выборы свободными и честными. Поведение СМИ запятнало демократический процесс» 86.

Разумеется, надо было быть слепыми, чтобы ничего не заметить. В США, однако, многие призывали не переусердствовать с критикой СМИ. Да, говорили они, некоторые продались власти, но большая часть независимых СМИ просто выражала, самостоятельно и с большим напором, свою позицию. Кто-нибудь когда-нибудь объяснит авторам этих заявлений, что они имеют смысл только тогда, когда между соперниками существует хоть относительный паритет? Любопытно, как нейтрально отнеслась «Нью-Йорк таймс» к некорректности российских телекомпаний во время избирательной кампании: «Во всём этом есть некий привкус мести. Коммунисты не соблюдали правил, когда правили страной, так почему же мы должны соблюдать их теперь? Так рассуждали «демократы». Причина, по которой государственные каналы игнорируют мистера Зюганова, очевидна - их руководители ясно дали понять, что прежде всего надо служить интересам президента» 87.

«Многие газеты отбросили всякую претензию на объективность, выстроившись по одну или по другую сторону идеологической баррикады… Даже менее пристрастные издания - «Сегодня», «Известия», «Независимая газета» - только вкратце информировали о противниках Ельцина и вообще избегали деликатных политических тем, как, например, здоровье президента» 88. Разумеется, мир прекрасен именно потому, что разнообразен. Один из наблюдателей от Совета Европы, швейцарец Эрнст Мулеманн, сказал на пресс-конференции 4 июля 1996 года, перед тем как сесть на самолёт, что «организация выборов была превосходной». А в доказательство того, что проблемы России стали совсем похожими на наши, добавил: «Для западных стран это хороший пример» 89.

Но наиболее ясно и откровенно итоги были подведены одной американской газетой, выходящей в Москве. Это неподписанная передовица заслуживает обширного цитирования. Сначала нам сообщают хорошую новость: Ельцин победил, а коммунисты проиграли. Но «плохая новость, даже при таком исходе, заключается в том, что результат выборов может ввести в заблуждение, поскольку был достигнут некорректными способами». Прежде всего, позорная тактика президента «подорвала моральную ценность его победы, как и мандата, полученного

на выборах». К тому же, продолжает «Москоу таймс», «подсчёт голосов, может, и был честным, но сама кампания была просто комедией». А роль СМИ, «безусловно поддержавших команду Ельцина, оказалась решающей, поскольку они полностью исказили содержание кампании Зюганова и потенциально критические моменты, вроде здоровья Ельцина». И наконец, «столь же важную роль сыграло превышение президентом своих полномочий во время кампании», в том числе в том, что касалось «количества денег, потраченных, чтобы остаться в Кремле, не только намного превзошедшего траты КПРФ, но и вообще все приемлемые границы. А то обстоятельство, что нет никого достаточно честного, кто бы предотвращал, вскрывал и карал этот произвол, заставляет с глубоким скептицизмом взглянуть на весь избирательный процесс» 90.

Глава 16. Великолепная восьмёрка

Жил-был когда-то один классик, чьё имя теперь звучит почти кощунственно, который утверждал, что политика является концентрированным выражением экономики. Иными словами (конечно, он, классик, так никогда бы не сказал), экономика - это бульон, а политика - кубик для него. В термодинамике это соответствовало бы антиэнтропийному феномену, поскольку, как правило, добавляя воду, мы получаем бульон из кубика, а не наоборот. Но в России всё возможно. По окончании «первого пятилетнего плана по форсированному введению капитализма» в политику вступают грабители (назвать их капиталистами в свете изложенного означало бы обидеть настоящих капиталистов). Они входят в неё напрямую, неприкрыто, с главного входа и даже не прибегая для этого хоть к каким-нибудь выборам. Мы же не в Америке, где миллиардер Росс Перо как настоящий камикадзе пытается стать президентом за свой счёт. В России политиками делаются бесплатно, ими назначаются.

Был ещё один классик (которого тоже нельзя цитировать), шокировавший мир заявлением, что правительства (буржуазные, разумеется) не что иное, как просто комитеты по делам крупного капитала. Он, конечно, преувеличивал. Его утверждение было слишком поспешным и поверхностным и, как следствие, ошибочным. Он вообще немало наломал дров. Ошибаться свойственно человеку. Но ему было бы приятно узнать, что - по крайней мере в том, что касается конкретной темы и конкретно России, - он оказался прав.

Началось всё довольно любопытно. Мелкая рыбёшка стала избираться в нижнюю палату парламента, в Думу. Причин тому немало. Во-первых, президентские выборы всё-таки бывают не каждый день. Маловероятно, что следующие (как бы не обстояли дела со здоровьем Ельцина) состоятся раньше 2000 года. А только что прошедшие, как мы знаем, были на волосок от срыва. Во-вторых, кресло в парламенте стоит дешевле. В-третьих, многие бизнесмены сочли, что пребывание в Думе может способствовать их предпринимательско-спекулятивно-банковской

деятельности. И наконец, для тех, кто уже «раскрутился», перед глазами маячила заманчивая возможность приобрести депутатский иммунитет.

Акулы на это время не теряют. Добиться кресла в парламенте не только дорого, но и неудобно. Они ждут подходящего момента и напрямую входят в исполнительную вертикаль. Далёкий от российских широт читатель снова обвинит меня в преувеличении. Но всё так и есть на самом деле. На эту тему публично хвастался Борис Абрамович Березовский, один из «восьмёрки», которой посвящена данная глава. Наверное, из всех её членов он самый «великолепный». И уж точно - самый предприимчивый.

Хвастался он в ставшем уже историческом интервью одной английской газете спустя несколько дней после своего назначения президентским указом заместителем секретаря российского Совета Безопасности 91. Приставка «заместитель» никого не должна вводить в заблуждение. Любой, кто имеет доступ во влиятельные московские круги, знает реальный вес «секретаря» Ивана Рыбкина, выловленного Борисом Ельциным для этой синекуры из забвения, последовавшего после его многочисленных неудач. Он был коммунистом, стал председателем первой Думы, потом переметнулся в лагерь президента, где был принесён в жертву на алтарь создания партии левого толка из пары проправительственных блоков (правую должен был организовать Черномырдин), выдуманной двумя ельцинскими гениями, Сатаровым и Шахраем (да убережёт меня Господь от друзей, а с врагами я сам как-нибудь разберусь). За этим последовал позорный провал на выборах, от которого Рыбкин спасся благодаря не божественному, а абсолютно земному провидению, став единственным кандидатом по одномандатному округу от партии, развалившейся ещё до рождения. Никто не знает, на какие деньги он провёл свою избирательную кампанию. Некоторые газеты писали, что по счетам платил Березовский. И вот они снова вместе. А как отказать старым друзьям?

Вернёмся к «заместителю», без экивоков заявившему, что экономикой всей страны управляет «великолепная семёрка». Он сказал что-то вроде: «Бульон - это мы». Именно мы напрямую или косвенно контролируем половину «голубых фишек» на российских биржах. Что же тут удивительного, если, диктуя правила игры в экономике, мы хотим делать то же самое в политике? Вот соль его речей - торжественное, именно антиэнтропийное заявление, согласно которому из бульона получается кубик. Известно же, что из яичницы можно получить целые яйца. Иными словами, обладатели крупных состояний, нажитых в поте лица в предыдущие четыре года, наконец-то захотели войти в политику и начать управлять не только своими банками, но и всей страной. Вот что значит сила примера. Берлускони был бы доволен - у него уже появились подражатели.

Кое-кто в «демократическом» лагере забеспокоился. Там начали клеймить государственный капитализм, учуяв взаимопроникновение

финансов и госбюрократии. Но экономика не является сильной стороной «демократов», как, впрочем, и политика, и этика. С государственным капитализмом происходящее не имеет ничего общего. Бизнесмены идут во власть потому, что в России благодаря ей можно сделать больше денег. Это не государственный капитализм, а, напротив, полная приватизация государства. Если она протекает в хищнических монополистических формах, если убивает конкуренцию (в прямом, а не переносном смысле), то это уже другой разговор, с которым надо идти к тем, кто писал указы российской рыночной «реформы», сидя в Гарварде, и получал за это щедрое вознаграждение от правительства Соединённых Штатов Америки.

Так или иначе, если Березовский сказал «Файнэншл таймс» правду, то это означает, что горстка банков держит в кулаке всю страну. Плацдарм для этого завоевания был взят штурмом в 1995 году. То был знаменитый обмен: ты, обанкротившееся государство, даёшь мне в залог акции ведущих предприятий страны (подробный перечень прилагается), а я одалживаю тебе 9 триллионов рублей (на тот момент равных 1,8 миллиарда долларов). Если через год ты окажешься не в состоянии выкупить их обратно, то акции перейдут в нашу собственность. Говорят, что это операцию придумал Владимир Потанин вместе с Березовским. Вроде бы именно они предложили сформировать консорциум банков-»кредиторов». Которые - смотри, какое совпадение! - как раз и представляют группу ростовщиков, ставших хозяевами. Всё это с отеческого благословения Чубайса, первого вице-премьера правительства, которого Ельцин тогда ещё не прогнал с криком «Во всём виноват Чубайс!».

Согласно авторитетным оценкам, пакеты акций заложенных предприятий стоили от 6 до 10 раз больше. Но не будем терять время на такие мелочи. История и без того достаточно аппетитная. Итак, Владимир Потанин и Борис Березовский запускают идею «залога». В руки нескольких российских банков переходят пакеты акций нефтяных компаний «Юкос», «Сиданко», «Сибнефть», комбината «Норильский никель» и Липецкого металлургического комплекса. Формально это должно было происходить на конкурсной основе. В действительности эти предприятия стали приятным подарком от правительственного лобби, возглавляемого - угадайте кем? - Чубайсом. Некоторые недопущенные до дележа банки (не настолько «друзья друзей», как остальные) возмутились. Но никто не пошёл дальше вежливо выраженного несогласия, даже Пётр Авен, президент «Альфа-Банка». Право, не стоит, а то там, наверху, все такие мстительные.

В России всё делается почти открыто и нет нужды в излишних предосторожностях. Как написал один из самых беззастенчивых российских журналистов, Александр Беккер, «немногие поняли, что в условиях переходной экономики государство видит благо не в равноправном конкурсе, а в передаче в надёжные руки под видом

конкурса той собственности, которая стала тяготить его» 92. Просьба заметить, что данная статья была панегириком Владимиру Потанину, к тому времени покинувшему кресло президента «ОНЭКСИМбанка» ради поста первого вице-премьера. Обратите внимание на альтруизм, с каким заинтересованные банки берут в свои «надёжные руки» собственность, ставшую в тягость государству. Если взглянуть на список этих банков, то мы получим ответ на некоторые из интересующих нас вопросы и познакомимся с частью «великолепной семёрки». Это «Логоваз» (Березовский), ОНЭКСИМбанк (Потанин), «Менатеп» (Ходорковский), «Мост-Банк» (Гусинский), «Столичный» (Смоленский). В операции не участвуют «Альфа-Банк» (Авен) и «Инкомбанк» (Виноградов), которых тем не менее Березовский включает в перечень «хозяев России», а «Файнэншл таймс» удостаивает титула «фактического правительства России».

«Сделка» предлагается правительству 31 марта 1995 года и всего через несколько месяцев вступает в силу. Установлено, что срок «займа» истекает 1 сентября 1996 года, после чего акции беспрепятственно перейдут к вышеперечисленным банкам. Теперь понятно, что они были так заинтересованы в победе Ельцина. Беда в том, что для победы Борису Николаевичу нужен ещё и Лебедь, который вместе со своим экономическим советником Сергеем Глазьевым суёт нос в это дело и начинает шуметь. Не слишком громко, впрочем. Тогда (в ожидании подходящего момента для увольнения этого надоедалы Лебедя) достигается компромисс: государство будет контролировать продажу акций третьим лицам; «Норильский никель» и «Северо-восточное пароходство» (ещё одно предприятие, присоединившееся к делу) нельзя будет продавать иностранцам; три нефтяные компании смогут продать за границей максимум 15% своих акций. В результате «Менатеп» получил «Юкос», «ОНЭКСИМбанк» - «Норильский никель» и «Сиданко», Березовский наложил лапу на «Сибнефть».

Большой хапок. Вот так был поделён один из самых крупных и соблазнительных кусков российского пирога - по «обезьяньему» принципу. Выражение не моё, оно принадлежит человеку, увязшему во всех этих делах по горло и прекрасно знающему все подробности. «Обезьяна, - поведал публике Александр Смоленский, - по природе своей дальтоник и не отличает жёлтых бананов от зелёных. Поэтому она хватает всю связку и поедает их один за другим. Так было и у нас: сначала набросились на заводы и магазины и только потом взялись за подсчёты: это я не потяну, на это у меня нет денег, а вот это подойдёт» 93. Он тоже, похоже, набросился на бананы.

В этих довольно конкретных рамках и разворачивалась операция, приведшая к победе на выборах Бориса Ельцина. Ведь именно эти боссы порекомендовали президенту призвать обратно Анатолия Чубайса, выброшенного из правительства в начале 1996 года, и поставить его во главе предвыборной команды. Именно они тайно перечислили три миллиона долларов на президентскую кампанию (сегодня мы знаем,

насколько смешна эта сумма, которую можно считать разве что маленьким авансом). И наконец, именно они (вместе с Чубайсом) в последний момент придумали союз Ельцина с Лебедем. Березовский это подтверждает:

«Бизнес осознал, что если бы он не объединился, если бы мы не повели себя решительно и сильно, то у нас не было бы никаких шансов» 94. В свете вышесказанного всё это означает, что Россия оказалась в руках финансовых спекулянтов, не имеющих почти ничего общего с капиталистической конкуренцией.

Истории этих персонажей отчасти отличаются, и, как мы увидим, эта глава не случайно посвящена не «семёрке», о которой говорит Березовский, а «восьмёрке». Но между ними есть и много общего. Во всех этих стремительных карьерах присутствует тень спекуляции и обмана (нередко не преследуемого законом в силу отсутствия соответствующих норм). Показательным примером является сам Березовский, чей капитал не имеет ничего общего с предпринимательской деятельностью и даже с тем, что на Западе называется «рискованной спекулятивной деятельностью». Ничего подобного. Здесь мы имеем дело с замаскированной куплей-продажей, незаконным или фиктивным экспортом и разнообразными махинациями, требующими широкой и сложной сети коррупционных связей с государственными чиновниками, государственными предпринимателями, бюрократами различного уровня, полицией, таможней и т.д. Основатель «Логоваза» начинал как экспортёр автомобилей, производившихся на ВАЗе, где президентом был тогда Владимир Каданников. Нам неизвестно в деталях, о чём они договорились, но часть продукции продавалась «Логовазу» по льготным ценам за рубли для дальнейшего экспорта. Не корысти ради, но хотелось бы знать: видел ли кто-нибудь декларацию о доходах Каданникова? А ведь, будучи «большим выборщиком» Ельцина, он даже некоторое время пробыл в правительстве Черномырдина на должности первого вице-премьера.

Говорят, что на деле «Логоваз» вовсе ничего не вывозил, то есть делал это на бумаге, а затем реимпортировал автомобили и продавал их по внутренним ценам, приумноженным инфляцией. Десятки тысяч автомобилей были куплены, условно говоря, за 10 и перепроданы за 10 тысяч. Вычитаем взятки производителям, министрам, таможенникам, милиции и т.д. Получаем Березовского, не облагаемого налогом. А ведь Борис Абрамович подал в суд на авторитетный американский журнал «Форбс», чёрным по белому написавший, что он заказал убийство Владислава Листьева. Оставим суду право решать, насколько достоверна информация «Форбс» 95, озаглавившего свой репортаж «Самый могущественный человек в России (нет, это не Борис Ельцин)» и безжалостно добавившего ниже подзаголовок «Кремлёвский крёстный отец?». Хочется просто спросить кого-нибудь из российских прокуроров: разве вы не знали, что ещё до «Форбс» об этом писали многие

оппозиционные российские газеты? Этого хватило бы, чтобы завести дело, начать расследование, не дожидаясь заявлений от потерпевшего. Но никто ничего не открывал, и следствие по делу Листьева до сих пор не сдвинулось с начальной точки, когда молодого человека нашли в подъезде его дома с пулей в черепе.

И разве дело только в убийстве Листьева! Интересно было бы знать, через какие российские банки перекачивались в 1995-1996 годах триллионы рублей, выделенные правительством на восстановление Чечни, в то время как российские бомбардировщики по-прежнему сеяли в ней смерть и разрушение. По мнению Андрея Пионтковского, директора Московского Центра стратегических исследований, Березовский - «один из тех, кто спекулировал на этой войне, поскольку деньги проходили через московские банки, имевшие к нему самое прямое отношение» 96.

И тут вспоминается часто встречающееся успокаивающее объяснение «криминального капитализма», с помощью которого Запад обычно отмахивается от проблемы, ставшей уже слишком заметной, чтобы её игнорировать. Мишель Тату, например, как и многие другие, считает, что неизбежно дикий по форме этап первоначального накопления приведёт затем ко второму этапу, когда новым богачам понадобится защитить своё состояние. Что потребует введения законов и правил, которых новые хозяева станут придерживаться и которые по их указке будут приняты каким-нибудь властным органом, имеющим легитимную поддержку. Схема сама по себе неплохая. В Англии всё так и было четыре века назад. В Америке был Дикий Запад. Но сколько на это понадобилось времени? Несколько веков. Невозможно за несколько месяцев перейти от силы кольта к силе закона. Как и Россия не в состоянии сменить пистолет Макарова на римское право за несколько лет. К тому же международное положение изменилось и взаимозависимость государств возросла по сравнению с 1500 годом. А природные богатства России огромны. Из чего следует, что период первоначального накопления может продлиться намного дольше, само накопление стать (уже стало) гигантским, а даваемая им власть настолько большой, что не будет уже нуждаться ни в каком узаконивании, кроме грубой силы. И тогда она может выплеснуться за пределы России.

Если вдуматься, то единственная преграда состоит в количестве конкурентов. Если в результате отбора их останется мало, то они смогут договориться и навязать свою волю (то есть свой закон) всему обществу. Если их по-прежнему будет много, то криминальный этап может растянуться ещё надолго. А что будет, если криминал консолидируется в своём нынешнем качестве? Как это отразится на будущем? Какой тип общества он создаст?

Все эти вопросы остаются открытыми и тревожат не только россиян, но и весь остальной мир, способствовавший началу этого процесса, не подумав предварительно о его масштабах и степени управляемости. Россия - не Албания, но ошибки мы там допускаем те же. Последствия же

будут количественно иными, поскольку качественно отличаются предпосылки. Можно замолчать (как это сделало мировое сообщество) поведение Демократической партии Али Бериша, сфальсифицировавшую выборы и установившую в Тиране криминальный режим. Жертвы будут измеряться всего лишь десятками и гражданскую войну легко будет остановить. Но последствия узаконивания криминального режима в России устранить не так просто. Через десять лет может обнаружиться, что сторонники нынешнего российского режима обвиняются потомками в глупости, в неспособности понять стратегические интересы Запада в то время, когда они предавали его священные принципы.

Вот почему так называемая «российская рыночная реформа» в конце 1996 года казалась кошмаром вездесущего государственничества, олицетворяемого правительственным аппаратом, ещё более всеподавляющим, чем его предшественники. В то же время она привела к агрессивному капитализму, управляемому громадными и вездесущими частными корпорациями. На первый взгляд, эти два явления противоречат друг другу, как это часто случается в России. На самом деле и то, и другое соответствует действительности. При одном условии: что у бюрократического кошмара и грубого и агрессивного капитализма находится множество общих интересов и полная взаимозависимость функций и людей. Разумеется, речь идёт о тактике, поскольку сегодня в России никто не способен мыслить стратегическими категориями. Что не исключает (скорее, наоборот) существование глубоких разногласий. Просто в 1996 году этот временный, тактический симбиоз стал достоянием гласности.

Теперь, чтобы разобраться - поскольку всё происходит под ковром, - надо посмотреть на свет группировки внутри Власти. Тем более что после Ельцина именно их борьба определит новое её лицо. Одна из них - группа Анатолия Чубайса, включающая в себя Потанина, экс-министра финансов Александра Лившица, министра экономики Евгения Ясина и председателя Центрального банка Сергея Дубинина. В Америке их называют либералами, то есть они радикалы во всех отношениях.

Другая связка, резко отличающаяся от предыдущей, возглавляется Виктором Черномырдиным. Следующее звено - Рем Вяхирев, могущественный шеф «Газпрома» и множества финансово-промышленных групп, выросших из министерских структур советских времён и превратившихся - только по названию - в акционерные общества. Вот почему я назвал главу «Великолепная восьмёрка»: чтобы окоротить хвастуна Березовского и напомнить, что «семёрка» вынуждена оспаривать власть у газпромовского колосса и его людей. Это - очень важный компонент правящей олигархии и не упоминать о нём было бы серьёзной ошибкой.

Если присмотреться ещё внимательнее, то можно обнаружить внутри этих двух группировок поразительное сходство, которое в будущем может привести к неожиданным новым альянсам. Ситуация достаточно

запутанная. Раздел проходит не только по линии частное-государственное или либералы-государственники. Например, «ОНЭКСИМбанк» Потанина входит в «семёрку» и в правительство его привёл Чубайс. Но его банковско-промышленный облик очень похож на вяхиревский «Газпром». Оба они - слепки с советских структур. Не случайно Потанин назвал своё детище «частным банком с государственным мышлением», а самого его «Итоги» окрестили «государственным чиновником с мышлением государственного капиталиста» 97. А за «ОНЭКСИМбанком» стоит мощная нефтепромышленная группа, в которой блистают «Сургутнефтегаз», «Юганскнефтегаз», «Росвооружение», «Алмазы России - Саха», алюминиевый комбинат в Новокузнецке и т.д. «Газпром» же вырос из праха Министерства газовой промышленности СССР и, в свою очередь, опирается на армию менее крупных предприятий и банков, среди которых «Национальный резервный банк» (А. Лебедев), «Лукойл» - «Империал Банк», «Автобанк» - «Ингосстрах» - ГАЗ. А рядом с двумя основными группами действуют другие мощные альянсы, то играющие самостоятельно, то присоединяющиеся к тем или другим, как, например, «Инкомбанк» - Магнитогорск - «Самеко».

Так или иначе, с приходом Чубайса в президентскую администрацию банки, похоже, в целом перевесили промышленно-финансовых гигантов, дав дополнительный толчок превращению российской экономики в конгломерат почти исключительно спекулятивно-финансовых интересов. Интересно мнение на этот счёт Андерса Ослунда, до сих пор тенденциозно поддерживавшего Чубайса. Он, например, заявляет, что «некоторые из этих банкиров пользуются правительством как рестораном самообслуживания». И неожиданно сообщает, «что самый тревожный случай - Потанин, похоже, берущий по миллиону долларов зараз» 98. Разве Ослунд и Чубайс поссорились? Всего лишь год назад наш Ослунд уверенно воспевал «российскую нормальность» в «Вашингтон пост» 99. Этим он отличается от Джеффри Сакса, который уже в конце того года выказывал признаки кризиса, если не совести, то убеждений. Советник Гайдара в 1992 году и министра финансов Бориса Фёдорова в 1993 году признал, что дела в России идут худо 100. А ещё через несколько недель подававший такие надежды молодой человек впал в чёрную меланхолию, узнав самого себя в портрете хирурга, который во время операции обнаружил, что ошибся в пациенте и болезни.

Сравнение правильное: пациент был совсем не тем, за кого его принимали, а диагноз был поставлен ошибочно. Но доктора всё равно решили резать. И даже после того, как «экономисты на экспорт» начали понимать, что попали впросак, им по-прежнему недостаёт смирения помолчать или извиниться. Сакс пишет, что реформа не пошла потому, что «ЦК КПСС, из которого вышла большая часть нынешнего руководства, был глубоко коррумпирован». Стоп, подождите. У меня два возражения. Как? Вы не знали, что Советским Союзом правит глубоко коррумпированный ЦК? Да вы что? Вы вообще отличаете, скажем,

Асунсьон в Парагвае от Берна в Швейцарии? К тому же вы и в самом деле уверены, что нынешнее руководство вышло именно оттуда? Что и в самом деле «в годы распада СССР аппаратное руководство конвертировало политическую власть в финансовые рычаги зарождавшейся рыночной экономики»?

Это лишь одна из многих вопиющих глупостей, всё ещё имеющих хождение. Но для хирурга, оперирующего пациента, это не оправдание. К тому же глупость легко разоблачить. Ведь если «аппаратные руководители» в своё время ухватились за рычаги власти, то должны по-прежнему ими двигать. Где же они? Некоторые на виду, в правительстве. Но их мало и, за исключением Черномырдина, они не столь могущественны. Как мы уже говорили выше, создаётся впечатление, что они скорее перешли на службу к подлинным гигантам. Большая часть «аппаратных руководителей», напротив, была сметена прочь в первые два года. Невооружённым глазом можно заметить, что в мире финансов царствуют сорокалетние. Десять лет назад они ещё были юнцами, в лучшем случае низовыми комсомольскими руководителями.

Хотите проверить? Посмотрим на биографии «семёрки». Самый старый - Березовский (51 год). За ним следуют 44-летний Гусинский, 43-летний Смоленский, два 42-летних, Авен и Виноградов, молодой человек 36 лет (Потанин) и 33-летний юнец Ходорковский. С политической точки зрения только Ходорковский и Смоленский имеют какое-то отношение к комсомолу, в котором они занимали второстепенное положение на уровне первичек. Остальные пятеро не имели ничего общего с политикой. Это средние кадры науки и производства или же вовремя вскочившие на поезд студенты.

По правде говоря, нетрудно отыскать и противоположные примеры, вроде Вяхирева. 62 года, бывший директор завода, заместитель министра газовой промышленности СССР, ныне председатель совета директоров РАО «Газпром». Или Яков Дубенецкий, 60 лет, сделавший всю свою советскую карьеру в стенах «Промстройбанка» (в то время его называли «Министерством по инвестициям») и ставший теперь его президентом.

Им определение, данное Саксом, подошло бы, но с существенными поправками. Их также нельзя назвать «аппаратными руководителями», они принадлежали к низшему и среднему звену. К тому же можно сказать, что они внесли свой вклад в нынешнюю катастрофическую ситуацию, но нельзя утверждать, что ответственность лежит только на них и что именно они пустили ко дну реформу. Которая, разумеется, по мнению Сакса, восторжествовала бы, если бы дали дорогу новому поколению. Мы уже увидели, что новые не намного лучше старых (смотри карьеры Потанина и Березовского, протекавшие в паразитическом симбиозе с государственными структурами, основанные на старых советских внешнеторговых организациях). Проблема в том, что любая попытка реформы должна была отталкиваться от конкретных условий данной страны. К которым относятся и люди, призванные воплощать её в

жизнь. Изумление Сакса после «сюрприза» с неадекватными исполнителями совершенно неуместно. Оно лишь подтверждает, что авторы реформы не знали, с кем и с чем имели дело. Их объяснение провала одновременно ошибочно и неприемлемо. Остаётся только надеяться, что их больше никогда не пригласят работать в России.

Ошибка серьёзнее, чем кажется на первый взгляд. Мифические «аппаратные руководители» не смогли бы (за редкими исключениями, только подтверждающими правило) перевести свою политическую власть в бизнес по той простой причине, что они не знали, что это такое. Подавляющее большинство руководителей коммунистической номенклатуры не знали даже, что такое деньги. Причина проста, она под самым носом Джеффри Сакса, но он её не замечает и не понимает: пользуясь самыми разнообразными привилегиями, аппаратчики не нуждались в посредничестве денег. Никто из них (кроме среднеазиатских сатрапов) к ним даже и не прикасался. Да и на юге предпочитали золото, драгоценные камни, ковры, подарки. Деньги представляли опасность, с ними богатство становилось заметным. Тратить их значило оказаться на виду. А иметь и не тратить - всё равно что не иметь. Можно сколько угодно говорить о коррумпированности советской номенклатуры, но «богатой» в западном понимании она не была. И тем более не испытывала склонности к предпринимательской деятельности.

Советская система была необычной и в этом смысле. Люди, взошедшие на её вершину, чисто психологически не могли выйти за некие рамки. И не старая коммунистическая номенклатура, а самые низшие кадры государственной и партийной администрации оказались в состоянии справиться с новой ситуацией. Именно они в советские времена обслуживали материальные потребности номенклатуры, они держали в руках деньги, платили государственными средствами и клали себе в карман разницу, общались с Западом, имели пусть и искажённое, но понятие о рынке. А главное, сталкиваясь со скудной государственной торговлей, они входили в прямое соприкосновение с безбрежным морем теневой экономики, с чёрным рынком, плодотворной почвой для зарождения советской мафии.

Вот откуда пришло новое российское руководство. С коммунизмом оно не имеет ничего общего, кроме одной характеристики: эти гномы, рождённые болотистой почвой на обочине плановой экономики, были полностью лишены каких бы то ни было идеалов, они были циничны, грубы и склонны к применению силы. С исчезновением идеологических тормозов, с ослаблением репрессивной узды авторитарного однопартийного государства они начали кусать всё и всех. Какой способности управления социальными противоречиями, какой мудрости и дальновидности мы можем ждать от юноши вроде Петра Авена? Став министром внешнеэкономических связей в 1992 году, ему меньше чем за год удалось ликвидировать государственный контроль над внешней торговлей и перемещением товаров и капиталов. Результат - падение

вдвое объёмов российской торговли, крах товарного экспорта и уход России со всех рынков, на которых она худо-бедно присутствовала. Чего ещё ожидать от человека, думающего,. что «политика - это ничто иное, как выгодное размещение капиталов» 101.

С этой точки зрения бинарные схемки «реформаторы-консерваторы», «либералы-государственники», «коммунисты-демократы» выглядят просто смешно. Водоворот недолговечных альянсов пост-перестроечных лет показывает, что любая попытка свести российские конфликты к идеалам и идеологиям обречена на провал. И снова конкретные примеры намного убедительнее пустопорожних рассуждений. Различные Киселёвы, Сванидзе, Шараповы и Сорокины кричат с телеэкрана о защите демократии и свободы. Но они вдруг умолкают, когда Владимир Шумейко заявляет, что «в России демократия в чистом виде невозможна» (мысль весьма схожая с теми, что высказывает бич вышеперечисленных лиц - Александр Лебедь) и что, следовательно, «в случае отмены выборов нельзя говорить о конституционном кризисе». Правда, добавил тогдашний председатель Совета Федерации, в Конституции написано, что парламент первого созыва избирается всего на два года, но «ни одна правовая норма не указывает, что этот срок нельзя продлить» 102.

Шумейко был твердокаменным демократом, одним из советников Ельцина, поставленным во главе Сената как раз для защиты его интересов. Мы уже видели, что президентское окружение кишело потенциальными путчистами и жуликами всех мастей. Можем ли мы предположить, что Шумейко поделился своими мыслями только с журналистами ИТАР-ТАСС? Или же естественно думать, что он открыто обсуждал их с президентом? Или нам снова будут твердить, будто уже тогда президент был настолько отрезан от реальной жизни, что ничего об этом не знал?

Точно так же неостановимое восхождение «великолепной семёрки», вернее, «восьмёрки», демонстрирует нам, что схватки внутри российской олигархии имеют совершенно конкретное содержание, действительное только для текущего момента, и совершенно бесполезно пытаться провести на их основе политические и идейные демаркационные линии. Достаточно вспомнить «Заявление 13» банкиров (в том числе и из «семёрки»), опубликованном «Независимой газетой» 27 апреля 1996 года, когда рейтинги Ельцина и Зюганова только-только сравнялись и никто не мог быть уверен в победе. А ведь казалось, что для неё уже сделаны все-все траты, все обманы, все кражи. Вот как главный редактор «Независимой газеты» Виталий Третьяков описывает то время: «Я хорошо и довольно давно знаком с большинством подписавших заявление банкиров. Можно думать о них всё, что угодно, но им не откажешь в определённой способности оценивать ситуацию. Да, в последние годы они все страдали от своей партийной принадлежности, формально никак не закреплённой, но заставившей их, тем не менее, предпочесть партийную точку зрения многопартийной, то есть объективной. Не

побоюсь, однако, утверждать, что в последние полтора месяца они круто изменились. Я бы сказал, они помудрели. В феврале, когда в Давосе они договорились отказаться от междоусобной борьбы и ставить исключительно на победу Бориса Ельцина, делегировав Чубайсу миссию организовать президентскую кампанию за счёт финансового капитала, ими ещё двигало классовое мышление: если наш кандидат победит, всё (или почти всё) будет хорошо. Теперь они поняли, что хорошо не будет даже если он победит» 103.

Дух момента передан безупречно. Господа банкиры - разумеется, исключительно в интересах человека с улицы и общества в целом - писали: «Общество расколото. И этот раскол катастрофически возрастает день за днём. Трещина, разделяющая нас на красных и белых, на наших и не наших, проходит через сердце России». Если не обращать внимания на избыток риторики, диагноз абсолютно правильный. Конечно, можно было бы спросить у этих господ, не способствовали ли они такому положению своими делами. Третьяков тоже косвенно обвиняет их в членстве в партии Власти. Но теперь они протрезвели. Как говорится, лучше поздно, чем никогда. К сожалению, за этим проблеском раскаяния, во многом вызванном страхом, стоят игры, имеющие мало общего с благими намерениями залечить раны и зацементировать трещины.

Выяснилось, что в апреле все вдруг захотели отменить выборы. Этого хотели банкиры, Коржаков и прочие «ястребы» вокруг Ельцина, и даже Зюганов, кричавший на площадях о необходимости уважать конституционные сроки. Он-то отлично знал, что никогда не выиграет по тысяче и одной причине. Ему помешали бы его российские противники и Запад. Ему надо было привести свою огромную армию к поражению, до последнего убеждая её в близости победы. Поскольку так или иначе пришлось бы проиграть, то вопрос заключался в том, насколько проиграть. Нельзя было потерпеть полный разгром, никто бы в это не поверил. А тогда массы могли бы выйти из-под контроля и пойти на площадь. Проиграть же на волосок дало бы впоследствии возможность начать переговоры и, быть может, прийти к почётному компромиссу. Но для этого необходимо было заключить соглашение с будущими победителями, что в свою очередь предполагало хоть каплю политического ума у обеих сторон. А этого, учитывая прецеденты, никто не мог гарантировать.

Ясно было одно - победа коммунистов невозможна. И опасна. Борис Ельцин не любит шутить. Он сам и все его люди неоднократно давали понять, что не смирятся с поражением. Именно они постоянно угрожали гражданской войной, разумеется, представляя дело так, что «красные» толкнут разъярённый плебс на погромы богатых, принуждая их к самообороне любыми средствами. А потом иди докапывайся, кто же выстрелил первым. Эту песню месяцами пели все (почти) государственные СМИ, не обращая внимания на то, что в случае победы коммунисты занялись бы репрессиями в последнюю очередь. Наоборот,

они всячески бы старались показаться открытыми, терпимыми, уважающими собственность в отчаянной и заранее обречённой попытке сохранить займы МВФ.

Зюганов отлично знал, что никто не даст ему реализовать даже безобидный кусочек своей программы социального уравновешивания, которое, кстати, считалось приоритетной задачей Явлинским, Лебедем и Фёдоровым. Утечка капиталов превратилась бы в мощный поток, заграница восстановила бы все старые барьеры. Вот почему Ельцин предостерегал внешний мир предвыборными заявлениями, отдававшими угрозой и шантажом: «Мы никогда не допустим поражения реформ!», «Победа Зюганова? Это невозможно!» Единственный возможный перевод этой фразы гласит: «Я не подчинюсь воле избирателей, если они поддержат не меня». А Зюганов в это время, отбиваясь от западных журналистов и пособников российской Власти, повторял, что «кандидаты должны заранее заявить о признании результата выборов, каким бы он ни оказался». Кое-кто даже написал, что это - нахальная декларация уверенности в собственной победе. На самом деле это был сигнал команде противника: «Мы примем поражение, не будем организовывать беспорядки, приструним самых непримиримых наших сторонников».

В этой атмосфере Алексей Подберёзкин, идеолог, придумывающий реплики для Зюганова, после долгих секретных переговоров с Коржаковым и компанией наконец усадил за стол и некоторых банкиров. Так и родилось «Письмо 13-ти». Зюганову не пришлось бы проигрывать, что всегда обидно. Ельцину не пришлось бы выигрывать, и он спас бы остатки своего здоровья. Решение проблемы отложилось бы на будущее, коммунисты более или менее беспрепятственно вошли бы в правительство и разделили бы с ним ответственность настолько, чтобы не потерять лицо, обеспечив в то же время спокойствие и стабильность банкирам (что они в результате и сделали). Наконец, учитывая слабое здоровье Ельцина, коммунисты могли бы рассчитывать, что он вскоре сойдёт со сцены и им придётся иметь дело с более слабым кандидатом, а заодно - кто его знает? - за это время и самим найти менее одеревенелого и более яркого лидера.

Банкиры всё схватили на лету. Вариант их устраивал, так как избавлял от целого ряда неприятностей. Сами банкиры описывали их так: «Острота предвыборной борьбы толкает политиков разрезать клубок проблем одним ударом. Стоящие за ними силы ждут своего часа. Они выйдут на свет на следующий день после победы, неважно какой из сторон. Это произойдёт с роковой неизбежностью, даже вопреки желанию отдельных лиц. Июньское голосование отразит волю меньшинства, всё равно, белого или красного, которое получит мандат устанавливать правила жизни, отвергаемые большей частью общества» 104.

Третьяков был прав. Банкиры протрезвели. В феврале в Давосе они бросили стране перчатку вызова. Три месяца спустя они поспешно включили задний ход, осознав, что даже в случае победы Борис Ельцин

стал бы президентом меньшинства. В лучшем случае он мог рассчитывать на 30% электората. А в России такой президент не может удержать руля. Банкиры поняли, что ещё одни выборы на одном антикоммунизме не выиграть. Требовались дополнительные и весьма существенные решения, каждое из которых было сопряжено с риском. Объятие смертельных врагов Березовского и Гусинского на фоне очаровательного швейцарского пейзажа угрожало стать бессмысленной жертвой. А ведь само по себе оно уже было событием, если верить Коржакову, поведавшему однажды, что во времена их дружбы Березовский неоднократно просил его убить Гусинского руками одной из его спецкоманд 105.

Естественно, четыре американских мушкетёра, запертых на одиннадцатом этаже «Президент-отеля», ничего не подозревали. Для них, как для самых настоящих американских простачков вроде форсайтовского Монка, антикоммунизм был единственной картой, на которую надо было ставить до конца. Когда после победы они покинули Москву, то были по-прежнему уверены в своей правоте. Не зря же они потом стали хвастаться «Тайм». Американцы не поняли, что в Москве «демократические» выборы проводятся по иным критериям. И не могли знать двух важнейших обстоятельств: что операция по смыканию с Зюгановым провалилась, правда, не по их вине, и что антикоммунизм-то как раз и не сработал. По крайней мере, в одиночку бы он победы не принёс.

Что касается первого, то объясняется всё достаточно просто. План «Подберёзкина-Березовского» был слишком сложен в исполнении. Для таких дел требуются трезвые во всех отношениях люди, а по опыту было известно, что в последние семь лет почти все острые моменты переживались их основными действующими лицами в состоянии полного или частичного опьянения. Пили все путчисты августа-91, начиная с вице-президента Геннадия Янаева и премьера Валентина Павлова. Кажется, единственным трезвым тогда был шеф КГБ Крючков. Пьян был и Ельцин, как раз в тот вечер вернувшийся из Алма-Аты. Более чем навеселе были и три президента, покончившие с СССР на даче неподалёку от Бреста. Не говоря уже о толпах пьяных в октябрьскую ночь, когда принималось решение о расстреле Белого дома. Сложные шахматные партии не разыгрываются на таких «зияющих высотах» потребления алкоголя. Ничего не стоит неловким движением смахнуть на пол все фигуры.

Что же касается антикоммунизма, тут банкиры проявили прямо-таки блестящую интуицию. Россияне показали высокий уровень сопротивляемости обману, несмотря на очевидный недостаток демократического опыта. Они не пошли дальше пассивного сопротивления, но предвыборные данные были неумолимы. И вот пришлось вынуть из цилиндра фокусника генерала Лебедя, да ещё применить немалое количество пятновыводителя. Но американцы ничего об этом не знали. «Письмо 13-ти» промелькнуло как комета, вызвав огромное изумление, и тут же было забыто. Избирательная кампания

вернулась на рельсы «задай этому красному». Главный герой всё равно не потянул бы другую роль. И начал он хорошо, ещё до официального объявления о своей кандидатуре.

Незабываема его встреча с москвичами 29 декабря 1995 года у подножия храма Василия Блаженного. Он кричал бесновавшейся толпе: «В 1996 году нужно улучшить социальную ситуацию. В этом году она уже стабилизировалась. Промышленное производство возросло на 102%. Мы выходим из кризиса. В 1996 году мы предвидим рост промышленного производства, экономического развития, финансовую стабилизацию, рост уровня жизни всех слоёв населения» 106. Два месяца спустя в Екатеринбурге, между парочкой рок-н-роллов, он кричал: «Я нашёл деньги! Вся государственная задолженность будет выплачена до марта!» 107 Все СМИ с восторгом передали эти фантастические прогнозы. Это нетрудно, когда никто тебе не перечит. Среди демократов не нашлось ни одного Бенгальского, готового метафорически рискнуть головой.

Ельцин-Фагот стрелял из пистолета.

«Сверкнуло, бухнуло, и тотчас же из-под купола, ныряя между трапециями, начали падать в зал белые бумажки. Они вертелись, их разносило в стороны, забивало на галерею, откидывало в оркестр и на сцену. Через несколько секунд денежный дождь, всё густея, достиг кресел, и зрители стали бумажки ловить. Поднимались сотни рук... Неизвестно, во что бы всё это вылилось, если бы Бенгальский не нашёл в себе силы и не шевельнулся бы. Стараясь покрепче овладеть собой, он по привычке потёр руки и голосом наибольшей звучности заговорил так:

- Вот, граждане, мы с вами видели сейчас случай так называемого массового гипноза. Чисто научный способ, как нельзя лучше доказывающий, что чудес и магии не существует. Попросим же маэстро Воланда разоблачить нам этот опыт. Сейчас, граждане, вы увидите, как эти, якобы денежные, бумажки исчезнут так же внезапно, как и появились...

Публике речь Бенгальского не понравилась. Наступило полное молчание, которое было прервано Фаготом-Шахраем.

- Это опять-таки случай так называемого вранья, - объявил он громким козлиным тенором, - бумажки, господа, настоящие!

- Браво! - отрывисто рявкнул бас где-то в высоте, принадлежащий, наверное, Арине Шараповой, ведущей ОРТ.

- Между прочим, этот, - тут Фагот-Грачёв указал на Бенгальского, - мне надоел. Суётся всё время, куда его не спрашивают, ложными замечаниями портит сеанс. Что бы нам такое с ним сделать?

- Голову ему оторвать! - сказал кто-то сурово на галёрке, и многие

узнали голос Евгения Киселёва.

- Как вы говорите? Ась? - тотчас отозвался на это безобразное предложение Фагот-Чубайс, - голову оторвать? Это идея! Бегемот! - закричал он коту-Барсукову, - делай! Уан, ту, три!! (он знал английский).

И произошла невиданная вещь. Шерсть на чёрном коте встала дыбом, и он раздирающе мяукнул. Затем сжался в комок и, как пантера, махнул прямо на грудь Бенгальскому, а оттуда перескочил на голову. Урча, пухлыми лапами кот вцепился в жидкую шевелюру конферансье и, дико взвыв, в два поворота сорвал эту голову с полной шеи.

Две с половиной тысячи человек в театре вскрикнули как один. Кровь фонтанами из разорванных артерий на шее ударила вверх и залила манишку и фрак. Безглавое тело как-то нелепо загребло ногами и село на пол. В зале послышались истерические крики женщин. Кот передал голову Фаготу-Коржакову, тот за волосы поднял её и показал публике, и голова эта отчаянно крикнула на весь театр:

- Доктора!» 108

Глава 17. Борис Годунов

«Ничего творческого в его природе не было... В качестве государственного правителя он не мог быть дальнозорким, понимал только ближайшие обстоятельства и пользоваться ими мог только для ближайших и преимущественно своекорыстных целей. Отсутствие образования суживало ещё более круг его воззрений, хотя здравый ум давал ему, однако, возможность понимать пользу знакомства с Западом для целей своей власти. Всему хорошему, на что был бы способен его ум, мешали его узкое себялюбие и чрезвычайная лживость, проникавшая всё его существо, отражавшаяся во всех его поступках. Это последнее качество, впрочем, сделалось знаменательной чертой тогдашних московских людей. Семена этого порока существовали издавна... Исчезло уважение к правде и нравственности, после того как царь, который, по народному идеалу, должен быть блюстителем и того, и другого, растоптал их...» 109

Понятно, что это портрет другого царя Бориса - Годунова. Но не думаю, что можно отыскать более точное описание нынешнего положения вещей. Тот, другой царь Борис, получивший власть из слабых рук Фёдора после смерти Ивана Грозного, дал начало «смутному времени», много лет раздиравшему Московию. Аналогия, само собой, условная, как любые сравнения. Тем не менее она продолжает тревожить умы многих россиян. Особенно в том, что касается портрета «московского люда», задавшего тон последним годам (которые почему-то упорно именуются годами «реформы») и поразительно похожего на народ времён Годунова. Прежде всего тошнотворной атмосферой в царском окружении.

Я всё ещё встречаю людей, проклинающих Горбачёва последними словами за то, что он окружил себя коварными сторонниками. Если применить те же критерии к Борису Ельцину, результат будет смертельным. Достаточно будет одного Павла Грачёва, «лучшего министра обороны» всех времён и народов, как его называл сам Ельцин. Этот полководец обещал захватить Чечню за пару часов. Его прозвали «Паша-Мерседес» из-за процветавших в пору его министерства афёр с украденными в Германии автомобилями, документированных немецкими спецслужбами, сфотографировавшими погрузку «мерседесов» на российские транспортные самолёты, отбывавшие из бывшей ГДР. В то время Генеральным прокурором был господин Ильюшенко, ныне сидящий в тюрьме по обвинению в коррупции. Нечего удивляться, что никто не отреагировал на эти разоблачения. Тем более, что верных людей лучше не трогать, пока они не начнут дурно пахнуть. А Павел Грачёв был вознаграждён за боевые действия на московском театре прежде всего за то, что он отыскал несколько танков, требовавшихся для обстрела Белого дома.

Грачёв был уволен после первого тура президентских выборов: оставить его значило бы потерять несколько миллионов голосов, которые могли стать решающими. Но он всё ещё на свободе, хотя за это время сменился Генеральный прокурор. Что само по себе почти чудесно, если вспомнить угрозу, брошенную Ельциным с высочайшей трибуны в ежегодном послании парламентариям (через два дня после того, как он отчитал по телевидению бедного Юрия Скуратова, виновного в том, что так и не отыскал убийц Дмитрия Холодова, журналиста «Московского комсомольца», взлетевшего на воздух во время расследования о коррупции в армии, и Влада Листьева, убитого в собственном подъезде после того, как он попытался навести порядок в телерекламе): «Если следы преступления ведут в высокопоставленные кабинеты, вы должны действовать решительно, строго соблюдая закон. Иное поведение я расцениваю как трусость и нарушение своих служебных обязанностей» 110. Золотые слова. А если следы ведут в кабинет, соседствующий с президентским? Попробуем влезть в шкуру Юрия Скуратова, услышавшего от президента (по поводу полмиллиона долларов, взятого из министерского сейфа двумя близкими сотрудниками Чубайса по приказу своего шефа 111, что «правоохранительные органы не должны реагировать на возможное давление» и что в этом деле «есть немалые политические интересы» 112. Что ему делать? Действовать или спровадить дело в архив? Копать дальше или развалить расследование? И кто в данном случае «трус“? Как можно оценивать действия президента, вынесшего оправдательный приговор ещё до того, как прокуратура пошевелила хоть пальцем, обвинив неких «других“ деятелей в политических спекуляциях?

О другом уволенном во имя всеобщего спасения, Егоре Гайдаре, нельзя сказать ничего, кроме хорошего. Степень любви россиян к нему уже выяснилась на парламентских выборах декабря 1995 года, когда ему

не удалось даже перешагнуть пятипроцентный барьер. И это всего лишь через два года после того, как он возглавил партию, имевшую в предыдущей Думе относительное большинство.

О Чубайсе, только что триумфально вернувшемся в правительство в качестве второго лица и заместителя Черномырдина, уже всё сказано. Ему удалось превратить в ругательства два до того безобидных слова - «ваучер» и «приватизация». Но список уволенных во имя общего блага за эти годы настолько вырос, что здесь мы можем ограничиться лишь кратким перечислением. Кто знает, куда подевался бывший президентский советник Сергей Станкевич? Говорят, что он преподаёт в каком-то калифорнийском университете. Он взяточник, что подтверждено судом, но его никогда не передадут России потому, что, как говорят, между двумя странами нет соответствующего договора. Давно в тени бывший вице-премьер Михаил Полторанин. Тем лучше для него, ведь прокурор ещё ждёт от него объяснений о том, как и кому он продал дворец в Берлине. Он уволен, но на свободе. Вице-премьер Олег Лобов (находившийся в должности вплоть до марта 1997 г.) покровительствовал в бытность секретарём Совета безопасности московской культурной деятельности газолюбивой японской секты Аум Синрикё.

О бывшем вице-президенте Александре Руцком и бывшем председателе Верховного Совета Руслане Хасбулатове нельзя сказать, что они были уволены: они просто стали жертвами танковой атаки. Из четырёх генеральных прокуроров ельцинских времён первый, Валентин Степанков, ныне депутат Думы, был уволен за сообщничество с мятежниками Белого дома. Второго, Алексея Казанника, Ельцину пришлось прогнать: он так и не понял, кто в России главный. Третий, Алексей Ильюшенко, сидит в тюрьме. И не за то, что он собственноручно (с помощью Дмитрия Якубовского, тоже сидящего теперь на нарах за кражу старинных рукописей) соорудил компромат на Руцкого, а за коррупцию. О четвёртом, Скуратове, мы ещё поговорим, когда он окажется напрямую замешанным в дело о коробке с долларами. Никто не может поручиться, что, когда эта книга выйдет, он всё ещё будет занимать свою должность.

А что же остальные? За редким исключением все они ещё находятся на свободе, а многие даже на высоких постах. И тогда это почти необъяснимо, иногда - как, например, в случае с Владимиром Филипповичем Шумейко, прозванным Владимиром Филипп-Моррисовичем (не потому, что он много курит, а из-за его участия в приватизации табачной фабрики в Краснодаре), - всё понятно. Если бы на смену Казаннику не пришёл Ильюшенко, готовый списать в архив даже собственную мать, уголовному делу против Шумейко (в то время председателя Совета Федерации) был бы дан ход. Об этом мне рассказал сам Казанник, видевший это дело, но не успевший до него добраться. Или Виктор Ерин, бывший министр внутренних дел, один из главных виновников войны в Чечне, не сумевший раскрыть ни одного из тех

убийств, за которые теперь ругают Скуратова. Уволен, но на свободе. Михаил Барсуков, Олег Сосковец, Александр Коржаков - три высокопоставленных жертвы Анатолия Чубайса. Не повезло, конечно, но и сами они чего только не натворили, как мы уже рассказывали. Уволенные, они пребывают на свободе и неплохо себя чувствуют. Коржаков даже приобрёл депутатскую неприкосновенность, победив в Туле в округе, где до него торжествовал Александр Лебедь. И победа Коржакова была добыта не без его помощи.

Николай Егоров, «ястреб» номер один, бывший глава президентской администрации. Уволен, но на свободе. Николай Рябов, бывший заместитель председателя Верховного Совета, купленный Ельциным до того, как в Белом доме стало по-настоящему жарко, произведённый в председателя ЦИКа (которая, как мы видели, оказалась важнее правительства, когда понадобилось спасать режим) и затем премированный должностью посла в Праге за успешное проведение трёх избирательных кампаний (весьма малоутешительных для власти, можно себе представить, что было бы, не будь Рябова). Шамиль Тарпищев держался дольше других, может быть, благодаря своему умению проигрывать в теннис. За такие заслуги в Москве можно стать министром по спорту и получить для своих людей освобождение от налогов на импорт алкоголя и сигарет, основать банк вроде «Национального кредита», в который положить миллиарды долларов, заработанные благодаря льготам, для личного пользования дорогих друзей Коржакова и компании. Которые, в свою очередь, прокручивали через него триллионы рублей средств ГУО.

Некоторые оступаются, и тогда их нужно наказывать. Так произошло с бывшим президентом Национального фонда спорта Борисом Фёдоровым, которому в машину подкинули два грамма кокаина. Но, видимо, кто-то на небесах ему покровительствует, и он выкрутился. Тогда Фёдорова решили убить. Беда в том, что в России пьют даже киллеры. Фёдоров выжил и начал говорить. Вспыхнул скандал, и Ельцин был вынужден уволить Тарпищева, что не помешало миллиарду долларов исчезнуть в неизвестном направлении. Бывший тренер Ельцина тоже пока что на свободе. Говорят, он всё ещё живёт в доме на Осенней улице в Крылатском, куда президент поселил всех своих близких друзей: Гайдара, Грачёва, Валентина Юмашева, написавшего «Записки президента» и ставшего теперь главой президентской администрации, Ерина. Пока они будут жить в одном доме с семьёй Ельцина, они останутся на свободе.

Ладно, власть наказала Тарпищева так, как он, по её мнению, заслуживал. Но говорят, что «Национальный кредит» вместе с Березовским участвовал в приватизации ОРТ. Что его президент, господин Олег Бойко (также глава безвременно исчезнувшей финансовой группы «ОЛБИ»), одновременно председательствует в исполнительном совете «Выбора России», партии Гайдара. И наконец, выясняется, что именно Бойко передал Фёдорову пост президента НФС, до того принадлежавший

ему самому. Ничего себе клубок. Бойко исчез из виду. Говорят, что он в Англии, но это не точно. Если он и там, то его не вышлют в Россию - его ведь никто не разыскивает. А если бы и разыскивали, то всё равно: российский Интерпол утверждает, что между двумя странами нет договора о выдаче преступников 113.

Не знаю, имеем ли мы дело с «трусостью» или же «нарушением служебного долга», но никто не слышал о расследованиях по поводу того, что происходит в «высоких кабинетах». Мне несколько противно рыться в помоях, как и Александру Минкину: «Господи, - пишет он, - чем мы занимались! Как долго эти ничтожества, их тупая, жадная, злая возня занимали наши газеты, экраны, умы? Но мы сами, вникая в эту «политику» (за чей счёт Полторанин ездил в Японию? какую свиту возил Шумейко в Бразилию? сколько мебели привёз Рыбкин из США? сколько водки и сигарет беспошлинно провёз в Россию НФС?), вникая в это, сами стали циничнее, злее. Пошлая мысль: «чем я хуже?» тихо усыпляла совесть. Тиражи толстых журналов... упали в тысячу раз (знаменательный показатель). Интеллигенция, возмущаясь экспортом проституток, села за столики спонсоров, не заботясь о происхождении их денег» 114.

Это крик ярости человека, до 1993 года бывшего, быть может, самым блистательным пером на службе Бориса Ельцина. Он публиковал ядовитые антикоммунистические комментарии в «Московском комсомольце». Как только у него появились первые сомнения, его вежливо попросили замолчать, а потом вынудили уйти. Теперь он пишет для немногих близких в еженедельной «Новой газете». Он тоже жив и свободен (несмотря на два покушения), что доказывает существование в сегодняшней России полной свободы информации и печати. Или что безнаказанность власти стала настолько безграничной, что не боится уже ничего. По сути, всё, что печатает Минкин, взывает к уголовному кодексу, но Генеральная прокуратура и пальцем не шевельнула, чтобы проверить факты или же обвинить Минкина в клевете.

Требовать правосудия по важным делам в России - всё равно, что требовать беспристрастного расследования в Багдаде» у Саддама Хусейна. Кто виноват в чеченской войне? Никто не заплатил. Однажды меня пригласили на достаточно популярную передачу «Пресс-клуб», где было множество политиков и журналистов. Темой разговора была война, начавшаяся за несколько недель до того. В Чечне лилась кровь, в студии бушевали эмоции, атмосфера была напряжённой. Меня поразило, что всё оживлённое и немного путаное обсуждение вращалось вокруг вопроса «кто виноват?». Удивительно, но никто не мог на него ответить. А ведь я прекрасно помнил заседание Совета Безопасности, на котором было принято решение направить в Чечню войска для «восстановления конституционного порядка». Все телеканалы в начале декабря 1994 года показывали его, и всем было видно, кто там присутствовал. Во главе стола восседал Ельцин, Олег Лобов стоя делал доклад о ситуации. Там были все члены СБ и советники. Я помню, что видел лица Грачёва, Юрия

Батурина (в то время советника по национальной безопасности), Алексея Ильюшенко, Юрия Калмыкова (в то время министра юстиции), Сергея Филатова, тогдашнего главы президентской администрации, Виктора Ерйна и т.д.

Неужели в «Пресс-клубе» не помнили этого заседания? Казалось, что присутствующим не удаётся преодолеть некое психологическое препятствие, что они отказываются верить, будто именно Ельцин и его команда совершили такое серьёзное, непростительное деяние. Когда настал мой черёд, я сказал: «Если вы ищете виновника, то вот он, пожалуйста: это ваш президент. Совет Безопасности является консультативным органом, о нём даже нет закона, он лишь мимоходом упомянут в Конституции. Мы не знаем, было ли на заседании какое-то голосование. Но среди тех, кто сидел за столом, единственный, кто имел власть и политическую ответственность (моральная другое дело), - это президент России». Это было моё единственное выступление, слова мне больше не давали. По большому счёту это оказалось экономией сил, поскольку (передача вышла в записи) в эфир не прошло ни звука из сказанного мной.

А когда Дума обратилась в Конституционный суд с просьбой определить конституционность ельцинских указов, развязавших войну, было сделано всё возможное для сокрытия очевидных нарушений закона. Прежде всего, в Конституции написано чёрным по белому, что президент не имеет права издавать секретные указы 115. И что невозможно ввести чрезвычайное положение даже в отдельно взятой области без согласия Совета Федерации 116. Кто-нибудь возразит: да ведь чрезвычайного положения не вводилось! Вот именно. Что доказывает, что в России можно почти два года вести внутреннюю войну, в которой погибло сто тысяч человек, незаконно применять армию и при этом не вводить военное или чрезвычайное положение. Таким образом, согласие Совета Федерации не потребовалось. Но ведь, если не ошибаюсь, президент клялся уважать и защищать Конституцию. Как с этим быть?

Вопрос этот обращён не только председателю Конституционного суда. Особенно хотелось бы услышать мнение авторов Основного Закона. Но если Конституция кроится по меркам человека и предназначена для очень короткого периода, в течение которого весьма вероятны нарушения законности, нужно быть готовыми к тому, что этот человек будет пользоваться ей так, как считает нужным, в том числе и топтать её. Кто-то написал, что секретарь обкома привык отчитываться перед ЦК и Политбюро. Когда же он сам становится верховным властителем, ему больше не на кого оглядываться. Вниз он никогда не смотрел. Стоит ли удивляться, что, освободившись от контроля, он стал безответственным? Вина - нравственная - лежит на нём. Но ответственность, нравственную и политическую, придётся разделить тем, кто вложил ему в руки такую власть. Эти глупцы, только и говорившие о народе, на самом деле показали, что не верят в него. Им ведь казалось, что управлять страной

без новой авторитарной власти будет невозможно. Они не поняли, что безграничная власть порождает цепную реакцию и в конце концов проглатывает всю страну. «Безнаказанность побоев и убийств развращает души тех, кто совершал действие, и тех, кто видел, и тех, кто знал…» 117 Вот так Россию тянут назад, в её прошлое.

Глава 18. Великий подстрекатель

Несомненно, Борис Ельцин - боец. Даже когда он выписывается из больницы, чтобы вернуться к повседневной работе, то заявляет прессе, что готов к бою. С кем? С чем? Зачем? Это не всегда ясно. Беда в том, что, выиграв очередной бой, он, похоже, не знает, чем заняться. Наступает период психологического расслабления, пока вновь не возникнет необходимость защищаться. Тогда опять начинается пляска святого Витта. В перерыве же, в отсутствие идей и программы, кроме идеи уничтожения врагов, не остаётся ничего иного, как самому их и создавать. А если внешние враги слишком слабы или легко покупаются, то полезно иногда вспомнить, что их можно найти и в собственном дворце, замаскированных под друзей и сторонников. Следовательно, надо создать перманентно конфликтную ситуацию внутри своей команды. Пусть каждый воюет против остальных, подозревает всех и каждого и доносит шефу, чтобы завоевать его благосклонность.

Апологеты предпочитают называть это «системой сдержек и противовесов». Каждый против всех, тогда никто не заберёт большую силу и в конце концов они ликвидируют друг друга собственными руками. Кое-кому, чтобы дойти до этого, пришлось штудировать Маккиавелли. Борис Ельцин никакого Маккиавелли не читал, но его поучения у него в крови. И чем серьёзнее болен президент, тем многочисленнее и запутаннее становится система противовесов. Постепенно она приводит к полному параличу правительства. Ничего не скажешь, боец. Как Нина Берберова писала о Маяковском: «Он не привык отступать, не умел и не хотел этого делать» 118. Такие слова могут стать комплиментом для быка, может быть, даже для поэта, но никак не для генерала или государственного деятеля. Последние должны изучить искусство паузы и отступления. А государственный деятель, если он не страдает неизлечимой склонностью к самодержавию, должен ещё считаться и с противоречиями в «народной среде» (как сказал бы Мао Дзэдун), порождёнными гражданским обществом (сказал бы Антонио Грамши), так или иначе, проистекающих из общественных интересов (сказал бы Алексис де Токвиль). А здесь - одно стремление вечно двигаться вперёд. Куда?

К примеру, в области гласности прорыв вперёд, как мы уже показали, был поистине сокрушительным. Когда Ельцин объявил на весь мир, что собирается подвергнуться операции на сердце, один телекомментатор чуть в обморок не упал от волнения, воскликнув, что «мы стоим перед лицом открытия новой эпохи ельцинской гласности». Мне придётся

уступить слово Минкину, лучше него я всё равно не скажу: «Если не впадать в эйфорию, если сохранять трезвость, если помнить, что там, наверху, правду не говорят никогда, - ельцинская правда окажется весьма сомнительной чистоты. Вот что он сказал 5 сентября: «Я хочу, чтобы у нас было общество правды. Не надо скрывать то, что скрывали раньше…» Скрывали раньше - это когда? Зачин столь торжествен, эпичен, что все поняли: речь идёт о «проклятом прошлом» - о сталинщине, брежневщине. Но сочинители президентских речей в коллективной редактуре запутывают сами себя до невозможности. Если человек говорит, что он хочет, чтоб было, значит, этого нет. Если президент хочет, чтоб было общество правды, - значит, в наличии общество лжи. «Не надо скрывать» - означает «не надо врать». «Скрывали раньше» означает «врали раньше».

Кто? Президент, мотаясь по стране перед первым туром, показывал в основном два фокуса: обещал деньги и хвастался здоровьем.

Ещё он сказал: «Мне делали диспансеризацию, и во время диспансеризации обнаружили болезнь сердца». «Во время диспансеризации обнаружили…» Когда? Накануне? Месяц назад? Год назад? Настоящая правда выглядела бы так: «Я перед выборами постоянно врал, нахваливая своё отменное здоровье. Я заставлял врать всю команду и подкупленную прессу» 119.

В целях изучения бойцовских качеств российского президента представляет интерес и прочтение «Записок президента». По сути, это сборник эпизодов нескончаемой борьбы за Власть. К сожалению, без всякой облагораживающей цели. Здесь Ельцин - всегда герой, неважно, в чём состоит задача: выиграть спортивное соревнование, преподать пример физической силы, хитрости, целеустремлённости или же политической мощи. Борис - «честный» друг тех, кто с ним «честен», но становится «непримиримым» по отношению к врагам или тем, кто попросту не знает своего места.

Перечень врагов длинен. Как и список «честных» друзей, выброшенных по дороге. Вроде Алексея Казанника, чистой души, призванной заменить ненадёжного Валентина Степанкова после октября-93. Он сам рассказывал мне, что сразу же понял, что попал в змеиное гнездо. До того из своего омского далека ему казалось, что Ельцина вводят в заблуждение его подчинённые. Но быстро выяснилось, что это не так: президент сам позвонил ему с требованием арестовать дюжину депутатов бывшего Верховного Совета, хотя против них не было никаких обвинений. В конце концов Казанника уволили за то, что он выполнил решение Думы амнистировать и освободить Руцкого и Хасбулатова.

Рассказ о том, как Казанника «посадили на прокуратуру», показался мне настолько замечательным, что я предложил ему поведать обо всём поподробнее и сделать книгу-интервью о его пребывании на посту Генерального прокурора. Но я увидел, что он колеблется. Он боялся

последствий, и я понял, что не стоит настаивать. Больше мы об этом не вспоминали. В следующий раз я увидел Казанника по телевизору накануне выборов 1996 года, когда он встречал прибывшего в Омск Бориса Ельцина. Камеры запечатлели бывшего прокурора, когда он, согнувшись, смиренно и униженно умолял Ельцина не допустить победы коммунистов. Неужели он обо всём забыл? Сомневаюсь.

За эти годы я видел в России немало случаев столь же унизительных отречений. Казанник ничем не лучше Александра Руцкого, Никиты Михалкова, Николая Рябова или Ивана Рыбкина. Нескончаемый список польстившихся на тридцать сребреников. В 1989 году будущий прокурор поразил всю страну, отказавшись от места в Верховном Совете СССР в пользу Ельцина. Тогда это был акт мужества, проявление достоинства перед лицом произвола советской бюрократии. Восемь лет спустя он одел ливрею слуги. Печальное, но символичное превращение. Сейчас его снова взяли на работу, не знаю на какую должность, в Омскую администрацию. Ну что ж, удачи.

Но вернёмся к рассказу о историческом дне вступления Казанника в прокуратуру. Прилетев из Омска, он направился в Кремль, где попал напрямик в кабинет к Коржакову. Тот не дал ему времени даже встретиться с президентом, а сразу погрузил его в машину. На заднем сиденье уже был Барсуков с «калашниковым» в руках, его сопровождала вооружённая охрана. По приезде в прокуратуру Барсуков сам открыл дверь кабинета Степанкова пинком ноги. Бледный Степанков даже рта не раскрыл, когда Коржаков приказал Казаннику занять его место и «не терять его из виду ни на секунду, потому что этот способен припрятать какие-нибудь папки». Так сменялись Генеральные прокуроры в России в октябре 1993 года. Если, конечно, Казанник рассказал правду. Мне он казался искренним и даже расстроенным. Я спросил: вы и в самом деле ничего не понимали? Ответ был: «Мне такое и в голову не могло прийти». А что говорить о другом рассказанном им эпизоде, о единственном заседании Совета безопасности, в котором он участвовал за короткий - с октября 1993 по февраль 1994 года - срок своего пребывания в должности?

Дело было накануне выборов в Думу и референдума по Конституции, и Ельцину хотелось знать настроения населения. Дело в том, что среди многочисленных вариантов изучалась и возможность - в случае победы партии Власти, которая тогда называлась «Выбор России», - провести президентские выборы раньше срока, весной-летом 1994 года. И вот встаёт Лобов и торжественно произносит: «Борис Николаевич, подавляющее большинство вас поддерживает». Поднимается Шахрай: «Борис Николаевич, вас стопроцентно переизберут». Слово берёт Павел Грачёв: «Борис Николаевич, я на 150% уверен, что вы победите». Помню, я тогда прервал рассказчика: Алексей Иванович, вы не преувеличиваете? «Нет, нет. Именно так они и высказывались, только более пространно». А как реагировал президент? «Короткими кивками». Потом настал черёд

всех остальных присутствующих, каждый из которых старался превзойти предыдущего в лести, перешедшей уже всякие пределы приличий. Когда очередь дошла до Казанника, тот решил, что хоть кто-то должен возразить: «Борис Николаевич, общественный порядок в удручающем состоянии. Генеральная прокуратура стонет под грузом проблем. Я убеждён, что у вас большие шансы победить, но они ещё больше возрастут, если вы докажете стране, что боретесь с преступностью и коррупцией». По словам Казанника, лицо президента потемнело и с далёкого конца стола донёсся железный голос: «Мне кажется, Алексей Иванович, что вы склонны к пессимистическим прогнозам».

Итак, возникающее при чтении «Записок» впечатление, что президент любит комплименты, подтверждается очевидцем. Неважно, хвалит ли его госпожа Тэтчер или Олег Лобов, или же дочка Лена. «Папа, ты сделал мне самый лучший подарок из всех, которые я когда-либо получала, - ты защитил демократию», - сказала она ему в свой день рождения, который по иронии судьбы совпал с августовским путчем. Не все включили бы такое заявление в свои мемуары, даже если бы у них тоже была бы столь патриотически настроенная дочь. Хотя бы из соображений скромности. Может быть, во всём виноват Валентин Юмашев, считающийся подлинным автором книги (и произведённый в главы президентской администрации). Отнесём на его счёт и комментарий Ельцина к фразе дочери, призванный подчеркнуть его заслуги: «Признаюсь, фраза высокопарная, но, честно говоря, в тот момент она вовсе не показалась мне преувеличением» 120.

«Записки» - целый клад психологических черт героя. Поражает, что в книге, охватывающей важнейший период 1991-1993 годов, в которой целая глава посвящается шоковой терапии и всем прочим острым политическим моментам начиная с разлада СССР, не говорится ни одного слова о политических идеях президента, о его видении роли России. Что не должно, впрочем, особо удивлять, если вспомнить, что и четыре года спустя Ельцин по-прежнему не очень чётко представляет себе место России в мире. По крайней мере, такое впечатление создаётся после прочтения интервью «Известиям»: «Пока мы не определим, что может угрожать нашей национальной безопасности, как в близкой, так и в средней и отдалённой перспективе, невозможно будет установить необходимую и достаточную численность наших вооружённых сил» 121.

Что же касается его собственного поведения - что и должно, по идее, составлять основное содержание мемуаров, - то время от времени вскользь упоминается о необходимости «тщательного анализа» принятых решений и поведения в тех или иных обстоятельствах. Но этот призыв чаще всего обращён к окружающим, которых приглашают быть объективными, беспристрастными и т.д. Нечего удивляться, что и в отношении демократии (о которой говорится немало) мы сталкиваемся всё с теми же туманными аксиомами.

Врагов же со всех сторон больше, чем достаточно. Возьмём для

примера председателя Конституционного суда Валерия Зорькина, которого президент описывает так: «Быть может, в детстве он страстно хотел стать лидером, возглавить что-то, но кто-то победил его и унизил» 122. Да что говорить о президенте, выпускающем мемуары, ещё находясь на своём посту, и дающем подобные оценки о всё ещё действующем (только потому, что его нельзя уволить президентским указом) судье Конституционного суда? А что сказать о причинах незаконного роспуска Верховного Совета, приведшего к трагедии октября-93? Приведённых аргументов прискорбно мало для оправдания 150 жертв только по официальным данным (а неофициальные мы теперь уже не узнаем).

Мемуары не уделяют внимания и бывшему другу Юрию Болдыреву, которого Ельцин в начале своего первого срока назначил главой комиссии по борьбе с коррупцией, а затем уволил без объяснений, как только ему на стол легли доказательства связи людей из его ближайшего окружения с преступным миром. Ни о чём не подозревавший президент поблагодарил бы Болдырева, вознаградил бы и приказал действовать дальше во имя угнетённого народа. Ельцин же его прогнал. В это время вокруг него происходили невиданные вещи.

Каждый из его друзей, более или менее грубо изгнанных (вычищенных, выброшенных, эвакуированных) из Кремля, открыл нам один кусочек личности президента. Я согласен, никому из них нельзя доверять полностью, поскольку дворцы Власти всегда кажутся отвратитель-ными, если глядеть на них с помойки, особенно если знаешь, что уже никогда не поднимешься по их мраморным ступеням. Но их свидетельства никак не менее достоверны, чем президентские воспоминания. Один из первых портретов президента принадлежит перу Николая Фёдорова, бывшего министра юстиции, а ныне президента Чувашии. От этого «раннего Ельцина» мурашки по коже. Самые же последние откровения исходят от Александра Коржакова и Николая Егорова, бывшего до июля 1996 года главой президентской администрации. А ещё есть воспоминания бывшего пресс-секретаря Павла Вощанова, бесцеремонно выгнанного из Кремля, и его преемника Вячеслава Костикова, отправленного с глаз долой послом в Ватикан.

Оставим в покое бывших друзей и обратимся к Костикову, по крайней мере на словах оставшегося верным бывшему шефу. Несомненно, он прекрасно его знает. И говорит о Ельцине, что «у него никогда не было собственной идеологии, собственных демократических убеждений» 123. И далее: «Этот человек желает и может властвовать. Его идеология, его друг, его любовница, его страсть - Власть». И добавляет для тех, кто не понял: «Президент Ельцин неспособен представить себя без Власти и вне её. Его привычка к Власти настолько сильна, что иногда выходит за пределы разумных приличий». Не пытайтесь отыскать хоть намёк на программу, на какую-то политическую идею. Если же добавить, что «к сожалению, часть его окружения подталкивает его переступать эти рамки», то мы получим описание «крайне нездоровой ситуации, когда

разворачивается борьба за то, чтобы узнать, кто будет приближён к президенту».

Кто-нибудь ещё продолжает удивляться, что демократический Кремль превратился в лабиринт электронных устройств, установленных Коржаковым и компанией для подслушивания разговоров конкурентов? В российской печати, и не только оппозиционной (правда, задолго до выборов), публиковались уморительные рассказы о встречах в кремлёвских кабинетах, о «диалогах» глухонемых, высказывавших своё мнение жестами и писавших фразы на клочках бумаги, которые затем сжигались в пепельницах. В следующей главе мы увидим, что прослушивание не пропало даром. Разумеется, всё это делалось в личных целях, как в личных интересах использовалось и всё государство. К тому же эти интересы были одноразового пользования. О потомках здесь никто и не вспоминал. Мы же не в Вашингтоне, где все разговоры в кабинетах Белого Дома записываются на законном основании для истории и окажутся в распоряжении исследователей будущего. Именно благодаря этому мы имеем запоздалое удовольствие узнать, что сказал президент Никсон своим ближайшим сотрудникам в Овальном кабинете 13 мая 1971 года. Речь шла о важном назначении, и президент США деликатно выразился следующим образом: «Я хочу быть уверенным, что это сукин сын, что ему плевать на законы, что он будет делать то, что ему скажут, что он покажет мне любую декларацию о доходах, какую я попрошу, что он будет наседать на наших врагов и оставит в покое наших друзей. Дело ясное. Если это не так, то он не получит должности» 124.

Не знаю, к какому выводу пришёл бы американский читатель, особенно если он республиканец, узнав, что он привёл к власти настоящего сукина сына, готового на всё, даже на презрение к законам. Но мне кажется, что в демократии, которая выбирает сукиных детей с определённым постоянством, что-то не так. Я имею в виду не только Америку.

Экскурс в историю Никсона подсказан мне Генеральными прокурорами России. После Степанкова пришёл Казанник. Первый тоже не был святошей, но ведь всем, даже Ельцину, свойственно ошибаться. Второй стал ошибкой другого рода, я бы сказал, сентиментальным просчётом. Что важно, поскольку похоже, что это был единственный момент, когда Ельцин проявил слабость. Его захлестнула благодарность. В далёком 1989 году Казанник уступил ему место в Верховном Совете. Четыре года спустя его отблагодарили. Но на такой пост нельзя назначать наивного человека. Иначе вместо того, чтобы служить твоим интересам, как сукин сын Никсона, он вобьёт себе в голову, что должен служить закону. «Вы, Алексей Иванович, очень странно рассуждаете», сказал ему Ельцин (о чём поведал мне сам Казанник), когда выяснилось, что Генеральный прокурор не даст хода приказам об арестах, отданным президентом.

Впоследствии царь Борис отбросил сентиментальность и назначил

Ильюшенко. Но Совет Федерации отклонил его кандидатуру. Он вновь внёс его на утверждение, и высшая палата снова ответила «нет». Наверное, он был убеждён в кристальной честности своего протеже, поскольку предложил его Совету Федерации третий раз, не задумываясь, что мог снова получить отказ. Тогда Ельцин просто назначил его и. о. и оставил в таком качестве как живой памятник президенту, уважающему парламент, кстати, тоже избранный народом. Или я ошибаюсь? В то время кто-то, настроенный крайне злорадно, вытащил на свет Божий историю с компроматом на Руцкого, сфабрикованным Ильюшенко, когда он ещё трудился в администрации во главе Контрольного управления. Теперь-то мы точно знаем, что президент не подозревал о проделках Ильюшенко. Иначе с чего бы он так близко к сердцу принял назначение Ильюшенко? Впоследствии и.о. Генерального прокурора был арестован по серьёзному обвинению в коррупции, но мне что-то не припомнится, чтобы президент покаялся. И что-то не видно в демократической печати разгромных материалов, описывающих карьеру Ильюшенко, особенно в её «президентской» части. Ничего не поделаешь, не заметили.

Впрочем, суда ещё не было, и Ильюшенко может быть оправдан. А суд против него за подделку «дела Руцкого» так и не начался, так что считайте, что он невиновен. Интересно, что поведали бы кремлёвские плёнки? Если, разумеется, они вообще существуют. В следующей главе мы узнаем, что кое-кто принял меры для увековечивания кремлёвских разговоров и что «сукины дети» обитают не только в Овальном кабинете и не только во времена Никсона. Но вопрос в другом. В самом ли деле никто ни о чём не подозревал? Обстоятельства, о которых я рассказываю на этих страницах, были всем известны и доступны, о них рассказывалось открыто. Но все молчали потому, что «демократы» решили, что сказать об этом вслух - значит сыграть на руку коммунистам. Что сказать о них? Что они не просто лжецы, но и глупцы. Пусть они внимательно перечитают «Записки президента». Они увидят, что в них не нашлось места Сергею Ковалёву, бывшему уполномоченному по правам человека, от которого бесцеремонно избавились, как только он увидел, что демократичнейший президент России имел дурную привычку: уничтожать своих врагов из пушек. Да, Ковалёв бестрепетно рукоплескал расстрелу Белого дома. Но ведь в нём сидели «коммунисты». В Грозном же были чеченцы и много русских. Объяснить эту новую бойню было уже не так просто, а масштабы её были в сотни раз большими. Сергею Адамовичу пришлось считаться с собственной совестью. Она у него ещё сохранилась, поскольку он не погряз в низкопоклонстве, как многие другие «демократы».

Может быть, именно поэтому он бросил IV съезду «Демократического Выбора России» предупреждение, которое стоит того, чтобы воспроизвести его здесь. Просто в качестве памятки. «Не первый раз стоит проблема: «Граждане! Отечество в опасности!», но признающие эту опасность никак не могли соединиться, чтобы противостоять ей сознательно и вопреки личным амбициям. Этому в немалой степени способствовали и некоторые «страстные агитаторы за объединение»,

присутствующие здесь сегодня. Теперь такое объединение наконец состоится. Вокруг кого? Вокруг вынужденно единого кандидата от не знаю уж каких сил. Извините, но мне стыдно сказать: «от демократических». Давайте называть вещи своими именами: мы сейчас ответственно принимаем решение поддержать лжеца и убийцу. Ну, пускай вынужденного убийцу, пускай не очень успешного лжеца» 125.

Глава 19. Распутиниана

Когда Александр Коржаков сильно, профессионально врезал мне локтем в солнечное сплетение, я искренне удивился. Я даже не заметил его появления. Я вообще не знал, кто это такой.

Дело было на последнем этаже Кремлёвского дворца съездов, в перерыве между заседаниями Съезда народных депутатов СССР. Нас было трое: я, он и Борис Ельцин. Депутаты ходили наверх обедать, а я, как и многие журналисты, следовал их примеру, чтобы на лету проинтервьюировать какого-нибудь нового героя перестройки или перекинуться парой слов с друзьями-депутатами из интеллигенции, заброшенными в самый центр истории и всё ещё пребывающими в растерянности перед лицом ответственности, к которой они не были готовы.

В то время Ельцин был отщепенцем. Совсем недавно его сняли с поста первого секретаря Московского горкома и отправили руководить второстепенным Госкомитетом. Он никогда не показывался в перерывах, но однажды я совершенно случайно наткнулся на него. В тот день я задержался в столовой за чтением какого-то документа. Вокруг меня уже никого не осталось, кроме официантов, убиравших столы, по которым прошлись 2249 депутатов, 2250-й появился, когда все уже разошлись и прозвенел звонок, призывавший на заседание. Я наблюдал за ним, пока он ел, погруженный в свои мысли, и колебался, нарушать или нет его уединение. Может быть, он нарочно запоздал, чтобы ни с кем не встречаться и избежать нескромных вопросов иностранных журналистов.

В конце концов профессиональное любопытство взяло верх над воспитанием. Я приблизился и немедленно получил в солнечное сплетение. Коржаков материализовался в тот же миг. Может быть, он прятался под столом. Я прекрасно помню до сих пор его советский галстук цвета блевотины в полоску, завязанный под стареньким, вытертым воротником (тоже типично советским), с которым он явно никак не мог справиться. Не было никаких сомнений - это телохранитель. Настаивать было бесполезно. Он даже ничего не ответил, молча отталкивая меня в сторону от Бориса Николаевича. Ельцин же спокойно продолжал поедать грибной жульен и даже не повернулся на шум, хотя мы были в каких-нибудь трёх метрах. Он продолжал смотреть в пустоту остекленевшими глазами.

Дело было летом 1989 года. Кто бы тогда мог представить, что однажды Александр Коржаков наденет фрак с чёрной бабочкой на шёлковую сорочку, чтобы встретиться с Майклом Джексоном? Что он стянет одним из самых могущественных и грозных людей России рядом с Ельциным, всемогущим её руководителем? Что после свободного падения из кремлёвских эмпирей, откуда его выбросит его большой друг и поверенный, он станет депутатом Думы? Однажды кто-нибудь напишет историю этого персонажа, ставшего героем последних лет. Сам он уже обещал опубликовать мемуары. К сожалению, придётся их прочесть, хотя они вряд ли будут намного откровеннее «Записок» его бывшего друга-президента. Но Коржаков заслуживает почётного места. Без него Борис Ельцин не стал бы Борисом Ельциным, как Николай II не стал бы тем, чем он стал, и не пал бы так, как он пал, без Распутина.

Не только и не столько из-за прямого влияния на важнейшие события последних лет, сколько в косвенном, метафорическом смысле. Да и в прямом тоже. Его удар локтем был по-настоящему профессиональным. Помимо многочисленных качеств, достойных порицания, Ельцин должен признать за «Сашей» огромную заслугу: обошедший весь мир кадр с президентом на танке. Даже сейчас, спустя годы, Билл Клинтон в письме с пожеланиями скорейшего выздоровления российскому президенту вспоминает этот жест гражданского мужества, этого безоружного завоевателя, взобравшегося на танк коммунистических путчистов. Куда бы ни отправился Ельцин, за границей его везде встречает эта фотография. А рядом с ним на танке стоит Коржаков.

Забавно наблюдать, как изобретатели современных СМИ, которые вроде бы должны знать все уловки ремесла и сами ежедневно к ним прибегают, потом на них же и ловятся, влюбляясь в образ, забыв, насколько он может быть обманчив. Биллу Клинтону, простодушному, как и его друг Строуб, надо было бы в подробностях рассказать, как получилось, что Ельцин оказался на танке, и какие длительные переговоры предшествовали этому восхождению.

Если посмотреть на историческую фотографию, то можно заметить ещё одно действующее лицо, с обеспокоенным видом сидящее на башне танка. Именно с этим сержантом, командиром экипажа бронемашины, и вёл переговоры Александр Коржаков. К тому времени танк уже добрых полчаса неподвижно стоял посреди ликующей толпы, сообразившей, что путчисты не отдавали приказа стрелять. Молодой танкист тоже наверняка уже понял, что путч слишком смахивал на оперетту, чтобы быть настоящим.

Не то чтобы ему это не нравилось. Но он упрямо продолжал следовать уставу. Никому нельзя взбираться на танк, выполняющий задание. Сержант ждал приказа сверху, хотя бы по радио, чтобы освободить поле действия, то есть саму машину. Он хотел получить гарантии, никогда ведь не знаешь, как дело обернётся. В конце концов он согласился вылезти, но сначала заблокировал все доступы к оружию и

задраил люк. На это ушло бесценное время, за которое журналисты и операторы успели столпиться кругом (смотри историческую фотографию), чтобы запечатлеть «неожиданное» событие. Только получив от Коржакова «добро», Борис Ельцин совершил поступок, навеки вписавший его в историю как бесстрашного героя.

Так вот, если бы не Коржаков, то этой фотографии никогда не было бы и никто не пролил бы реки чернил, описывая Ельцина на танке. Быть может, Борис Николаевич подарил ему столько власти из благодарности? Не исключено. Алексей Казанник уже доказал, что Ельцин иногда склонен к сантиментам. В любом случае, на протяжении нескольких лет Кремлём управлял, сторожил, командовал бывший средний агент КГБ, с его специфическим пониманием международных и дипломатических отношений и очень специфическим знанием рынка. Разумеется, именно во имя этих высоких целей Борис Ельцин дал ему карт-бланш на организацию собственной жизни, безопасности и - почему бы и нет? - немалой доли государственных дел. Вскоре мы расскажем о некоторых последствиях такого решения. А пока что приходит на ум воспоминание об одном из самых наивных героев этой саги, заслуживающим отдельного упоминания вместе со своим работодателем и главным редактором Игорем Голембиовским.

Я имею в виду Отто Лациса, одного из основных обозревателей «Известий». Знал ли он, во что превратился Кремль в 1992-1995 годах? Есть основания полагать, что да, знал. Тем не менее он неустанно воспевал торжество реформ в России, хотя рулевым этих реформ, вместе с Черномырдиным, был и Александр Коржаков. По правде говоря, «Известия» играли в команде с иными группировками внутри президентского окружения и не упускали случая поддеть банду Коржакова. Но полностью правды они так и не сказали. Во имя чего? Это нам объяснил сам Отто Лацис, уже после победы, в передовой статье с горьковатым заголовком «Демократия победила. Что теперь?». «Что говорить? - писал он. - Мы ничего не скрывали: в этой схватке мы старались быть честными, но не обещали быть беспристрастными. Остановить партию реванша - вот что было самой главной задачей нашей жизни» 126.

Бедная чистая душа, он и в самом деле в это поверил. И именно поэтому старался быть честным. Разве мы будем упрекать его за то, что у него ничего не вышло? Он же не обещал, что будет беспристрастным. Правда, он не сказал своим читателям, что к тому же систематически будет умалчивать о весьма важных обстоятельствах. И пока в Кремле и вокруг него создавалось маленькое полицейское государство (это в центре страны, стремившейся к демократизации), он ставил во главу угла высшую цель - «остановить партию реванша». Которая проиграла ещё до начала соревнования и в любом случае не питала серьёзных амбиций на выигрыш. В то же время центурионы, получившие (вместе с Отто Лацисом) то же задание, развязывали в Чечне чудовищную вакханалию

крови и тёмных дел (вопреки Отто Лацису). Вот что такое терять время, естественно, вместе с лицом.

Впрочем, он недалеко ушёл от многих других оркестрантов этой «трёхгрошовой оперы», непрерывно шедшей на московских подмостках с 1991 года. Даже неукротимая Валерия Новодворская, свободная мыслительница, наконец-то слившаяся с бесчисленными рядами журналистов партии Власти, в какой-то момент испытала что-то вроде отвращения: «Мы за уши вытаскивали эту власть из беды в августе, в апреле, в марте, в октябре, в июле...» Похоже, что эта власть ничего не умеет, кроме как попадать в неприятные положения, из которых «они», «демократическая» интеллигенция, вынуждена её «вытаскивать за уши». Хороший образ. Те месяцы, что упоминает Новодворская, не просто даты. Это годы, тяжёлые, как свинец. Август (1991) - путч недоумков из ГКЧП. Апрель (1993) - референдум против Верховного Совета. Октябрь (1993) - бойня в Белом доме. Июль (1996) - президентские выборы.

Вот наконец человек, не боящийся признать свою ответственность. Уши Власти, наверное, уже покраснели от бесконечных щипков Новодворской. А она теперь встревоженно восклицает: «Мы глотали обиды, прощали мелкие грубости и большие подлости (мягко сказано. - Дж. К.), вроде Чечни. Всё - во имя движения вперёд. Но теперь что-то иссякло. Бензин, масло, солярка. Воля, надежда. Власть наслаждается позолотой (быть может, имеется в виду реконструированный Кремль. - Дж. К.) в бездействии, увлечённая византийской казуистикой. Это не вопрос недостаточности сердечных сосудов, ни воспаления лёгких, ни простуды (намёк, в лучшем духе гласности, на различные версии о болезни Ельцина. - Дж. К.). Это анемия, полная атрофия политической воли и мысли. Ещё находящийся в стадии построения капитализм всё больше «огосударствляется», валится на куски, вязнет в болоте и гниёт, как и все незавершённые стройки. Беда не столько в олигархии (намёк на определение, данное ельцинской власти Солженицыным. - Дж. К.). Дело в том, что мы имеем олигархию политических и моральных мертвецов» 127.

Так считает Новодворская семь месяцев спустя после поражения «партии реванша», славного дела, которому Отто Лацис посвятил свою жизнь. В том же номере авторитетного «демократического» журнала Александра Пумпянского мы обнаружим комментарий другого «демократа» - Андрея Черкизова, политического обозревателя радио «Эхо Москвы», тоже перешедшего под крыло Владимира Гусинского. Черкизов возмущается в эфире и письменно «мастерами культуры, относящими себя к демократам и испытывавшими (когда-то, но не теперь) брезгливость по отношению к руководителям охранных ведомств, тем более - по отношению к фаворитам и холуям. Такого в России ещё не было! Неужели вас купили, господа?»

Итак, «демократ» высшей пробы тоже начинает сомневаться в демократических качествах тех, кто минуту назад были его попутчиками. Которые, в свою очередь, сомневаются в его демократических

достоинствах. А ведь речь идёт о тех самых знаменитых Льве Лещенко, Владимире Винокуре, Геннадии Хазанове, Надежде Бабкиной, Александре Абдулове, многие из которых принимали участие в знаменитых гастролях «Голосуй или проиграешь», призванных напугать избирателей и заставить их проголосовать за Ельцина. Неужели вас и в самом деле купили, господа? Ещё бы! В 1996 году им платил Чубайс (разве не для этого Евстафьев и Лисовский взяли из государственной казны 500 тысяч долларов?), а в 1997 году им платил Коржаков, может быть, деньгами, полученными благодаря льготам, подаренным Ельциным. Деньги есть деньги. Эти ужасные предатели на самом деле просто профессионалы, живущие своим трудом. Который в данном случае сводится к облизыванию ботинок того или иного представителя власти. Точно так же, как поступил Эльдар Рязанов в своём знаменитом телеинтервью с Ельциным и его семьёй.

А потом, чья это корова замычала? Разве Андрей Черкизов в своё время не вступил в эту армию? Он, конечно, скажет, что записался добровольцем и трудился даром. Но нам-то интересна суть его логики, а не размеры возможного вознаграждения (на этот счёт мы не располагаем данными) за оказанные услуги. Итак, воспроизведём его обвинительную речь, сопроводив её краткими комментариями: «С кем вы, мастера культуры? Вы - с генералом охранки. Вы - с создателем новой монструозной спецслужбы, которая по своему проникновению в общество затмила, заткнула за пояс прежнюю, совковую «девятку». Вы - с создателем такой изощрённой системы слежки и прослушки, которой не на шутку боялись сами обитатели и постояльцы Кремля.

Мало того, вы поддерживаете человека, пытавшегося использовать свои громадные полномочия и своё почти абсолютное влияние на президента в столь расширенных целях, что по праву можно говорить о должностных злоупотреблениях. Достаточно вспомнить известное письмо Коржакова Черномырдину с требованием расширить полномочия господина Сосковца 128: передать ему курирование таких «денежных» отраслей экономики, как, например, ТЭК, в которых, как мы теперь знаем, наверное хватало места и криминальным методам управления» 129.

Стоп, давайте поразмышляем. Андрей Черкизов утверждает, что в непосредственной близости к президенту были преступники. Что их надо обвинить в злоупотреблении властью и многом другом. Но лицензии, льготы и другие привилегии, которыми они пользовались, были установлены президентским указом. Коржаков мог бы сказать в своё оправдание, что его «громадные полномочия» были ему предоставлены официально и что иметь «неограниченное влияние» на президента - не преступление. Скорее наоборот, если президент позволяет какому-нибудь негодяю обрести «абсолютное» влияние над собой, то следует спросить - что за президента мы себе выбрали?

Но продолжим следовать за Андреем Черкизовым: «Мало и этого. Вы поддерживаете человека, который, оказавшись в отставке, не сумел

остаться мужиком, а начал направо и налево «сливать» компромат - не только на президента, но и на его близких (имеются в виду ядовитые намёки Коржакова на политическую роль дочери Ельцина Татьяны. - Дж. К.). Попросту говоря - начал сводить счёты. Вам не может быть неизвестно, что Коржаковым наговорены десятки магнитофонных кассет, которые переправлены за границу, где и ищут теперь своего издателя (в настоящее время книга издана за рубежом. - Прим. ред.). У вас, видимо, скверно с моралью, если вы примирились с этим. Существуют профессии, носители которых не имеют права публиковать свои воспоминания по «горячим следами». Личный телохранитель президента относится именно к таким профессиям».

Всё правильно. Действующие президенты тоже, как правило, воздерживаются от мемуаров, поскольку «следы» их деяний ещё не простыли. И у вас тоже, наверное, скверно с совестью, если знали всё это и молчали. Тем более, что ваша профессия, господин Черкизов, в отличие от ремесла телохранителя, состоит как раз в том, чтобы информировать немедленно, по свежим следам, своих слушателей и читателей. Но послушаем последнее обвинение Андрея Черкизова: «Господа, вы призываете избирателей голосовать за человека, в отношении которого существуют серьёзные подозрения по поводу использования им и возглавлявшейся им спецслужбой незаконных, не правовых методов работы. Господа, вы призываете голосовать за человека, потворствовавшего развязыванию постыдной войны в Чечне; на совести которого - слёзы матерей по убиенным сынам; на совести которого - слёзы русских в Чечне, чьи жизни были унесены российской военщиной, чьи дома были разграблены российскими мародёрами; на совести которого слёзы чеченских матерей. Господа, вы призываете голосовать за человека, призывавшего нарушить Конституцию и отменить президентские выборы, господа, вы призываете голосовать за современного Распутина».

Пафос достиг высшей точки. Теперь мы знаем, что в чеченской войне виноват Коржаков. Президент ни при чём. Слёзы всех матерей, российских и чеченских, на совести других. Одна беда: что-то я не припоминаю, чтобы Андрей Черкизов так же гневно обличал Коржакова в декабре 1994 года, когда началась война. И раньше, когда, быть может, её можно было ещё предотвратить, если бы журналисты написали, кто и почему её готовит. Понадобилось сокрушительное падение Коржакова-Распутина, чтобы кое-кто из этих защитников безутешных матерей заговорил в полный голос. Они открывают рот только после того, как президент произнесёт свой приговор и растопчет виновных независимо от их заслуг и грехов. Решающим обстоятельством становится сам факт поражения. Они всегда с теми, кто командует, несмотря ни на что.

Так что теперь придётся ждать второго падения Чубайса, чтобы ещё один кусочек правды о тайнах Власти достиг глаз и ушей читателей и избирателей. А ведь кое-что уже просочилось, пусть и не случайно, пусть

и, как говорят, с помощью самого Распутина, кое-какие кассеты, о которых с такой страстью говорит Андрей Черкизов, выплыли на свет Божий. Этот эпизод также заслуживает подробного рассказа, с тем, чтобы читатели не только узнали о ходе событий, но и ощутили общую атмосферу эпохи «коллективного Распутина», которому посвящена эта книга. Я имею в виду ставшую уже знаменитой беседу от 22 июня 1996 года между Чубайсом, Виктором Ильюшиным и неким третьим собеседником (которого, скорее всего ошибочно, сочли Сергеем Красавченко), опубликованную «Московским комсомольцем» 130.

Но обо всём по порядку. Подлинность записи пока что не подтверждена и не опровергнута, хотя с момента публикации прошло уже больше семи месяцев. По-прежнему ничего неизвестно о расследовании дела, которое - как мы вскоре увидим - Генеральная прокуратура непременно должна была бы открыть. Кстати, сам нынешний Генеральный прокурор напрямую замешан в него. Неизвестно, были ли допрошены главные герои. Полная тишина. Интересно заметить, что важнейшие электронные СМИ сразу после публикации были озабочены главным образом происхождением (предполагаемым) и незаконностью (очевидной) этой записи. На этот счёт никаких сомнений нет. Кто-то воспользовался сложной аппаратурой, чтобы совать нос в конфиденциальные разговоры в помещении (всё том же «Президент-отеле»), где микрофонов по идее не должно было быть. Но помимо этих подозрений, существовало ещё и само содержание беседы трёх выдающихся представителей президентского окружения. А это содержание было взрывоопасным и в свою очередь взывало к уголовному расследованию.

Но этим аспектом почти все крупнейшие проправительственные СМИ предпочли не заниматься. Уже цитировавшаяся статья-обвинение Андрея Черкизова - всего лишь скромный пример того, как внимание читателей переключается на произвол (в данном случае только предполагаемый, поскольку до сих пор никто не смог или не захотел доказать, что подслушивание было организовано Коржаковым) бывшего шефа президентской охраны, в то время как о подпадающих под действие уголовного кодекса моментах беседы деликатно умалчивается. Стоит напомнить, что на день беседы Чубайс был главой избирательного штаба президента и не имел государственных постов, Виктор Ильюшин также входил в штаб и занимал должность первого помощника президента, будучи одним из наиболее приближённых к нему лиц ещё со времён Свердловска. Личность третьего, кто бы он ни был, в данном случае уже не так важна.

Но прежде, чем вернуться в 22 июня 1996 года, давайте сделаем ещё шаг назад, всего на три дня, в ночь 19 июня, в свою очередь всего три дня спустя после 16 июня, «победы» Ельцина в первом туре. В ту ночь Аркадий Евстафьев 131 и Сергей Лисовский 132 были арестованы на выходе из Белого дома с картонной коробкой, в которой лежали

полмиллиона долларов наличными. Выяснилось, что деньги вынули из сейфа некоего Дмитриева, заместителя начальника департамента (по иностранным кредитам и внешнему долгу) министерства финансов, с согласия (данного тем же утром) тогдашнего замминистра финансов Германа Кузнецова. Всё это зафиксировано чёрным по белому в протоколе допроса Бориса Лаврова, чиновника Национального резервного банка, - получившего за несколько месяцев до того от Кузнецова предложение войти в избирательный штаб президента в качестве члена группы административного контроля. Согласно тому же протоколу (допрос был проведён около 23 часов 30 минут 19 июня 1996 года лейтенантом московского ФСБ Анатолием Михалёвым), Лавров передал коробку с 500 тысячами долларов в руки Аркадия Евстафьева, которого сопровождал Лисовский.

Люди ФСБ, то есть агенты Михаила Барсукова, из предосторожности записали всё на видеокамеру: и арест парочки, и допросы, и доллары, и коробку с надписью «Xerox paper». Всё это, включая тексты протоколов, поступило в несколько московских редакций сразу после «телевизионного путча», организованного Чубайсом против Коржакова и компании 133. В те три захватывающих дня клан Чубайса и компании перешёл в наступление. Именно они поставили всё на победу Ельцина и организовывали её теми элегантными методами, о которых мы уже упоминали. Теперь они хотели сорвать банк. Теперь они могли выписать Ельцину счёт и потребовать головы конкурентов, поставивших на отмену выборов. Коржаков и компания попытались сыграть на опережение, но на этом и попались. Именно в этом контексте и нужно интерпретировать публикацию «Московского комсомольца» и её «достоверность». Которая в свете вышесказанного представляется достаточно высокой.

Коржаков и компания расставили ловушку Чубайсу и компании. Последние немедленно отреагировали, в ту же ночь, «телевизионным путчем», разыгравшимся на двух подконтрольным им каналах, НТВ и ОРТ. На следующее утро Чубайс явился в «Славянскую» и заявил, что команда противников уволена президентом, что именно они - настоящие путчисты и что от них до последнего исходила угроза отмены выборов. Всё так, кроме одной маленькой, но важной детали: коробку с 500 тысячами долларов придумал не Барсуков, она реально существовала и могла стать предметом разбирательства. Но на следующее утро Анатолий Чубайс решительно отрицал, что его сотрудники вообще когда-либо держали в руках доллары.

Прежде чем продолжить рассказ, нужно выяснить ещё одно обстоятельство: как поживает расследование о делах ночи 19 июня? 134 Этот экскурс сам по себе заслуживает отдельной главы, настолько ярко он свидетельствуете «независимости» российских следственных органов.

По материалам допросов и публикаций в печати Генеральная прокуратура открыла уголовное дело по статье о «незаконных валютных операциях» 135. Любопытно. Ведь из протоколов выяснились

многочисленные факты нарушения закона, среди которых - нарушение закона о выборах, кража, злоупотребление властью, использование служебного положения в личных целях, нанесение ущерба государству. Перечень можно продолжить. Однако Генеральная прокуратура расследует только незаконную валютную операцию. Кто же её совершил? Неизвестно. Но мы получили подтверждение, что Чубайс солгал. Полмиллиона долларов существовали на самом деле. Послушаем объяснения Юрия Скуратова: «В ходе предварительного следствия были получены данные о возможном перемещении валюты. В связи с этим 19 февраля 1996 года было открыто новое дело по обвинению в мошенничестве». Против кого? Опять же неизвестно. Пока что «учитывая произошедшие изменения в законодательстве, дело о нарушении правил валютных операций закрыто 5 января 1997 года за отсутствием состава преступления». Расследование продолжается, но ограничено банальным мошенничеством. Вот вам российское правосудие.

А теперь закончим отступление и вернёмся к беседе 22 июня, опубликованной «Московским комсомольцем» 15 ноября 1996 года. Из неё выясняется, что Коржаков и компания, уже выброшенные из Кремля, отказываются вести себя спокойно. Из контекста можно сделать вывод, что они угрожают возмездием. Вот что говорит голос, очень похожий на чубайсовский, в комнате «Президент-отеля» 22 июня: «Я же говорю, что тут язык совершенно однозначный. Только в лоб ему сказать, что либо заткнётесь, ребята, либо посадим. Всё. У нас материалов столько с документами, что хватит лет на 15 каждому. Про всё воровство, про все убийства, про всю кровь, которая за ними стоит. В полном объёме. И лежит в достаточно надёжных местах. И во многих местах это лежит. Если с любым из нас что-то происходит, мгновенно эти материалы публикуются. Схему я лично проработал до мельчайших деталей, сделал два месяца назад, потому, что я знал, с кем имею дело. А сейчас картина такая: либо они затыкаются, либо посажу совершенно однозначно. Можете от меня лично им передать в качестве привета» 136.

Никто пока что не подтвердил и не опроверг подлинность этой записи. Сказанного уже с лихвой хватило бы на десяток обвинений. Если этот портрет и ненастоящий, то хорошо придуманный. Значит, существуют документы, тянущие на 15 лет тюрьмы. А он, Чубайс, вернее, его голос, знал о них уже «два месяца назад», поскольку ему было ясно, с кем он имеет дело - с ворами, убийцами, организующими и распространяющими компромат. Но ведь и говорящий поступает точно так же. Он знает систему, он её «проработал до мельчайших деталей». Но не обнародуем, если только не... если «ребята» не успокоятся. Он позаботился о том, чтобы поместить документы в различные места, чтобы оставить инструкции, если «что-то происходит». Классический мафиозный лексикон.

Вариантов может быть два. Первый: запись подделана, разговора никогда не было, а «Московский комсомолец» стал жертвой отлично

организованной операции по дезинформации. Тогда суд должен нам сказать, что Чубайс невиновен. Во втором варианте давать объяснения придётся самому Анатолию Борисовичу, и отдельное расследование должно будет определить, кто заказал и организовал незаконное подслушивание. В ожидании всех этих событий продолжим цитировать газету Павла Гусева.

«Ильюшин: - Я шефу сказал, когда вчера с ним разговаривал. Я говорю: - Борис Николаевич, вот сейчас, если захотеть, то около «Президент-отеля» можно поймать как минимум пятнадцать-двадцать человек, которые выносят спортивные сумки из нашего здания с деньгам». «Он ответил: - Понятно».

Думаю, не надо пояснять, кого имеет в виду под «шефом» голос, приписываемый Ильюшину. Как и о чём речь. Кому какое дело до того, что выносили Евстафьев и Лисовский? Даже сегодня, 21 июня, стоит отдать приказ, и можно арестовать пятнадцать-двадцать человек со спортивными сумками, набитыми долларами, рублями, марками, чем угодно. Если запись - не фальшивка, то мы имеем дело с неплохой компанией воров.

В любой случае создатель плёнки очень много знает. В его распоряжении не только целая команда профессиональных имитаторов, но и отлично разбирающиеся в кремлёвских тайнах консультанты. Но продолжим цитирование.

«Ильюшин: - Но мы не сможем воспрепятствовать передаче дела в прокуратуру, если прокуратура их затребует.

Чубайс: - А почему? Одна просьба Бориса Николаевича к Скуратову, и второе: указание Ковалёву (директору ФСБ) затянуть. И всё.

Ильюшин: - То, что будет затянуто, - это без вопросов. А передача уже состоится сегодня.

Чубайс: - В прокуратуре же Илюхин (коммунист, председатель думского комитета по безопасности. - Дж. К.) как у себя дома.

Ильюшин: - А если я попрошу Скуратова держать у себя документы?

Чубайс: - Начните с того, что попросите его перенести передачу материалов.

Ильюшин (говорит по телефону со Скуратовым): - Юрий Ильич, вот какой вопрос возник: можно было бы сделать таким образом, чтобы документы, которые вам придут от Трофимова (шефа московского ФСБ), ни к кому, кроме вас, в ближайшее время не попали? И чтобы они у вас некоторое время полежали до совета с Борисом Николаевичем, после того, как вы с ними познакомитесь лично?»

В расшифровке записи ответа Скуратова нет, очевидно, микрофоны были установлены только в комнате.

«Ильюшин: - Надо именно так и сделать, потому что у нас есть сведения опасаться того, что это очень быстро перетечёт, если кто-то у вас будет заниматься другой, в стан наших противников».

Новая пауза, Скуратов что-то отвечает.

«Ильюшин: - Да, пусть это лучше полежит у вас лично, и никому не передавайте в производство. А потом подумаем, ладно? Спасибо.

Чубайс: - Что, если вторым шагом попросим Бориса Николаевича…

Ильюшин: - Вообще похоронить?

Чубайс: - Нет, затребовать у Скуратова документы себе на анализ. Затребовать полный комплект документов.

Ильюшин: - Хорошая идея (смеётся)».

Если запись настоящая, то получается потрясающий семейный портрет. Но мы не можем ничего утверждать, хотя никуда не деться от странного поведения Генерального прокурора в деле Евстафьева и Лисовского. Слишком уж оно напоминает откровения «Московского комсомольца». Не иначе как совпадение.

Дальнейшее же никак не может быть совпадением. Это факты, последний мазок к картине, делающий менее невероятным большую часть вышеизложенной неумолимой истины. В Гарварде существует Институт международного развития (IID), которым - смотри, кого мы видим! - руководит один ваш старый знакомый. По крайней мере тех из вас, кто дочитал до сих пор. Это Джеффри Сакс. Ещё несколько строк, и читатели, наконец поймут, почему я посвятил столько внимания этому молодому человеку. Кстати, я не единственный. Уильям Пфаф, авторитетный обозреватель «Лос-Анджелес таймс», рассказывает, что «однажды Джеффри Сакс, гарвардский экономист, бывший одним из первых и наиболее влиятельных советников Гайдара, признал, что чувствовал себя как хирург, обнаруживший, что в организме пациента все органы перепутались местами. Что означает две вещи: хирург ошибся не только в диагнозе, но и в биологическом виде больного». Статья была озаглавлена с традиционной американской краткостью: «Неумелые западные советы способствовали превращению России в пороховую бочку» 137.

Сегодня мы уже знаем гонорар хирурга Сакса и того, кто оплачивал его консультации по операции над Россией. Информация эта пришла из настоящего «коммунистического гнезда» - Счётной палаты США, органа, контролирующего расходование правительственными ведомствами

бюджетных средств. Её доклад был подготовлен по запросу Комиссии по иностранным делам Палаты Представителей Конгресса США 138. Из него выяснилось, что Джеффри Сакс получил ни больше ни меньше 60,4 миллиона долларов за «помощь» России. 40,4 миллиона пошли на программу приватизации, а 20 миллионов - на «поддержку законодательной деятельности» российского правительства реформаторов.

Неплохо. Посмотрим теперь, как и с кем работал Сакс. С 1994 по 1996 год. IID подготовил, написал и передал Ельцину «сотни указов». Вот, наконец, и раскрыта тайна: кто же конкретно проводил реформу в России. Россияне должны знать, кому они обязаны важнейшими решениями правительства Черномырдина, по крайней мере за эти два года.

Очевидно, что термин «советник», применяемый Пфафом, в данном случае не подходит. Сакс сам или руками своих помощников писал президентские указы. Те, кто обвинял Гайдара в том, что у него «Америка в голове», были ещё ближе к истине, чем им казалось. Только вот американский доклад не в восторге от деятельности IID. Авторы отмечают, что многое из задуманного не получилось. 20 миллионов были выделены администрацией Клинтона на создание консультационной службы при совместном комитете Думы и российской президентской администрации. Но они пошли на другие цели. Всё это можно объяснить тем, что в Вашингтоне чуть-чуть раскаялись в поддержке расстрела российского парламента в октябре 1993 года, и решили быстренько исправиться, не только помогая новой Думе (в надежде, что она окажется менее коммунистической, чем прежняя), но и приглашая хмурого российского президента сотрудничать с парламентом. Указания Государственного департамента были ясны: оказывать помощь и консультировать только в случаях согласия между законодательной и исполнительной властью, при необходимости способствовать примирению, а при неудаче воздерживаться от дальнейшего вмешательства. Очень мудро.

Из доклада, однако, выясняется, что саксовский институт чрезвычайно пристрастен и даёт свои советы только исполнительной власти. Не будем наивно делать вид, будто мы не поняли, что этим докладом республиканцы пытались подпортить настроение Биллу Клинтону. И что неожиданная вспышка любви к российскому парламенту выглядит немного подозрительно. Обвинять Клинтона в том, что он поставил под удар отношения с Россией (поскольку, когда эти данные станут достоянием гласности, россияне придут в возмущение, учитывая результат «консультаций»), тоже неуместно. Но никуда не деться от реальных обстоятельств, от открытия благих намерений, которыми был вымощен получившийся ад. Достаточно поручить выполнение важнейших - и правильных - решений бесчестным и коррумпированным, или попросту самодовольным глупцам. Сакс оправдывался - а у нас нет доказательств, что он лгал, - тем, что написание указов для Ельцина было «составной

частью» американской стратегии и что поведение его института «было известно американским руководителям USAID и одобрено самыми высокопоставленными чиновниками американского правительства». Ладно, американцы сами разберутся в своих делах.

Но продолжим рассматривать факты, глядя из Москвы. Факты серьёзные, поскольку со всех точек зрения дело с 40,4 миллионами долларов на приватизацию ещё интереснее предыдущего. Эта сумма являлась частью финансовой помощи usaid в 325 миллионов долларов, выделенной на поддержку российской приватизации, создание рынка капиталов и формирование законодательных основ реформы. Из доклада выясняется, что Сакс заполучил свою долю вне конкурса, благодаря своему привилегированному положению в России, будучи уже тогда советником Гайдара и тесно связанным с Чубайсом. Куда пошли эти деньги? Доклад отмечает, что часть этой суммы попала в Российский центр приватизации, среди основателей которого выступают различные правительственные органы России и саксовский институт. Пока что почти ничего плохого. Только счета этого Центра никогда не попали в Вашингтон, где до сих пор не знают, куда делись 40 миллионов, тем более что «план работ не был представлен» и никто не видел «соответствующего финансового плана». Американцам так и не удалось добиться полного списка покровителей Центра приватизации и узнать о их целях.

Несколько американских миллионов, которыми распорядились со столь необычной свободой, помогли выяснить, каким образом приобреталась бывшая советская государственная собственность стоимостью в сотни миллиардов долларов. Теперь мы знаем, что ключевые решения принимались несколькими американскими экспертами вместе с «высокопоставленными представителями администрации российского президента, получившими руководящие посты в Комитете по приватизации». Начиная с Чубайса, бывшего его генеральным директором, и с Максима Бойко, исполнительного директора, ставшего осенью 1996 года вторым человеком в администрации. Самое замечательное, что и Чубайс, и Бойко, войдя в администрацию, оставили за собой руководящие посты в Центре.

Продолжать? Не думаю, что в этом есть необходимость. На наших глазах сбывается пророчество Ивана Ильина о «разрушителях России», пытающихся воплотить в жизнь свои «враждебные и близорукие планы, пользуясь постбольшевистским хаосом, выдавая разруху за торжество «свободы», «демократии» и «федерализма», приговаривая на деле народы России к смерти, отдавая успех авантюристам, жаждущим политической карьеры, и полную победу врагам России» 139. Ильин написал эти слова в 1949 году, но они поразительно напоминают Зюганова образца 1997 года, утверждающего, что развал СССР - плод заговора, управляемого из-за рубежа с помощью российской «демократической» интеллигенции. Поскольку никто не сможет обвинить

Ивана Ильина в симпатиях к коммунизму, я надеюсь также избежать этого обвинения. Тем более что я вовсе не считаю, будто во всём виноваты внешние силы.

Сами россияне, все, а не только интеллигенция, внесли свой решающий вклад. Быть может, именно поэтому, заканчивая книгу, я понимаю, что иногда стрелял из пушек по воробьям и из рогатки по великанам. Все участвовали в этой комедии, и все несут свою часть ответственности, большую или меньшую. И никому (это касается всех народов, не только россиян) не дано оправдаться великолепным афоризмом Ханса Магнума Энзенсбергера: «Во времена фашизма я не знал, что живу во времена фашизма». В качестве смягчающего обстоятельства они могут привести всю свою историю. Как свидетель, близко наблюдавший эту очередную драму российской истории, пытаясь как-то разделить боль и проблемы россиян, я могу только сказать, что они не хуже других народов. Они просто другие. Но они быстро усвоили уроки демократии. Если бы их не обманули, им удалось бы применить их лучшим образом. Но им не хватило опыта, они оказались безоружными и беззащитными. Что, как я уже говорил, не грех, а наследственность.

Этому историческому наследию нелегко будет сочетаться со всё более ярко выраженным сходством России со странами третьего мира, который на самом деле перестал быть «третьим» только потому, что исчез «второй мир», во главе которого как раз и стояла коммунистическая Россия. Со странами, управлявшимися вице-королями и губернаторами, присланными метрополией, которым время от времени приходилось посылать на помощь морскую пехоту. Всё, разумеется, не так просто, потому что у России много ядерных боеголовок и атомных электростанций, да и сама она - не затерянный в Карибском море остров, у которого в конце концов могущественные северные соседи отняли даже морскую воду за неуплату долгов. Иван Ильин утешался тем, что в силу своих размеров и богатств Россию невозможно превратить в колонию. Хуже того: претендентов оказалось бы так много, что Россия стала бы источником постоянных распрей между победителями. Как минимум она вкусила бы посмертную месть, превратившись в незаживающую язву таких размеров, что зараза от неё отравит всю планету на века.

Необязательно любить Россию для того, чтобы пожелать ей иного будущего. Достаточно любить самих себя, Запад и Восток, нашу Землю. Но Запад расширяет НАТО и обращается с Россией почти как со страной «Патриарха» Габриеля Гарсия Маркеса, сделав всё для того, чтобы Патриарх вообразил себя вечным и незаменимым. И нет больше старого доктора, который, пользуясь старинной дружбой, скажет ему, что «настало время передать орудия ремесла, господин генерал, решите по крайней мере, в чьих руках вы нас оставите, сказал он ему, избавьте нас от сиротства, но он встревоженно спросил, кто вам сказал, что я собираюсь умереть, мой дорогой доктор, пусть умирают остальные, что за чёрт, и задиристо добавил, что позапрошлой ночью я видел себя по

телевизору и нашёл, что я силён как никогда, как бык на арене...» 140

Заключение

Прощай, Россия! Иногда страны, нации, народы исчезают, уходят и не возвращаются. Бывало, что от народа не оставалось и следа и учёным даже не удаётся разузнать что-нибудь о его истории. Но это - не наш случай. От России в любом случае останется память, огромная, как и её вклад в развитие человеческой цивилизации, как её литература, театр и наука, как её военная мощь и её жестокость, её подлость и свирепость, как её нетронутая, дикая красота и гениальная авантюрная склонность к утопии, превратившие её в лабораторию гигантского трагического эксперимента. Только великий народ мог создать всё это одновременно.

Прощай, потому что всё это умирает намного быстрее, чем можно было себе представить. Другие империи и цивилизации рушились столетиями, теряя клочки своего величия в пыли времени. Но у их подданных было время приспособиться к переменам, осознать их, примириться с неумолимым ходом истории. Здесь всё происходит гораздо быстрее, этот век в самом деле стал очень коротким, сокращая все события и даже само время, даже идеи. Человечество никогда не развивалось так бурно. Скорость всё растёт, расстояний уже практически не существует, судьбы каждого пересекаются с судьбами всех остальных, и у людей отнято даже право исчезнуть одиноко и незаметно. На Земле больше нет кладбищ слонов, и Атлантида уже не может затонуть вдали от телекамер и всевидящих электронных глаз космических спутников.

Прощай, потому что уже не видно, за что можно зацепиться, чтобы устоять против течения. В этой России, втянутой (давшей себя втянуть) всё перемалывающей западной машиной, нет сил, интеллектуального потенциала, планов на будущее. Она хотела противостоять Западу в одиночку, в который раз ослеплённая солнцем собственной гениальности и печальной луной собственного неизбывного комплекса неполноценности.

Прощай, ведь в конце этого века мир отбросил милосердие прошлого. Мне грустно слушать, как российские друзья - и недруги - провидят новые всплески величия, ссылаясь на своё прошлое, видевшее неоднократные падения и столь же молниеносные, необъяснимые взлёты, непредсказуемые восхождения, нежданные возрождения. Мне грустно, потому что всё это уже ничего не значит, потому что ни одна историческая аналогия не выдерживает испытания новыми, беспрецедентными условиями, в которых уже не остаётся места чудесным открытиям гения.

Третий Рим, или вернее, страна, претендовавшая на этот титул, сворачивает свои знамёна. Первый пал под ударами полчищ варваров, второй под ударами Востока, который с рождения пропитывал его. Этот

Рим уничтожается на наших глазах Западом. Единственное отличие от двух других состоит в том, что падение совершается намного быстрее. И без боя. Россия со всей своей хвалёной духовностью склоняется с приходом скупого царства прагматизма, успеха и материализма.

Быть может, ещё есть время для мучительных конвульсий, для кровавых и бесполезных судорог, порождённых иллюзиями, которые всегда отказываются умирать. Но новый взлёт маловероятен. Спад и распад - которым сами россияне способствовали своей ленью и глупым подражанием чужим примерам - только начались. За потерей Средней Азии последует утрата Кавказа. А потом россияне распрощаются с Сибирью, их подомнёт самый сильный из «азиатских тигров». Это произойдёт само собой, потому что Россия делает харакири на глазах у Азии и колоссальное демографическое давление китайцев скоро не будет сдерживаться уже ничем.

Александру Солженицыну, великому диссиденту, среднему мыслителю и отвратительному политику, может быть, и удалось интерпретировать русский дух, но он так и не понял, что Россия нуждалась в среднеазиатском «подбрюшье» не меньше, чем в своих киевских корнях. Отдавая в никуда, всем и никому, азиатские степи, Москва теряет саму себя. Уничтожение «тюрьмы народов» привело к созданию пятнадцати тюрем меньших размеров, но не меньшей жестокости. К тому же россияне сами оказались заключёнными, после того как веками, не по своей воле, в качестве представителей авторитарного государства, были тюремщиками.

Солженицын несёт свою долю моральной ответственности. Он был пророком распада. И его не оправдают его благие намерения, поскольку он сам потребовал для российского Писателя роли, выходящей далеко за рамки литературы. За ним последовала когорта эпигонов. И если пророком двигали исключительно внутренние соображения, стремление защитить чистоту и целостность российских ценностей (неважно, насколько они были таковыми), то подражатели, последователи и популяризаторы сильно подкорректировали его идеи, увеличив количество ошибок и недоразумений. Солженицын не питал иллюзий по отношению к внешнему миру, он его отвергал. Но он недооценил его жажду власти и способность к экспансии. Он тоже переоценил российскую духовность и недооценил силу Запада. Он оказался плохим учителем, подняв флаг отступления во имя будущей духовной победы и не заметив смертоносную воронку, которая неизбежно возникла бы вместо пустоты. «Демократические» эпигоны, впрочем, пошли дальше: они создали воронку своими руками, уничтожив то немногое, что Россия могла противопоставить, и склонившись перед новыми идолами, пришедшими извне.

Прощай, Россия! Они добились своей цели и успели разбогатеть, сплотиться, стать частью прочной паутины, окутавшей мир в конце века. Наступает время подлинных интернационалистов, пришедших в эпоху

глобализации на смену пролетарскому интернационализму, скончавшемуся по меньшей мере пятьдесят лет назад. А поскольку, как написал Томас Фридман, «глобализация - это мы», то - прощай, Россия!

Да, они всего лишь немногочисленная и жадная олигархия, невежественная и подлая, неумелая и преступная. В любых других условиях их бы смели после нескольких лет их грабительской деятельности. Но в России это вряд ли случится. По двум причинам внутреннего исторического характера и одной - внешней и сиюминутной. Последнюю просто объяснить и понять - сам Запад, целиком, вёл их за руку, помогал, кормил и защищал.

Две исторические причины заключаются в том, что россияне не успели освоиться в демократии, обещанной перестройкой. Им просто не дали на это времени. Россия просто оказалась не в состоянии обеспечить себе это время. И народ снова стал тем «ослом» (выражение Александра Лебедя), который терпит всё, что преподносит ему его горькая судьба. Но я не верю в его кажущееся безграничное терпение. Это не терпение. Нужно знать и уметь жить в гражданском обществе, чтобы проявлять нетерпение, которое есть не что иное, как осознание собственных прав. И нужно быть организованными, чтобы нетерпение принесло свои плоды, привело бы к какой-нибудь цели. У россиян всего этого никогда не было, они просто ничего об этом не знают. Им надо было всё изобрести заново, но времени не хватило. А его требовалось немало. И даже если бы оно у России было, его всегда оказалось бы недостаточно.

Только в России власть всегда была настолько далека и невидима, недоступна и враждебна, что её можно сравнивать лишь с царством египетских фараонов. Только в России народ настолько распылён и разбросан на невообразимо огромном пространстве, что этому невозможно найти сравнение на всей нашей планете. Витфогель называл это «гидравлическим» обществом, другие предпочитали говорить об «азиатском» способе производства. Мне кажется очевидным, что только такая свыше всякой меры деспотичная, обожествлённая Власть, только самодержец мог удержать вместе этот «мир миров» на таких пространствах. И только так мог родиться народ, настолько чуждый Власти, настолько беззащитный, настолько склонный оправдывать несправедливость, что она уже кажется частью его собственной природы. Народ, настолько «анархичный», чтобы время от времени взрываться в никуда, и настолько «коммунистический», чтобы довольствоваться мизерной долей самоуправления в «общине», которую Власть не столько позволяла, сколько терпела из-за невозможности проникнуть во все уголки этого огромного пространства.

Потребовалось бы намного больше времени, несколько поколений, чтобы в самом деле вступить в новый этап культурного демократического развития. Вместо этого посткоммунизм, не без активной помощи демократической интеллигенции, немедленно породил новую олигархию. Которая - вот вам и вторая историческая причина - сосредоточила в своих

руках настолько огромное богатство, что может теперь надолго удержаться у власти, выделяя малую его толику для тех, кто будет защищать её внутри страны. Никто не знает, сколько это может продлиться. Но всё идёт к тому, что эта саранча сожрёт страну задолго до окончания её жизненного цикла.

Прощай, Россия! В том числе и по другим причинам, некоторые из которых и подтолкнули меня на написание этой книги. То, каким образом умирает эта империя, является отражением победившей цивилизации, нашей цивилизации, в свою очередь не отдающей себе отчёта в том, что она вступила в свой заключительный кризис. После которого не наступит конец мира, а просто придёт что-то другое. Вся нечистоплотность, все ужасы и ошибки, поведанные мной, - наше отражение, знак наших страхов, наших слабостей, нашей наглости и цинизма. Все главные плоды нашей цивилизации - либеральная демократия, правовое государство, плюрализм, современные технологии, коммуникации, информация - были изнасилованы нами же на глазах россиян. А потом мы преподнесли им эти плоды, изуродованные до неузнаваемости. Если они отвергнут их, уже отвергают, в этом будет и наша вина.

К сожалению, более или менее то же самое происходит и у нас, но, чтобы понять это, нам приходится всмотреться в кривое российское зеркало. На смену либеральной демократии приходит популизм, на смену выборам - плебисциты. Партии подменяются личной харизмой лидеров, представительная демократия - единоличными решениями лидера, избранного большинством. Вместо общественного мнения, родившегося в реальной дискуссии и соперничестве закономерных интересов по общепризнанным правилам, появляется неразличимая масса телезрителей, которой даже слишком просто манипулировать, что не мешает армии манипуляторов испытывать на ней свой цинизм, соревнуясь в воспевании независимости суждений этой публики и выставляя на общественное порицание тех, кто осмеливается призвать к трезвости и критике.

Всё это уже случилось в России и зарождается на Западе. Над этим стоило бы поразмыслить до того, как великие трансформации XXI века - экологический, экономический, социальный, демографический, информационный, институциональный - обрушатся нам на голову все разом, а мы не сможем с ними справиться потому, что не предугадали их.

Я обязан ещё кое-что пояснить. Этой книгой я выстреливаю только по небольшому числу мишеней. Думаю, что те из них, кто это заметит, не обрадуются. Но я настаиваю на необходимости произносить в такого рода полемике имена и фамилии. Я ненавижу безадресное моральное бичевание. К тому же ведь мы говорим о победителях, а их имена нельзя замалчивать. Нужно признать, что они выиграли. Это их информация о России выдавалась широкой публике, разумеется, с помощью «рулевых», определяющих погоду в итальянских и всемирных СМИ. Пусть читатели сами решат, может ли это обстоятельство стать предметом гордости или

стыда.

Я не скрываю, что к написанию этой книги именно с этим заголовком меня побудило и соображение весьма личного порядка. Я подумал, что через несколько лет, когда дым иллюзий рассеется и проблемы взорвутся во всей своей остроте, кто-нибудь спросит: а почему никто нас не предупредил, не рассказал, как на самом деле обстоят дела? Я просто попытался поведать то, что понял. Для потомков. Наконец, хотелось бы ответить на последнее критическое возражение. Кому-то покажется, что эта книга слишком однобока, слишком эмоциональна, чтобы быть объективной. Не думаю, что это так. Я не считаю отстаиваемые мной идеи однобокими и не защищал их просто из любви к полемике. В самой книге достаточно доказательств объективности исследования, и, к счастью, они принадлежат не только мне, но и многим гораздо более авторитетным наблюдателям. Как говорил итальянский философ Пьеро Гобетти: «Когда по одну сторону нет ни капли правды, соломоново решение становится крайне тенденциозным».

Москва, март 1997 г.

Библиография

1. Э.-Хобсбаум. «II secolo breve», Rizzoli, Милан, 1995, с. 572.

2. «Интернэшнл геральд трибюн», 4 сентября 1996, заголовок к комментарию Эдвина М. Йодера-младшего.

3. «Интернэшнл геральд трибюн», 23-24 ноября 1996.

4. Александр Зиновьев. «La caduta dell 'Impero del Male», Bollati-Boringhieri, Турин, 1994, с. 128. Для истории вспомним здесь подписантов этого письма. Мы ещё встретимся с ними на последующих страницах:

- Алесь Адамович (+),
- Анатолий Ананьев,
- Виктор Астафьев,
- Артём Афиногенов,
- Белла Ахмадулина,
- Григорий Бакланов,
- Зорий Балаян,
- Татьяна Бек,

- Александр Борщаговский,
- Василь Быков,
- Борис Васильев,
- Александр Гельман,
- Даниил Гранин,
- Юрий Давыдов,
- Даниил Данин,
- Андрей Дементьев,
- Михаил Дудин,
- Александр Иванов (+),
- Эдмунд Иодковский (+),
- Римма Казакова,
- Сергей Каледин,
- Юрий Карякин,
- Яков Костюковский,
- Татьяна Кузовлева,
- Александр Кушнер,
- Юрий Левитанский,
- Дмитрий Лихачёв,
- Юрий Нагибин (+),
- Андрей Нуйкин,
- Булат Окуджава,
- Валентин Оскоцкий,
- Григорий Поженян,
- Анатолий Приставкин,
- Лев Разгон,

- Александр Рекемчук,
- Роберт Рождественский (+),
- Владимир Савельев,
- Василий Селюнин (+),
- Юрий Черниченко,
- Андрей Чернов,
- Мариэтта Чудакова,
- Михаил Чулаки.

5. «Независимая газета», 5 октября 1996.

6. «Russian Economic Reform: Crossing the Threshold of Structural Change» (Вашингтон, Всемирный банк, 1992), с. 74.

7. Артуро Азраель. «The Changing Role of the State: Institutional Dimensions», рабочие записки WPS 495, управление общественным сектором и развитие частного, департамент экономики стран, Всемирный банк, август 1990, с. 3.

8. «Форин эфэйрс», сентябрь-октябрь 1994, № 5.

9. «Экономист», 9 ноября 1996.

10. «Экономист», 7 января 1995.

11. Александр Зиновьев, «Смута», «Наш современник», № 5, 1993, с. 97.

12. «Царь Борис и упадок советской «Золотой Орды»», «Дружба народов», № 10, 1996.

13. «Ла Репубблика», 25 августа 1996.

14. Цитируется по Александру Янову, «Российские либералы против русской истории», «Дружба народов», № 11, 1996, с. 112-130. Янов цитирует Маркса по «Revelations of the Diplomatic History of the XVIII century», The Free Press, London, vol. IV, № 26, Febr. 4th, 1857; vol. VI, № 29, Febr. 25th, 1857.

15. Александр Янов - историк-диссидент, эмигрировавший в США, автор важных исследований о русских правых, среди которых «The Russian Challenge and the Year 2000», Basil Blackwell, Oxford, 1987, а из последних - «Тень грозного царя», Москва, 1996.

16. «Царь Борис и упадок советской «Золотой Орды»«, «Дружба народов», № 10, 1996.

17. В. Найшуль, «О нормах современной российской государственности», «Сегодня», 23 мая 1996.

18. Е. Гайдар. «Государство и эволюция», Москва, 1995.

19. А. Лебедь. «За державу обидно», Москва, 1995.

20. Л. Куликов. «Россия: прошлое, настоящее, перспективы», Москва, 1996.

21. В. Найшуль, цит.

22. «Ла Репубблика», 25 августа 1996.

23. Федеральная служба контрразведки, ныне ФСБ.

24. «Интернэшнл геральд трибюн», 7 ноября 1996.

25. «Российская газета», 9 декабря 1991.

26. «Огонёк», № 49, декабрь 1996.

27. «Труд», 6 декабря 1996.

28. «Огонёк», цит.

29. «Известия», 3 марта 1993. Цитируется по: Джульетто Кьеза, «Da Mosca-Alle origini di un colpo di Stato annunciato», Laterza, Бари-Рим, 1993, с. 126.

30. «Известия», № 189-192, август 1992, цитируется по «Da Mosca...».

31. «Советская Россия», № 140, 30 ноября 1996.

32. Джульетто Кьеза. «Da Mosca...», с. 8.

33. Борис Ельцин. «Записки президента», изд-во «Огонёк», Москва, 1994, с. 33.

34. «Записки президента», с. 149-150.

35. 13 марта 1990.

36. «Интернэшнл геральд трибюн», 15 марта 1993.

37. «Аргументы и факты», № 46, ноябрь 1996.

38. «Известия», 13 ноября 1996.

39. ИТАР-ТАСС, 14 ноября 1996.

40. Фредерик Форсайт. «Icona», Mondadori, Милан, 1996, с. 341.

41. Интерфакс, 9 декабря 1996.

42. «Новая газета», 18 ноября 1996.

43. «Москоу Таймс», 20 октября 1996.

44. Иосиф Бродский. «Fuga da Bisanzio», Adelphi, Милан, 1987, с. 41.

45. Пётр Чаадаев. «Первое философическое письмо».

46. Иосиф Бродский, цит., с. 40.

47. «Уолл-стрит джоурнал», 26 сентября 1996. «Despite threats, there is belief that democracy is bigger than Yeltsin. Yes, there are restaurants». Тем не менее статья, подписанная Стивом Лисманом, содержит немало отнюдь небанальных замечаний. Никогда нельзя попрекать журналиста заголовками к его статьям.

48. «Интернэшнл геральд трибюн», 19-20 октября 1996.

49. Там же.

50. «Интернэшнл геральд трибюн», 25 апреля 1995. Все цитаты взяты из одной и той же статьи, озаглавленной «Slowly, Russia moves to normality» («Россия медленно становится нормальной»).

51. Агентство Франс Пресс, цитирующее ИТАР-ТАСС, 22 января 1997.

52. Данные относятся к 1994 г. В последующее годы ситуация обострилась.

53. Агентство Франс Пресс, 1 декабря 1994.

54. «Ла Стампа», 10 января 1997.

55. «Ла Репубблика», 15 мая 1995.

56. ИТАР-ТАСС, 19 мая 1996.

57. ИТАР-ТАСС, 27 июня 1994.

58. ИТАР-ТАСС, 14 июня 1996.

59. Интерфакс, 6 января 1997.

60. «Сегодня», 2 ноября 1996.

61. Владимир Гулиев. «Широка страна моя блатная», «Новое время», № 1-2, 1997.

62. «Москоу таймс», 26 ноября 1996.

63. Александр Зиновьев, цит., с. 124-125.

64. «Проблемы прогнозирования», № 4, 1994, Москва.

65. Полный список подписавших «Заявление», приведённый в статье «Реформы глазами американских и российских учёных», «Российский экономический журнал», Москва, 1996, с. 21-23:

- Л.И. Абалкин (Институт экономики РАН),
- Ирма Адельман (Университет Беркли, Калифорния),
- А.А. Арбатов (Комитет по природным ресурсам, РАН),
- Г.А. Арбатов (Институт США и Канады РАН),
- Кеннет Дж. Арроу (Стэнфордский университет),
- А.О. Богомолов (Институт международных экономических и политических исследований РАН),
- О.Т. Богомолов (Институт международных экономических и политических исследований РАН),
- С.В. Бурков (член Комитета по собственности и приватизации Думы),
- Пол Дэвидсон (Университет Теннесси),
- Джеймс К. Гэлбрайт (Техасский университет),
- Джон Кеннет Гэлбрайт (Гарвардский университет),
- С.Ю. Глазьев (член Комитета по экономической политике Думы),
- Маршалл И. Голдманн (Гарвардский университет),
- Р.С. Гринберг (Институт международных экономических и политических исследований РАН),
- Майкл Д. Айнтрилигэтор (Калифорнийский университет, Лос-Анджелес),
- В.В. Ивантер (Институт экономических прогнозов РАН),
- Дуайт М. Иффе (Университет Беркли, Калифорния),

- А.А. Хандруев (Центральный банк РФ),
- Лоуренс Р. Кляйн (Пенсильванский университет),
- В.В. Леонтьев (Нью-Йоркский университет),
- А.Б. Левитан (Администрация Хабаровской области),
- Д.С. Львов (ЦЭМИ РАН),
- В.Л. Макаров (ЦЭМИ РАН),
- Роберт Мак-Айнтайр (Бодуин колледж),
- П.А. Минакир (Центр изучения Дальнего Востока при Институте экономических исследований РАН),
- А.Д. Некипелов (Институт международных экономических и политических исследований РАН),
- Дуглас С. Норт (Вашингтонский университет), Н.Я.Петраков (Институт проблем рынка РАН),
- Ю.А. Летров (ЦЭМИ РАН),
- Маршалл Паумер (Институт макроэкономической политики),
- С.С. Шаталин (отделение экономики РАН),
- Уильям Дж. Шепард (Массачузетский университет),
- Г.И. Шмелёв (Институт международных экономических и политических исследований РАН),
- Н.П. Шмелёв (Институт Европы РАН),
- С.А. Ситарян (Институт исследований международной экономики РАН),
- Мартин Спеклер (Университет Индианы),
- Лэнс Тэйлор (Новая школа социальных исследований),
- Лестер Тароу (Массачузетский технологический университет),
- Джеймс Тобин (Йельский университет),
- Ю.В. Ярёменко (Институт экономических прогнозов РАН).

66. «Ла Репубблика», 13 мая 1995.

67. «Независимая газета», 26 ноября 1996.

68. «Интернэшнл геральд трибюн», 6 февраля 1997.

69. Интерфакс, 7 февраля 1997.

70. Юрий Маслюков, «Деградация стратегических ядерных сил России», «Независимое военное обозрение», 18-24 января 1997.

71. «Москоу таймс», 6 февраля 1997.

72. «Файнэншл таймс», 4 февраля 1997.

73. «Интернэшнл геральд трибюн», 4 февраля 1997.

74. Э. Хобсбаум, цит., с. 672.

75. «Коррьере делла Сера», 8 ноября 1994.

76. Чарльз Э. Шумер, демократический депутат от штата Нью-Йорк, цитируется в «Телевидение - плохой учитель», серия Reset, Милан, 1996, с. 91.

77. Карл Поппер, «Телевидение - плохой учитель», цит., с. 36.

78. Карл Поппер, цит., с. 45.

79. Ричард Пайпс, «La Russia. Potere e societa dal Medio Evo alia dissoluzione dell'Ancien Regime».

80. Александр Зиновьев, «Смута», «Наш современник», № 4, 1993, с. 95.

81. Дмитрий Фурман, «Общая газета», 11-18 декабря 1996.

82. Дмитрий Фурман, цит.

83. Интерфакс, 21 февраля 1997.

84. «Ла Стампа», 6 июля 1996.

85. «Советская Россия», 28 сентября 1995. Цитируется по «Национальной службе новостей», 1996.

86. «Ла Стампа», 6 июля 1996.

87. Алессандра Стэнли, «Интернэшнл геральд трибюн», 2 апреля 1996.

88. Джон Торнхилл, «Файнэншл таймс», 1 июля 1996.

89. «Москоу трибюн», 5 июля 1996.

90. Там же.

91. «Файнэншл таймс», 1 ноября 1996.

92. «Итоги», 22 октября 1996.

93. «Аргументы и факты», 28 сентября 1995.

94. «Файнэншл таймс», 1 ноября 1996.

95. «Форбс», 30 декабря 1996.

96. «Капитал», 6-12 ноября 1996.

97. «Итоги», 22 октября 1996.

98. «Москоу таймс», 5 января 1997.

99. «Интернэшнл геральд трибюн», 25 апреля 1995.

100. «Интернэшнл геральд трибюн», 6 декабря 1995.

101. «Рабочая трибуна», 2 августа 1995, цитируется по «Национальной службе новостей», 1996.

102. ИТАР-ТАСС, 15 ноября 1995.

103. «Независимая газета», 26 апреля 1996.

104. «Независимая газета», 27 апреля 1996.

105. «Совершенно секретно», № 11, 1996.

106. ИТАР-ТАСС, 29 декабря 1995.

107. ИТАР-ТАСС, 15 февраля 1996.

108. Идеей процитировать «Мастера и Маргариту» Булгакова я обязан Александру Минкину. Пародия основана на русском издании: «Молодая гвардия», 1989.

109. Н.И. Костомаров (1817-1885). «Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей», СПб., 1873, вып. 2, с. 564-565. Цитируется по «Евразия», № 1 (3), 1995.

110. Интерфакс, 6 марта 1997.

111. «Московский комсомолец», 15 ноября 1996.

112. ИТАР-ТАСС, 29 ноября 1996.

113. Александр Фролов, «Советская Россия», 2 ноября 1996.

114. Александр Минкин, «Новая газета», 16-22 сентября 1996.

115. Статья 15, пункт 3: «Законы подлежат официальному опубликованию. Неопубликованные законы не применяются. Любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения». Президентские указы приравниваются к законам. Согласно статье 90, пункт 2, «указы и распоряжения Президента Российской Федерации обязательны для исполнения на всей территории Российской Федерации».

116. Статья 102, пункт 1, подпункт б) и в): «К ведению Совета Федерации относятся... б) утверждение указа Президента Российской Федерации о введении военного положения; в) утверждение указа Президента Российской Федерации о введении чрезвычайного положения».

117. Варлам Шаламов. «Колымские рассказы».

118. Нина Берберова. «Курсив мой».

119. Александр Минкин, «Новая газета», 16-22 сентября 1996.

120. Борис Ельцин. «Записки президента», с. 133.

121. Интерфакс, 24 мая 1996.

122. Борис Ельцин, цит., с. 294.

123. Интервью «Итогам», еженедельная программа НТВ. Цитируется по агентству Франс Пресс, 4 февраля 1996.

124. «Интернэшнл геральд трибюн», 4-5 января 1997.

125. Выдержки из стенограммы выступления Сергея Ковалёва на IV чрезвычайном съезде «Демократического Выбора России» (18 мая 1996).

126. «Известия», 5 июля 1996.

127. «Новое время», № 6, 16 февраля 1997.

128. В то время первый вице-премьер.

129. «Новое время», цит.

130. «Московский комсомолец», 15 ноября 1996.

131. Бывший пресс-секретарь Анатолия Чубайса, на тот момент - заместитель генерального директора ОРТ.

132. Генеральный директор «ОРТ-Реклама», миллиардер, всегда занимал одно из первых мест в рейтингах влияния и известности специализированных изданий.

133. Еженедельник «Лица» опубликовал фотографии (с видеозаписи) и протоколы допросов в № 3 августа 1996, под заголовком «Победителей не судят».

134. Автор поставил точку в конце марта 1997.

135. Письмо Генерального прокурора РФ Юрия Скуратова председателю Думы Геннадию Селезнёву с неустановленной датой, опубликовано «Новой газетой», № 11, 17-23 марта 1997.

136. Эта и последующие цитаты взяты из «Московского комсомольца», 15 ноября 1996.

137. «Inept Western Advice Has Helped to Make Russia Explosive», «Интернэшнл геральд трибюн», 26 ноября 1996.

138. Статья Пилар Боне, «Эль Паис», 22 января 1997.

139. Джульетте Кьеза. «Da Mosca…», цит., с. 144.

140. Габриель Гарсия Маркес. «Осень патриарха».